

З.ФРЕЙД

Сочинения

СТРОКИ БИОГРАФИИ

Психология масс и анализ человеческого "Я"

О сновидении

З.ФРЕЙД - СТРОКИ БИОГРАФИИ

Выкуп - 100 тысяч шиллингов

Родился в городке Фрайберг в Моравии (тогда провинция Австрии) 6 мая 1856 года. Поступил на медицинский факультет Венского университета в 1873 году. Работал в терапевтической, психиатрической клиниках Вены, у Шарко - в Париже, у Бернхейма - в Нанси. В 1881 г. получил степень доктора медицины. Вместе с Йозефом Брейером разработал катартический метод лечения неврозов. В 1895 г. вышла их книга "Исследования истерий". От нее принято вести историю психоанализа. С 1902 г. - профессор Венского университета. Более сорока лет посвятил разработке теории и практике психоанализа. Работы: "Толкование сновидений" (1899), "Психопатология обыденной жизни" (1901), "Тотем и табу" (1913), "Лекции по введению в психоанализ" (1917), "Психология масс и анализ человеческого "Я" (1921), "Я" и "Оно" (1923), "Будущее одной иллюзий" (1927), "Неудовлетворенность в культуре" (1930) и другие. В 1930 году удостоен Премии Гете, в 1936 г. избирается иностранным членом Королевского научного общества (Лондон). Фрейда называют и ученым, и провидцем, и основоположником нового направления в науке. С его именем связывают понятие бессознательного в психике человека. Его теория обогатила многие области современных знаний. В 1938 году, после вторжения нацистов в Австрию, стал узником гетто. Его лишили паспорта, конфисковали имущество, библиотеку. Международное психоаналитическое общество пыталось выволить Фрейда. Фашисты потребовали выкуп. Одна из пациенток Фрейда, принцесса Мария Бонапарт, заплатила 100 тысяч шиллингов за его освобождение. Семья Фрейда переехала в Лондон, а четыре его сестры погибли в газовых камерах. Умер в Лондоне 23 сентября 1939 года.

З.ФРЕЙД НЕДОВОЛЬСТВО КУЛЬТУРОЙ

I Невозможно отрешиться от мысли, что обычно люди меряют все ложной мерой: они рвутся к власти, успеху и богатству, восхищаются теми, кто всем этим обладает, зато

недооценивают истинные блага жизни. Правда, такое обобщение как всегда небезопасно; передается забвению многокрасочность человеческого мира и душевной жизни. Есть люди, которым не отказывают в почтении их современники, хотя все их величие покоится на таких свойствах и деяниях, которые совершенно чужды целям и идеалам толпы. Допустим, что великими их признает тоже меньшинство, тогда как подавляющее большинство ничего не желает о них знать; но и тут не все так просто, если учесть расхождение человеческих слов и дел, многообразие людских желаний. Один из этих замечательных людей в письмах называет меня своим другом. Я послал ему свою небольшую работу, где религия расценивается как иллюзия. Он отвечал мне, что был бы целиком согласен с моей оценкой, но сожалеет, что я не воздал должного подлинному источнику религиозности. Таковым он считает особое чувство, никогда его не покидающее, обнаруживаемое им у многих других и, предположительно, присущее миллионам. Это чувство он называет ощущением вечности, чувством чего-то безграничного, бескрайнего, океанического. Такое чувство - дело чисто субъективное, это не вопрос веры. Здесь не примешивается обещание личного бессмертия, но зато в этом чувстве - источник религиозной энергии, питающей различные церкви и религиозные системы. Они направляют его по определенным каналам, где оно и поглощается. Лишь на основании такого океанического чувства человек может называть себя религиозным - даже если он отвергает всякую веру и любую иллюзию. Это суждение моего уважаемого друга, который сам однажды отдал дань волшебству поэтической иллюзии, поставило меня перед лицом немалых трудностей¹. У себя я не нахожу этого «океанического» чувства; научному подходу чувства вообще создают неудобства. Можно попытаться описать их физиологические признаки. Там, где это получается, - а я опасаясь, что океаническое чувство такой характеристике не поддается, - не остается ничего, кроме содержания тех представлений, которые ассоциативно связаны с этим чувством. Если я правильно понял моего друга, он имеет в виду то же самое, что и один оригинальный и весьма своеобразный поэт, утешавший своего героя перед самоубийством: Нам не уйти из этого мира. Таким образом, речь идет о чувстве неразрывной связи, принадлежности к мировому целому. Для меня это имеет, скорее, характер интеллектуального умозрения - конечно, не без сопровождающих чувств, но их ведь хватает и при других мыслительных актах сходной значимости. Личный опыт не убеждает меня в том, что такие чувства первичны по своей природе, Я не могу оспаривать на этом основании факта наличия их у других; вопрос лишь в том, насколько верно они истолковываются и могут ли считаться *ofons et origo* всех религиозных запросов. Мне нечего предложить для окончательного решения этой проблемы. Идея о непосредственном, изначальном оповещении человека этим чувством - о его связи с окружающим миром - звучит столь странно, так плохо совместима с нашей психологией, что следовало бы предпринять психоаналитическое, т.е. генетическое исследование подобного чувства. Тогда в нашем распоряжении следующий путь: в нормальном состоянии для нас нет ничего достовернее чувства самих себя, нашего собственного Я, кажущегося нам самостоятельным, целостным, ясно отличимым от всего остального, Видимость обманчива, не существует четкой внутренней границы между Я и бессознательной душевной субстанцией, обозначаемой нами как Оно. Я для нее служит лишь фасадом - этому научил нас психоанализ. Ему предстоит еще во многом уточнить отношения между Я и Оно, однако, по крайней мере в отношениях с внешним миром, Я кажется

отделенным от последнего резкой разграничительной линией. Только в одном, хотя и необычайном, но не патологическом состоянии дело обстоит иначе. На вершине влюбленности граница между Я и объектам угрожающе расплывается. Вопреки всякой очевидности, влюбленный считает Я и Ты единым целым и готов вести себя так, будто это соответствует действительности. То, что на время может устранить известная физиологическая функция, может, конечно, быть результатом и болезнетворных процессов, Из патологии нам известно большое число состояний, когда грань между Я и внешним миром делается ненадежной, либо границы пролагаются неверно. Таковы случаи, при которых части нашего собственного тела или даже душевной жизни наши восприятия, мысли, чувства кажутся нам как бы чужими, не принадлежащими нашему Я. Либо те случаи, когда на внешний мир переносится нечто порожденное или явно принадлежащее Я. Таким образом, чувство Я также подвержено нарушениям, а границы Я неустойчивы. Дальнейшие размышления показывают, что чувство Я взрослого человека не могло быть таковым с самого начала, Оно должно было пройти долгий путь развития. Понятно это зачастую недоказуемо, но реконструируется с достаточной степенью вероятности. Младенец еще не отличает своего Я от внешнего мира как источника приходящих к нему ощущений, Его постепенно обучают этому различные импульсы. Сильнейшее впечатление должно производить на него то, что одни источники возбуждения все время могут посылать ему ощущения (позже он узнает в них органы собственного тела), тогда как другие источники время от времени ускользают. Самый желанный из них- материнская грудь, призвать которую к себе можно только настойчивым криком. Так Я противопоставляется некий объект, нечто находимое «вовне», появляющееся только в результате особого действия. Дальнейшим побуждением к вычленению Я из массы ощущений, а тем самым к признанию внешнего мира, являются частые, многообразные и неустранимые ощущения боли и неудовольствия. К-их устранению стремится безраздельно господствующий в психике принцип удовольствия. Так возникает тенденция к отделению Я от всего, что может сделаться источником неудовольствия. Все это выносится вовне, а Я оказывается инстанцией чистого удовольствия, которому противостоит чуждый и угрожающий ему внешний мир. Границы такого примитивного Я - чистого удовольствия - исправляются под давлением опыта. Многое из того, что приносит удовольствие и от чего нельзя отказаться, принадлежит все же не Я, а "объекту". И наоборот, многие страдания, от которых хотелось бы избавиться, неотделимы от Я, имеют внутреннее происхождение. Целенаправленная деятельность органов чувств и соответствующих умственных усилий учит человека методам различения внутреннего (принадлежащего Я) и внешнего, пришедшего из окружающего мира. Тем самым он делает первый шаг к утверждению принципа реальности, который будет управлять дальнейшим его развитием. Такое различение, понятно, служит и практическим целям защите от угрожающих неприятных ощущений. То обстоятельство, что Я способно применять для защиты от внутреннего неудовольствия те же методы, которыми оно пользуется против внешних неприятностей, является исходным пунктом некоторых серьезных психических расстройств. Так Я отделяется от внешнего мира. Вернее, первоначально Я включает в себя все, а затем из него выделяется внешний мир. Наше нынешнее чувство Я - лишь съездившийся остаток какого-то широкого, даже всеобъемлющего чувства, которое соответствовало неотделимости Я от внешнего мира. Если мы примем, что это первичное чувство Я в той или иной мере

сохранилось в душевной жизни многих людей, то его можно признать своего рода спутником более узкого и ограниченного чувства Я в зрелом возрасте. Этим же объясняются представления о безграничности и связи с мировым целым, именуемые моим другом океаническим чувством. На вправе ли мы из остатков первоначального, существующего наряду с возникшим позже, выводить второе из первого? Конечно, в этом не было бы ничего удивительного - ни в области душевной жизни, ни в любой иной. Мы твердо убеждены, что в животном царстве высокоразвитые виды произошли от самых низших, причем простейшие формы жизни встречаются и поныне. Гигантские динозавры вымерли, освободив место млекопитающим, но такой представитель этого вида, как крокодил, продолжает здравствовать и сегодня. Эта аналогия может показаться несколько натянутой, да и ущербной, поскольку выжившие низшие виды по большей части не являются истинными предками современных более развитых видов. Промежуточные звенья по большей части вымерли, они известны только по реконструкциям. Напротив, в душевной жизни сохранение примитивного наряду с возникшим из него и преобразованным встречается столь часто, что тут даже можно обойтись без примеров. Происходят перерывы в развитии, какая-то количественно определенная часть влечения остается неизменной, тогда как другая развивается дальше. Мы затрагиваем тем самым общую проблему сохранения психического, еще почти не разработанную, но столь увлекательную и значимую, что даже без достаточного к тому повода уделим ей толику внимания. С тех пор, как мы преодолели заблуждение, будто обычное забывание есть разрушение следа в памяти, иначе говоря, уничтожение, мы склонны придерживаться иного взгляда. А именно, в душевной жизни ничто, раз возникнув, не исчезает, все каким-то образом сохраняется, и при известных условиях, например, в случае далеко зашедшей регрессии, может вновь всплыть на поверхность. Попробуем содержательно пояснить это на примере из другой области, в качестве такой иллюстрации возьмем развитие Вечного Города. Историки учат нас, что древнейший Рим был *Roma quadrata*, огороженным поселением на Палатине. Затем следует период *Septimontium* - объединения поселений на семи холмах, из которых возникает город, границей коего была стена Сервия Туллия, а потом, после всех перестроек республиканского и раннеимперского времен, стены, воздвигнутые императором Аврелианом. Не прослеживая далее истории города, зададим себе вопрос: что найдет от этих ранних стадий посетитель сегодняшнего Рима, даже если он снабжен самыми совершенными познаниями истории и топографии. Стену Аврелиана, несмотря на некоторые повреждения и проломы, он увидит почти не изменившейся. Кое-где, благо даря раскопкам, он сможет увидеть остатки вала Сервия. Имея достаточные познания - превосходящие знания современной археологии он мог бы, наверное, восстановить очертания этих стен по всему периметру, даже контуры *Roma quadrata*. Но от зданий, когда-то заполнявших эти рамки древнего города, он не обнаружит ничего или почти ничего - эти здания более не существуют. Великолепные познания в римской истории в лучшем случае позволят ему установить, где стояли храмы и общественные здания той эпохи. Теперь на их месте руины, да и не самих этих сооружений, а позднейших пристроек после пожаров и разрушений. Нет нужды напоминать, что все эти останки древнего Рима вкраплены сегодня в хаос большого города, возникшего за последние века, начиная с эпохи Возрождения. Конечно, многие древности погребены в городской почве или под современными зданиями. Таков способ сохранения прошлого в исторических городах, вроде Рима. Сделаем теперь

фантастическое предположение, будто Рим не место жительства, а наделенное психикой существо - со столь же долгим и богатым прошлым в котором ничто, раз возникнув, не исчезало, а самые последние стадии развития сосуществуют со всеми прежними. В случае Рима это означало бы, что по-прежнему возносились бы ввысь императорский дворец на Палатине и Septimontium Септимия Севера, а карнизы замка Ангела украшались теми же прекрасными статуями, как и до нашествия готов и т. д. Больше того, на месте Палаццо Каффарелли - который, однако, не был бы при этом снесен - по-прежнему стоял бы храм Юпитера Капитолийского, причем не только в своем позднейшем облике, каким его видели в императорском Риме, но и в первоначальном облике, с этрусскими формами, украшенном терракотовыми антефиксами. Там, где ныне стоит Колизей, можно было бы восхищаться и исчезнувшим Domus Aurea Нерона; на площади Пантеона мы обнаружили бы не только сохраненный для нас Пантеон Адриана на том же месте находилась бы и первоначальная постройка Агриппы. На одном и том же основании стояли бы церковь Maria Sopra Minerva и древний храм, на месте которого она была построена. И при небольшом изменении угла зрения появлялось бы то одно, то другое здание. Нет смысла развивать эту фантазию далее она ведет к чему-то несообразному и даже абсурдному. Историческая последовательность представляема лишь посредством пространственной рядоположенности: одно и то же пространство нельзя заполнить дважды. Наша попытка может выглядеть праздной забавой, но тому есть оправдание она показывает всю сложность передачи душевной жизни с помощью наглядных образов. Следует предупредить возможный упрек: почему мы избрали для сравнения с душевным прошлым именно историю города? Гипотеза о сохранности всего прошедшего относится и к душевной жизни при том условии, что не были повреждены органы психики, их ткань не пострадала от травмы или воспаления. Но историю всякого города, даже если у него не столь бурное прошлое, как у Рима, или если он не знал вторжений неприятеля, как Лондон, не миновали разрушительные воздействия сравнимые с указанными причинами заболевания. Самое мирное развитие любого города всегда сопровождается разрушением и сносом зданий, и уже поэтому история города изначально несопоставима с душевным организмом. Это возражение заставляет нас оставить яркую палитру контрастов; мы обращаемся к более близкому объекту сравнения, каковым является тело животного или человека. Но и здесь мы сталкиваемся с чем-то сходным. Ранние стадии развития никоим образом не сохранились, они стали строительным материалом для более поздних форм и растворились в них. Зародыш исчез во взрослом теле, за грудиной железа ребенка после достижения им половой зрелости заменяется соединительной тканью, но как таковая более не существует. В полых костях взрослого можно узнать очертания костей ребенка, но последние принадлежат прошлому, они вытягивались и утолщались, пока не приобрели окончательную форму. Сохранение всех ранних стадий, наряду с завершенными, возможно лишь в душевной жизни, а мы не в состоянии наглядно это представить. Возможно, мы заходим слишком далеко с предположениями такого рода, и нам следовало бы удовлетвориться утверждением, что прошлое может сохраняться в душевной жизни, что здесь нет неизбежного разрушения. Вероятно, в психике многих стариков в виде нормы или исключения все настолько стирается или разъедается, что прошлого уже никак не оживить и не восстановить. Быть может, сохранение вообще связано с определенными благоприятными условиями. Вполне возможно,

но об этом мы ничего не знаем. Поэтому нам следует твердо держаться того, что сохранение прошлого в душевной жизни есть, скорее, правило, нежели исключение. Если мы готовы полностью принять наличие океанического чувства у многих людей и склонны сводить его к ранней стадии чувства Я, то возникает следующий вопрос: может ли такое чувство притязать на роль источника религиозных потребностей? Такое притязание не кажется мне убедительным. Чувство может служить источником энергии лишь в том случае, если само оно является выражением какой-то сильной потребности. Мне кажется неопровержимым выведение религиозных нужд из детской беспомощности и связанного с нею обожания отца. Тем более, что это чувство не только проистекает из детства, но и в дальнейшем поддерживается страхом перед всемогуществом судьбы. Мне трудно привести другой пример столь же сильной в детстве потребности, как нужда в отцовской защите. Поэтому роль «океанического» чувства второстепенна, оно могло бы служить только восстановлению безграничного нарциссизма. Мы в состоянии четко проследить первоисток религиозных воззрений вплоть до чувства детской беспомощности, за ним может скрываться что-нибудь еще, но пока все это окутано густым туманом. Я допускаю, что в дальнейшем океаническое чувство оказалось связанным с религией. Единство со всем сущим (его идейное содержание) выступает как первая попытка религиозного утешения, как еще один способ отрицания той опасности, которая угрожает Я со стороны внешнего мира. Признаюсь, мне трудно оперировать этими едва уловимыми величинами; Другой мой друг, неутолимая жажда знаний которого привела к самым необычным экспериментам и сделала его чуть ли не всеведущим, уверял меня, что практика йоги действительно может пробудить такие новые ощущения и чувство всеобщности (отключением от внешнего мира, концентрацией внимания на телесных функциях, особыми дыхательными упражнениями). Он склонен считать это регрессией к древнейшим состояниям душевной жизни, уже давно покрытым позднейшими наслоениями. В этом он видит, так сказать, физиологическое обоснование мистической премудрости. На первый план здесь выступает связь с многообразными темными проявлениями души, такими, как транс и экстаз. Меня это заставляет лишь вспомнить слова из «Ныряльщика» Шиллера: Блажен, кто там дышит в розовом свете.

II

В моей работе Будущее одной иллюзии речь шла не столько о глубинных истоках религиозного чувства, сколько о религии обычных людей системе догм и обещаний, которая, с одной стороны, с завидной полнотой объясняет загадки этого мира, с другой же уверяет человека в том, что заботливое Провидение стоит на страже его жизни и возместит ему лишения посюстороннего существования. Это Провидение обычный человек представляет не иначе, как в облике чрезвычайно возвеличенного отца. Только ему ведомы нужды детей человеческих, а они могут его умилоствовать мольбами и знаками раскаяния. Все это настолько инфантильно, так далеко от действительности, что стороннику гуманистических убеждений становится больно от одной мысли о том, что подавляющее большинство смертных никогда не поднимется над подобным пониманием жизни. Но еще постыднее попытки защиты религии большим числом наших современников, которые должны были бы видеть, что такой религии нельзя придерживаться. Они отстаивают ее пункт за пунктом в жалких арьергардных боях.

Может возникнуть даже желание влиться в ряды верующих, чтобы напомнить философам, спасающим Бога религии, заменяя его безличным, призрачно абстрактным принципом, о предостережении: Не поминай всуе имени Господа Бога твоего! Не стоило бы им ссылаться на иных великих мыслителей прошлого известно, почему тем приходилось делать нечто подобное. Вернемся к нашему обычному человеку и его религии единственной, которая заслуживает этого имени. Тут можно вспомнить известное высказывание одного из наших великих поэтов и мудрецов, который так выразился об отношении религии к искусству и науке:

Кто владеет наукой и искусством, Тот владеет и религией; Кто лишен их обоих, Тому остается религия. Это изречение, с одной стороны, противопоставляет религию двум величайшим достижениям человеческого рода, а с другой стороны, предполагает, что они сопоставимы по своей жизненной ценности, могут заменять друг друга. Если мы хотим удалить от религии даже рядового человека, то авторитет поэта явно не на нашей стороне. Изберем поэтому такой путь, который мог бы нас приблизить к высотам его мысли. Данная нам жизнь слишком тяжела, она приносит нам слишком много боли, разочарований, неразрешимых проблем. Чтобы ее вынести, нам не обойтись без облегчающих средств (как говаривал Теодор Фонтане, нам не обойтись без вспомогательных конструкций). Такие средства, по всей видимости, подразделяются на три группы: сильное отвлечение, позволяющее нам едва замечать свои несчастья; заменители удовлетворения, несколько их уменьшающие; и наркотики, делающие несчастья неощутимыми. Что-нибудь подобное всегда необходимо. На отвлечения указывал Вольтер, когда, под конец, давал совет возделывать свой сад". Таким же отвлечением является и научная деятельность. Заменители удовлетворения, предлагаемые, например, искусством, при всей своей иллюзорности психически действенны благодаря той роли, которую играет фантазия в душевной жизни. Наркотические средства оказывают влияние на наше тело, изменяют его химизм. Не так уж просто определить место религии в этом ряду, для этого нам нужно начать издалека. Вопрос о смысле человеческой жизни ставился бесчисленное количество раз; удовлетворительный ответ на него пока что не был найден, может быть, его вообще не найти. Некоторые из вопрошавших добавляли: если жизнь не имеет никакого смысла, то она теряет для них всякую ценность. Но угроза такого рода ничего не меняет. Скорее, может показаться, что мы вправе отклонить этот вопрос. Его предпосылкой является человеческое самомнение, с многообразными проявлениями которого мы уже знакомы. Ведь не говорят о смысле жизни животных, разве что в связи с их предназначением служить человеку. Но и это несостоятельно, поскольку он не знает, что ему делать со многими животными, помимо их описания, классификации, изучения. Бесчисленные виды животных избежали, однако, даже подобного применения, так как жили и вымерли еще до того, как за них взялся человек. Только религия берется отвечать на вопрос о смысле жизни. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что идея смысла жизни возникает вместе с религиозными системами и рушится вместе с ними. Мы обратимся поэтому к более скромному вопросу: что сами люди полагают целью и смыслом жизни, если судить по их поведению, чего они требуют от жизни, чего хотят в ней достичь? Отвечая на этот вопрос, трудно ошибиться: они стремятся к счастью, они хотят стать и пребывать счастливыми. Две стороны этого стремления положительная и отрицательная цели; с одной стороны, отсутствие боли и неудовольствия, с другой переживание сильного чувства удовольствия. В узком смысле слова под счастьем понимается

только последнее. В соответствии с этим удвоением цели деятельность людей идет по двум направлениям в зависимости от того, какую из этих целей преимущественно или даже исключительно стремится осуществить деятельность. Как мы видим, цель жизни просто задана принципом удовольствия, Этот принцип с самого начала руководит работой душевного аппарата; не подлежит сомнению его целенаправленность, и все же программа принципа удовольствия вступает в противоречие со всем миром, как с макрокосмом, так и с микрокосмом. Она вообще неосуществима, ей противостоит все устройство Вселенной: можно было бы сказать, что намерение осчастливить человека не входит в планы «творения». То, что в строгом смысле слова называется счастьем, проистекает, скорее, из внезапного удовлетворения, разрядки достигшей высокого уровня напряжения потребности. По самой своей природе это возможно только как эпизодическое явление. Любое постоянство, длительность ситуации, страстно желательной с точки зрения принципа удовольствия, вызывает у нас лишь чувство равнодушного довольства, Мы устроены таким образом, что способны наслаждаться лишь при наличии контраста и в малой степени самим состоянием. Так что возможности нашего счастья ограничиваются уже нашей конституцией. Куда меньше трудностей с испытанием несчастья. С трех сторон нам угрожают страдания: со стороны нашего собственного тела, приговоренного к упадку и разложению, предупредительными сигналами которых являются боль и страх без них нам тоже не обойтись. Со стороны внешнего мира, который может яростно обрушить на нас свои огромные, неумолимые и разрушительные силы. И, наконец, со стороны наших отношений с другими людьми. Страдания, проистекающие из последнего источника, вероятно, воспринимаются нами болезненнее всех остальных; мы склонны считать их каким-то излишеством, хотя они ничуть не менее неизбежны и неотвратимы, чем страдания иного происхождения. Не удивительно поэтому, что под давлением этих потенциальных страданий люди несколько умеряют свои притязания на счастье. Подобно тому как сам принцип удовольствия под влиянием внешнего мира преобразуется в более скромный принцип реальности, мы уже считаем себя счастливыми, если нам удалось избежать несчастья, превозмочь страдания, Задача избежать страдания вытесняет на второй план стремление к удовольствию. Размышление подводит нас к пониманию того, что к решению этой задачи ведут разные пути; все они рекомендовались различными школами житейской мудрости и были испробованы людьми. Ничем не ограниченное удовлетворение всех нужд выдвигается как самый что ни на есть соблазнительный образ жизни, но такая программа ставит наслаждение выше осторожности, что слишком быстро ведет к наказанию. Другие методы, основной целью которых является уклонение от неудовольствия, различаются в зависимости от того, какому источнику неудовольствия уделяется основное внимание. Имеются крайние и умеренные методы, односторонние или действующие сразу по нескольким направлениям, Добровольное одиночество, уход от других людей является самым обычным видом защиты от страдания, возникающего во взаимоотношениях между людьми. Понятно, какого рода счастья можно достичь на этом пути счастья покоя. Если задача защиты от угроз внешнего мира ставится исключительно перед самим собой, но нет иного пути, кроме какого-нибудь ухода от мира. Конечно, есть иной и лучший путь: в качестве члена человеческого общества с помощью науки и техники перейти в наступление на природу и подчинить ее человеческой воле. Тогда человек действует со всеми и ради счастья всех. Самыми интересными методами предотвращения

страданий являются, однако, методы воздействия на собственный организм. В конечном счете любое страдание есть лишь наше ощущение, оно существует только потому, что мы его испытываем вследствие определенного устройства нашего организма. Самым грубым, но и наиболее действенным методом является химическое воздействие, интоксикация. Не думаю, что кому-либо удалось разгадать его механизм, но мы имеем дело с фактом существования чуждых организму веществ, наличие которых в крови и тканях вызывает у нас непосредственное чувство удовольствия; к тому же оно так изменяет нашу чувствительность, что мы теряем способность ощущать неприятное. Оба эти воздействия не только одновременны, они кажутся и внутренне взаимосвязанными. В нашем собственном химизме, однако, должны существовать вещества, действующие подобным же образом. Мы знаем по крайней мере одно болезненное состояние манию, при котором поведение напоминает воздействие наркотиков без их реального употребления. Кроме того, наша нормальная душевная жизнь представляет собой колебание между легкими и отягощенными формами разрядки чувства наслаждения, параллельно которым уменьшается или увеличивается чувствительность к неприятному. Очень жаль, что эта токсическая сторона душевных процессов до сих пор ускользала от научного исследования. Действие наркотиков в борьбе за счастье и избавление от бедствий оценивается как такое благодеяние, что и индивиды, и целые народы отводят им почетное место в своей экономике либидо. Наркотикам благодарны не только за непосредственное удовольствие, но также за высокую степень независимости от внешнего мира. С помощью этого освободителя от забот можно в любое время уклониться от гнета реальности и найти прибежище в своем собственном мире, где условия получения ощущений отличаются в лучшую сторону. Известно, что именно с этим свойством наркотиков связаны их опасность и вредность. Временами они повинны в том, что впустую растрачивается большое количество энергии, которую можно было бы употребить для улучшения человеческого удела. Сложное строение нашего душевного аппарата допускает, однако, целый ряд иных воздействий. Удовлетворение влечений дает нам не только счастье, оно представляет собой и первопричину тягчайших страданий, когда внешний мир отказывает нам в удовлетворении потребностей и обрекает на лишения. Поэтому можно надеяться на освобождение от части страданий путем воздействия на эти влечения. Такого рода защита от страданий направлена уже не на аппарат ощущений, она желает подчинить внутренние источники потребностей. Крайним случаем такой защиты является умерщвление влечений как тому учит восточная мудрость и как это осуществляет на практике йога. Если это удастся, то тем самым достигается и отречение от любой другой деятельности (в жертву приносится жизнь), и мы иным путем достигаем опять-таки лишь счастья покоя. На этом пути можно ставить умеренные цели, скажем, когда стремятся только к контролю над жизнью наших влечений, Господствующими становятся в таком случае высшие психические инстанции, подчиненные принципу реальности. Здесь вовсе нет отречения от цели удовлетворения влечений; определенного рода защита против страданий достигается благодаря менее болезненному ощущению неудовлетворенности контролируемых влечений в сравнении с необузданными первичными влечениями. Но следствием этого является и несомненное снижение возможностей наслаждения. Чувство счастья при удовлетворении диких, не укрощенных Я влечений несравнимо интенсивнее, чем насыщение контролируемых влечений.

Непреодолимость извращенных импульсов, а может быть и притягательность запретного плода вообще, находят здесь свое экономическое объяснение. Другая техника защиты от страданий пользуется смещениями либидо, доступными нашему душевному аппарату. Благодаря этому его функционирование становится более гибким. Задача состоит в такого рода смещении целей влечений, чтобы они не сталкивались с отказом со стороны внешнего мира, чему способствует сублимация влечений. Человек достигает больше всего, повысив уровень наслаждения от психической и интеллектуальной работы. Тогда судьба мало чем может ему повредить. Такое удовлетворение, как, например, радость творчества художника при воплощении образов своей фантазии или радость ученого при решении проблем и познании истины, обладают особым качеством, которое нам, наверно, удастся когда-нибудь охарактеризовать с точки зрения метапсихологии. Сейчас мы можем лишь образно сказать, что они кажутся нам самыми утонченными и возвышенными, но их интенсивность невысока в сравнении с грубыми первичными влечениями; они не потрясают нашу плоть. Слабость этого метода состоит в том, что его применимость не универсальна. Он доступен лишь немногим людям, предполагает наличие особых, не слишком часто встречающихся способностей и дарований. Но и этим немногим избранным он не обеспечивает совершенной защиты от страданий: он не одевает их в латы, непроницаемые для стрел судьбы, и отказывает, как только источником страданий оказывается собственная плоть. Если уже этот метод дает наглядное представление о стремлении сделаться независимым от внешнего мира, о поисках удовлетворения во внутреннем мире психических процессов, то в следующем методе защиты от страданий эти черты еще более усиливаются. Связь с реальностью здесь еще меньше, удовлетворение достигается за счет иллюзий, признаваемых как таковые людьми, что не мешает им тем не менее находить наслаждение в уклонении от реальности. Эти иллюзии суть порождения фантазии. В свое время, когда завершалось развитие аппарата восприятия реальности, фантазия осталась за пределами требований проверки представлений действительностью и сохранилась как иллюзорное исполнение труднодостижимых желаний. На самой вершине такого рода фантастических удовлетворений стоит наслаждение произведениями искусства; посредством художника это наслаждение становится доступным и для нетворческой личности⁹. Любому восприимчивому к воздействию искусства человеку оно знакомо как незаменимый источник наслаждения и утешения. Но легкий наркоз, в который нас погружает искусство, дает не больше, чем мимолетное отвлечение от тягот жизни. Он недостаточно силен, чтобы заставить нас забыть о реальных бедах. Энергичнее и основательнее другой метод, который видит единственного врага в реальности, являющейся источником всех страданий, с нею невозможно сосуществовать, с нею нужно порвать всякие отношения, чтобы хоть в каком-то смысле быть счастливым. Отшельник отворачивается от мира, он не хочет иметь с ним дела. Но можно подвигнуться на большее, можно возжелать переделать мир, создать вместо него другой, в котором были бы уничтожены самые невыносимые его черты они заменяются на другие, соответствующие нашим желаниям. Тот, кто в отчаянном бунте становится на этот путь, как правило, ничего не достигает действительность слишком сильна для него. Он становится безумцем и чаще всего не находит себе помощников в попытках реализации своих иллюзий. Впрочем, можно предположить, что у каждого из нас есть свой "пунктик", и мы ведем себя подобно параноику, желая своими мечтаниями исправить ту или иную невыносимую сторону

мира, привнося свои иллюзии в реальность. На особую значимость претендует тот случай, когда множество людей совместными усилиями пытаются обеспечить себе счастье и защиту от страданий путем иллюзорного преобразования действительности. Мы должны признать религии человечества видами такого массового безумия. Естественно, каждый, сопричастный этому безумию, таковым себя не считает. Я не думаю, что этот список методов обретения счастья и избегания страданий является исчерпывающим; знаю также, что этот материал допускает и иную классификацию. Мною пока что не приводился один из методов не потому, что я о нем забыл, но по той причине, что мы к нему еще обратимся в иной связи. Да и как можно забыть об этой технике искусства жизни! Она отличается удивительным соединением весьма своеобразных черт. Естественно, ее целью также является достижение независимости от судьбы назовем ее так за неимением лучшего и для этого переносит удовлетворение во внутренние душевные процессы, пользуясь при этом вышеупомянутым свойством перемещаемости либидо. Правда, либидо теперь не отвращается от внешнего мира, а напротив, цепляется за объекты мира и обретает счастье в чувственной к нему привязанности. Эта техника не довольствуется целями усталого примирения с миром избегания страданий. Скорее, она обходит такую цель стороной и твердо держится изначального стремления к положительному достижению счастья. Быть может, она подходит к этой цели ближе, чем любой другой метод. Я имею в виду, конечно, ту жизненную ориентацию, которая ставит в центр любовь и ожидает, что всякое удовлетворение будет следствием главного: любить и быть любимым. Такая психическая установка всем нам слишком хорошо известна; одна из форм любви половая любовь дала нам прообраз наших стремлений к счастью, приобщив нас к сильнейшему опыту потрясающего наслаждения. Вполне естественно, что мы упорно ищем счастья на том пути, где оно нам встретилось впервые. Слабая сторона этой техники жизни очевидна, иначе кому бы пришло в голову променять этот путь к счастью на другой. Никогда мы не оказываемся столь беззащитными перед лицом страдания, чем когда любим; никогда не бываем столь безнадежно несчастными, как при потере любимого существа или его любви. Этим не исчерпывается техника жизни, основанная на любви как средстве достижения счастья, о ней еще многое можно было бы сказать. К этому присоединяется интересное обстоятельство: жизненное счастье ищут преимущественно в наслаждении прекрасным, где бы оно ни представало перед нашими чувствами или нашим рассудком, красота человеческих форм и жестов, природных объектов или ландшафтов, красота в художественных или даже в научных творениях. Эстетическая установка как жизненная цель не дает нам подлинной защиты от угрозы страданий, но она обещает нам ряд компенсаций. Наслаждение прекрасным обладает особым, слегка наркотизирующим характером ощущений. Польза прекрасного не слишком ясна, его культурная ценность тоже не очевидна, и все же без него культуре не обойтись. Эстетика как наука изучает условия ощущения прекрасного; о природе и происхождении прекрасного она ничего не может сказать. Как повелось, отсутствие результатов прикрывается высокопарной и бессодержательной болтовней. К сожалению, и психоанализ может немного уяснить в природе прекрасного. Только производность прекрасного от области сексуальных ощущений кажется установленной: она могла бы считаться превосходным примером заторможенного по цели влечения. Прекрасное и возбуждающее суть изначальные свойства сексуального объекта. Заслуживает внимания тот факт, что сами половые органы, вид которых

вызывает возбуждение, почти никогда не считались красивыми; характер прекрасного связывался с известными вторичными половыми признаками. Несмотря на неполноту анализа, я все же осмелюсь сделать несколько заключительных замечаний, в связи с темой нашего исследования. Программа стать счастливым, к которой нас принуждает принцип удовольствия, неисполнима, и все же мы не должны нет, мы не можем отказаться от стараний хоть как-нибудь ее исполнить. Можно избрать самые различные пути, будь они позитивными по содержанию цели (стремление к наслаждению) или негативными (избегание страданий). Ни на одном из них нам не достигнуть желанного результата. Счастье в том умеренном смысле, в каком мы можем признать его возможным, есть проблема индивидуальной экономии либидо. Здесь невозможен совет, который подходил бы всем: каждый должен кроить себе счастье на собственный фасон. Самые разнообразные факторы скажутся на том, какой путь будет избран. Это зависит и от того, какое реальное удовлетворение может ожидать человек от внешнего мира, в какой степени он готов сделаться от него зависимым, наконец, на какие собственные силы он рассчитывает, чтобы изменить внешний мир в соответствии со своими чаяниями. Уже поэтому кроме внешних связей с миром решающее значение приобретает психическая конституция индивида. Человек преимущественно эротический поставит на первое место чувственные отношения с другими личностями; человек с преобладанием нарциссического начала будет искать удовлетворения прежде всего в своих внутренних душевных процессах; человек действия будет держаться внешнего мира, на котором он может испытать свои силы. Для человека, находящегося посередине между этими типами, направленность интересов определяется родом его одаренности и мерой возможной для него сублимации влечений. Всякое крайнее решение ведет к наказанию, оно подвергает опасности из-за недостаточности любой техники жизни, исключаяющей все остальные. Подобно тому как осмотрительный купец остерегается вкладывать весь свой капитал в одно дело, точно так же и житейская мудрость дает совет не ждать полной удовлетворенности от одного стремления. Успех никогда не обеспечен, он зависит от соединения разнородных моментов, причем, видимо, ни от одного другого в такой мере, как от способности психического аппарата приспособлять свои функции к окружающему миру и использовать их для получения наслаждения. Тому, кто с рождения получил особенно неблагоприятную конституцию влечений и не произвел в дальнейшем правильного преобразования и упорядочения компонентов либидо, будет трудно достичь счастья во внешнем мире, в особенности если перед ним будут стоять сложные задачи. Последней техникой жизни, обещающей ему хотя бы эрзац удовлетворения, остается бегство в невроз, что и происходит, зачастую уже в юные годы. Тот, кто видит крушение своих стремлений к счастью в более позднем возрасте, находит утешение в наслаждении хронической интоксикацией либо предпринимает отчаянную попытку бунта психоз. Религия препятствует этой игре выбора и приспособления, так как она навязывает всем в равной степени свой путь достижения счастья и защиты от страданий. Ее техника состоит в умалении ценности жизни и в иллюзорном искажении реальной картины мира его предпосылкой является запугивание интеллекта. Ценой насильственной фиксации психического инфантилизма и включения в систему массового безумия религии удастся спасти многих людей от индивидуального невроза. Но не более того как уже было сказано выше, к счастью ведут многие доступные людям пути, хотя ни один из них не приводит к нему наверняка. Не держит своих обещаний и религия.

Когда верующий в конце концов обнаруживает, что вынужден говорить о неисповедимых путях Господних, то тем самым он признает последним утешением в страданиях и источником наслаждения только безусловную покорность. Если он готов на это, наверное, он мог бы обойтись и без окольных путей.

III

Наше исследование о счастье пока не научило нас практически ничему, что не было бы общеизвестным. Даже если мы добавим вопрос о причинах труднодостижимости счастья, перспектива получить нечто новое не покажется намного большей. Мы уже дали на него ответ, указав на три источника страданий: всемогущество природы, брэнность нашего тела и недостатки учреждений, регулирующих взаимоотношения людей в семье, государстве и обществе. Насчет первых двух наш ум не знает колебаний: мы принуждены признать эти источники страданий неизбежными и подчиниться. Мы никогда не добьемся полноты власти над природой; наш организм, сам часть природы, всегда останется брэнным, ограниченным в приспособлении и в деятельности. Такое признание не ведет к параличу деятельности, напротив, оно указывает направление нашим действиям. Если уж мы не в силах избавиться от всех страданий, то мы можем устранить одни, смягчить другие в этом убеждает нас опыт многих тысячелетий. Иным является наше отношение к третьему, социальному источнику страданий. Его нам хотелось бы вообще устранить, ибо мы не в состоянии понять, почему нами же созданные институты не должны служить нам скорее защитой, быть благодеянием. Действительно, стоит подумать, насколько плохо нам удалось это убежище от страданий, как возникает подозрение, не скрывается ли здесь какая-то часть непобедимых сил природы, в данном случае свойства нашей психики. Рассматривая эту возможность, мы сталкиваемся с одним предположением, столь поразительным, что стоит на нем остановиться. Оно гласит, что большую часть вины за наши несчастья несет наша так называемая культура; мы были бы несравнимо счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытности. Я называю это утверждение поразительным, поскольку, как бы мы ни определяли понятие культуры, все же не вызывает сомнений, что все наши средства защиты от угрожающих страданий принадлежат именно культуре. Каким образом столь многие пришли к этой точке зрения, к этой удивительной враждебности к культуре? Я полагаю, что глубокое, издавна существовавшее недовольство культурным состоянием создало почву, на которой в определенных исторических обстоятельствах могло произрасти подобное осуждение культуры. Мне кажется, что последнее и предпоследнее из этих обстоятельств были мною установлены; я не обладаю достаточной ученостью, чтобы проследить всю их цепь в истории человеческого рода. Фактор враждебности к культуре был причастен уже к победе христианства над языческими религиями. Враждебность к культуре была близка христианскому учению, лишавшему ценности земную жизнь. Предпоследний исторический повод появился вместе с географическими открытиями, когда путешествия привели европейцев в соприкосновение с примитивными народами и племенами. Недостаточность наблюдений и отсутствие понимания их нравов и обычаев были причиной того, что европейцам показалось, будто эти народы ведут простую, незамысловатую и счастливую жизнь, недоступную для превосходящих их культурно посетителей. Дальнейший опыт поправил многие суждения такого рода. Часто легкость жизни, объясняемая

великодушией природы, позволяющей беспечно удовлетворять насущные потребности, ошибочно приписывалась отсутствию запутанных требований культуры. Последний повод нам особенно хорошо знаком: он был выявлен вместе с установлением механизма неврозов, грозящих подточить и то небольшое счастье, каковым владеет человек культуры. Обнаружилось, что человек невротизируется, ибо не может вынести всей массы ограничений, налагаемых на него обществом во имя своих культурных идеалов. Из этого был сделан вывод, что со снятием или значительным уменьшением этих ограничений произошел бы возврат к утерянным возможностям счастья. К этому добавляется еще одно разочарование. За время жизни последних поколений люди достигли изумительного прогресса в естествознании и его технических применениях, их господство над природой необычайно укрепилось. Всем известны различные стороны этого прогресса, вряд ли есть нужда их перечислять. Люди гордятся этими достижениями и имеют на то право. Но они заметили, что новообретенное господство над пространством и временем, подчинение сил природы, исполнение желаний тысячелетней давности не увеличили наслаждения от жизни и не сделали их счастливее. Из этого следовало бы удовлетвориться выводом, что власть над природой не является единственным условием человеческого счастья, а не выводить отсюда бесполезность технического прогресса для экономии счастья. Можно было бы возразить: разве это не положительное достижение, не несомненный прирост счастья, когда я могу сколь угодно часто слышать голос моего ребенка, живущего за сотни километров; если я в кратчайший срок по прибытии моего друга узнаю, что ему легко далось долгое и утомительное путешествие? Разве медицина не уменьшила детскую смертность, опасность инфекций при родах, разве средняя продолжительность жизни культурного человека не стала дольше на немалое число лет? К этим благодеяниям научно-технического века (столь часто порицаемого) мы могли бы еще многое добавить, но уже раздается голос критика-пессимиста, напоминающий нам, что все это, по большей части, образцы одешевевого удовольствия, расхваливаемые в известном анекдоте, Такое удовольствие можно легко себе доставить, оголив зимою ногу, а затем спрятав ее обратно под одеяло. Не будь железной дороги, преодолевающей расстояния, то и ребенок никогда не покидал бы родного города, и не потребовался бы телефон, чтобы услышать его голос. Не будь пароходов, пересекающих океан, и мой друг не отправился бы в морское плавание, а мне не было бы нужды в телеграфе для успокоения моей тревоги. Какая польза от уменьшения детской смертности, если она принуждает нас к крайнему ограничению деторождения и мы возвращаем в итоге не больше детей, чем во времена до господства гигиены, да еще ставим нашу супружескую жизнь в столь тяжелые условия и, вероятно, отменяем благотворное действие естественного отбора? Наконец, зачем нам долгая жизнь, если она так тяжела, так бедна радостями и полна страданиями, что мы готовы приветствовать смерть как освободительницу? Кажется несомненным, что в нашей нынешней культуре мы скверно себя чувствуем, но весьма непросто выяснить, чувствовали ли себя счастливее (и если да, то насколько) люди прежних времен? Каково было участие в этом их культурных условий? Мы склонны рассматривать счастье объективно, перенося самих себя в те давние условия с нашими притязаниями и с нашей восприимчивостью. Мы хотим проверить, какие поводы могли бы там обнаружиться для ощущения счастья или несчастья. Такой подход кажется объективным, поскольку отвлекается от изменчивости субъективных ощущений. Но он

является по существу самым субъективным, ибо на место неизвестной душевной конституции ставится своя собственная. Впрочем, и само счастье есть нечто целиком субъективное. Можно сколько угодно ужасаться положением рабов на античных галерах, крестьян во время Тридцатилетней войны, жертв святой инквизиции, евреев, ожидающих погрома. Но мы не в состоянии сопереживать этим людям, мы лишь гадаем о тех переменах, которые произошли в восприимчивости к ощущениям счастья и несчастья (вследствие врожденной тупости или постепенного оупения, безнадежности, грубых или утонченных наркотиков). Предельные страдания запускают в ход определенные защитные механизмы. Дальнейшее исследование этой стороны счастья кажется мне бесплодным. Теперь пришло время обратиться к сущности той культуры, чья ценность для обеспечения счастья была поставлена под сомнение. Мы не будем искать формулу, которая еще до исследования выразила бы в нескольких словах эту сущность. Удовлетворимся повторением того, что слово окультурап обозначает всю сумму достижений и учреждений, отличающих нашу жизнь от жизни наших животных предков и служащих двум целям: защите людей от природы и урегулированию отношений между людьми. Чтобы лучше понять это, рассмотрим по отдельности характерные черты культуры, проявляющиеся во всех человеческих обществах. При этом мы без опасений можем довериться обычному языку (или, как говорят, чувству языка), поскольку таким образом улавливается нечто, по-прежнему противящееся выражению посредством абстрактных терминов. Начало не представляет затруднений: к культуре мы относим все формы деятельности и все ценности, которые приносят человеку пользу, подчиняют ему землю, защищают его от сил природы и т. п. Эта сторона культуры вызывает меньше всего сомнений. Обращаясь к далекому прошлому, мы находим первые культурные деяния применение орудий, покорение огня, постройку жилищ. Среди них выделяется как нечто исключительное покорение огня. Что касается других достижений, то с ними человек вступил на путь, по которому он в дальнейшем шел все время, нетрудно догадаться о мотивах, побудивших к их изобретению. Всеми своими орудиями человек усовершенствует свои органы как моторные, так и сенсорные или же раздвигает рамки их применения. Моторы предоставляют в его распоряжение гигантские силы, употребимые, подобно его мускулам, в различных целях; пароход и самолет делают беспрепятственными передвижение по воде и по воздуху; очки корректируют недостатки хрусталика глаза; телескоп дает возможность видеть на огромные расстояния; с помощью микроскопа преодолевается граница видимости, положенная строением нашей сетчатки. Человек создал фотокамеру инструмент запечатления текучих зрительных впечатлений; граммофонная пластинка делает то же самое со звуковыми впечатлениями. И то и другое суть материализации его способности запоминания, памяти. С помощью телефона он слышит на таком расстоянии, которое считалось невероятным даже в сказках; письменность с самого начала представляла собой речь отсутствующих; жилище эрзац материнского лона, первого и, может быть, доныне желанного обиталища, в котором мы пребываем в безопасности и так хорошо себя чувствуем. Это звучит не просто как в сказке, это прямое исполнение всех нет, большинства сказочных пожеланий: все это человек создал посредством науки и техники на земле, появившись на ней поначалу как слабое животное, на земле, где и ныне каждый индивид должен являться на свет как беспомощный младенец ooh inch of nature!п. Все это он должен рассматривать как достижение культуры. С давних времен человек создавал себе идеальное представление о всемогуществе и

всезнании, воплощением которых были его боги. Им он приписывал все то, что было ему запрещено. Можно даже сказать, что боги были его культурными идеалами. Теперь он очень близко подошел к достижению этих идеалов, он сам сделался чуть ли не богом, Правда, лишь настолько, насколько человеческий здравый смысл вообще признает эти идеалы достижимыми. В одних случаях они совершенно неисполнимы, в других наполовину. Человек стал, так сказать, богом на протезах, величественным, когда употребляет все свои вспомогательные органы, но они с ним не срослись и доставляют ему порой еще немало хлопот. Впрочем, у него есть право утешаться тем, что это развитие не завершается 1930 г. нашей эры. Грядущие времена принесут новые, непредставимые сегодня плоды прогресса в этой области культуры, они сделают еще большим его богоподобие. Однако в интересах нашего исследования мы не должны забывать, что при всем своем богоподобии современный человек не чувствует себя счастливым. Мы оцениваем культурный уровень страны по тому, как в ней все обустроено, насколько целесообразно используется: как обрабатываются земли, как служат человеку силы природы и каковы средства защиты от них. Короче говоря, имеется в виду полезность для человека. В такой стране укрощены реки, угрожающие наводнениями, их воды отведены в каналы и по ним доставляются туда, где они необходимы. Почва тут тщательно возделана и засеяна теми злаками, для коих она наиболее пригодна. Минеральные богатства старательно добываются и перерабатываются в потребные орудия труда и приспособления. Быстры и надежны имеющиеся в достатке средства сообщения; дикие и опасные животные изведены, зато процветает разведение домашних животных. Но мы предъявляем культуре и другие требования, мы желаем, чтобы они были осуществлены в тех же странах. Как бы отказавшись от первоначально заявленного критерия полезности, мы говорим о культуре, видя озабоченность человека вещами, которые вовсе не являются полезными. Они кажутся, скорее, бесполезными, когда, например, парковые насаждения, полезные городу как игровые площадки и резервуары чистого воздуха, имеют к тому же цветочные клумбы. Либо, когда квартирные окна украшены цветочными горшками, Легко заметить, что бесполезным, высокую оценку которого мы ожидаем от культуры, является прекрасное. Мы требуем от культурного человека почитания красоты как встречаемой им в природе, так и созданной его собственными руками. Этим наши критерии культуры не исчерпываются, нам хочется видеть также признаки чистоты и порядка. Наше мнение о культуре провинциального английского города времен Шекспира падает, когда мы читаем, что перед дверями его родительского дома в Стратфорде лежала огромная навозная куча. Мы возмущаемся и поминаем оварварство, т.е. противоположность культуре, видя разбросанные по дорожкам Венского леса бумажки. Всякая нечистоплотность кажется нам несовместимой с культурой. Это требование мы распространяем и на человеческое тело, а потому с удивлением слышим, сколь дурно пахло от особы Короля-Солнца, и только качаем головой, когда на *Isola bella* нам показывают крошечный тазик, коим пользовался Наполеон для утреннего туалета. Нас не удивляет, что употребление мыла кому-то кажется прямо-таки мерилом культуры. То же самое и с порядком, который, подобно чистоплотности, является творением человека. Но если от природы не стоит ждать особой чистоты, то порядок был, скорее, в ней преднайдён. Наблюдения за великими астрономическими циклами дали человеку не только прообраз, но и исходный пункт для привнесения порядка в свою жизнь. Порядок является принудительным повторением единожды

установленного. Он определяет, когда, где и как нечто должно делаться, дабы избежать промедлений и колебаний во всяком сходном случае, Неоспоримы благодеяния порядка, он обеспечивает человеку лучшее использование пространства и времени, сберегает его психические силы. Можно было бы ожидать, что порядок с самого начала и без принуждения установится в человеческой деятельности; удивительно, что этого не произошло небрежность, ненадежность, беспорядок в повседневной работе таковы, что их можно считать природной склонностью человека. Он трудно воспитуем для следования небесным образцам. Красота, чистоплотность и порядок занимают особое место среди требований культуры. Никто не станет утверждать, что они столь же важны для жизни, как покорение сил природы и некоторые другие моменты, о которых нам еще придется вести речь. Но их и не отодвинешь в сторону, как нечто второстепенное. культура предполагает не одну лишь пользу это видно уже на примере красоты, которую нам никак не хочется исключать из интересов культуры. Польза от порядка очевидна, чистоплотность включает в себя гигиенические требования. Мы можем предположить, что польза от чистоты не ускользала от внимания людей даже в те времена, когда еще не было научно обоснованного предупреждения болезней. Но полезность и в данном случае не дает полного объяснения этого стремления, тут должно присутствовать и нечто иное. Ни одна другая черта культуры, однако, не характеризует ее лучше, чем уважение и попечение о высших формах психической деятельности, об интеллектуальных, научных и художественных достижениях, о ведущей роли идей в жизни человека. Во главе этих идей стоят религиозные системы, сложное строение которых я попытался осветить в другом месте. Рядом с ними стоят философские спекуляции и то, что можно было бы назвать человеческими идеалами, представлениями о совершенстве доступном отдельной личности, народу, всему человечеству и требованиями, из них вытекающими. Эти творения взаимосвязаны и так тесно переплетаются, что трудно как прояснить их, так и вывести их психологически. Если мы принимаем общую предпосылку, согласно которой всякая человеческая деятельность имеет своей пружиной стремление к двум совпадающим целям пользе и достижению удовольствия, то нам следует принимать ее и для упомянутых выше явлений культуры. Это легко заметить только в связи с научной и художественной деятельностью, но можно не сомневаться в том, что и другие культурные формы соответствуют сильным человеческим потребностям. Даже те из них, которые получили развитие у незначительного меньшинства. Оценки тех или иных религиозных и философских систем, различных идеалов не должны вводить в заблуждение; считаем ли мы их вершинами человеческого духа или прискорбными ошибками, следует признать, что их наличие, более того, их господство, свидетельствует о высоком уровне культуры. В качестве последней, но далеко немаловажной характеристики культуры мы должны удостоить внимания тот способ, каким регулируются взаимоотношения людей, социальные отношения, касающиеся человека в качестве соседа, рабочей силы, сексуального объекта для другого, члена семьи, государства. Здесь особенно трудно отрешиться от определенных идеальных требований и уловить, что вообще в данном случае принадлежит к культуре. Возможно, с самого начала следовало бы заявить, что элемент культуры присутствует уже в первой попытке урегулировать социальные отношения. Не будь такой попытки, эти отношения подчинялись бы произволу, т. е. устанавливались бы в зависимости от интересов и влечений физически сильного индивида. Ничто не изменилось бы от того, что этот сильный

индивид в свою очередь столкнется с еще более сильным. Совместная жизнь впервые стала возможной лишь с формированием большинства более сильного, чем любой индивид, и объединившегося против каждого индивида в отдельности. Власть такого общества противостоит теперь как оправданная власть индивида, осуждаемой отныне как огрубая сила. Замена власти индивида на власть общества явилась решающим по своему значению шагом культуры. Сущность его в том, что члены общества ограничивают себя в своих возможностях удовлетворения влечений, тогда как индивид не признает каких бы то ни было ограничений. Следующим культурным требованием является требование справедливости, т. е. гарантия того, что раз установленный правопорядок не будет нарушен в пользу отдельного индивида. Этим не исчерпывается этическая ценность права. В дальнейшем культурное развитие кажется было направлено на то, чтобы право не превращалось в произвол небольшого сообщества (касты, сословия, племени), которое занимало бы по отношению к более широким массам положение правящего посредством насилия индивида. Конечным результатом должно быть право, распространяющееся на всех (по крайней мере, на всех способных к общественному состоянию) приносящих в жертву свои инстинктивные склонности, и никто (с тем же исключением) не должен становиться жертвой грубого насилия. Индивидуальная свобода не является культурным благом. Она была максимальной до всякой культуры, не имея в то время, впрочем, особой ценности, так как индивид не был в состоянии ее защитить. Свобода ограничивается вместе с развитием культуры, а справедливость требует, чтобы ни от одного из этих ограничений нельзя была уклониться. То, что заявляет о себе в человеческом обществе как стремление к свободе, может быть бунтом против имеющейся несправедливости и таким образом благоприятствовать дальнейшему развитию культуры, уживаться с культурой. Но это же стремление может проистекать из остатков первоначальной, неукротимой культурой личности и становиться основанием вражды к культуре. Стремление к свободе, таким образом, направлено либо против определенных форм и притязаний культуры, либо против культуры вообще. Вряд ли найдется какое-нибудь средство, способное превратить природу человека в природу термита; пожалуй, он всегда будет отстаивать свое притязание на индивидуальную свободу против воли масс. Немалая часть борьбы человечества сосредоточивается вокруг одной задачи найти целесообразное, т. е. счастливое равновесие между индивидуальными притязаниями и культурными требованиями масс. Достижимо ли это равновесие посредством определенных форм культуры, либо конфликт останется непримиримым такова одна из роковых проблем человечества. Пока речь шла об общих впечатлениях о тех чертах жизни, которые могут называться культурными, у нас возникло достаточно ясное представление об облике культуры в целом, но мы, пожалуй, не узнали ничего, что не было бы общеизвестным. При этом мы сторонились предрассудка, согласно которому культура равнозначна совершенству или пути к такому совершенству, каковой и предписывается человеку. Посмотрим теперь с другой стороны. Культурное развитие предстает как охватывающий человечество процесс, напоминающий нечто нам уже знакомое. Этот процесс можно охарактеризовать посредством тех изменений, которые связаны с известными человеческими влечениями. Экономическую задачу нашей жизни представляет их удовлетворение. Некоторые из этих влечений настолько ослабевают, что на их место приходит нечто иное в случае отдельного человека это свойства характера. Самым ярким примером такого процесса могут

служить явления, обнаруженные в детской анальной эротике. Первоначальный интерес ребенка к экскрементам, к функции дефекации, ее органам и продуктам заменяется вместе с повзрослением группой характерологических черт, известных как скупость, стремление к порядку и чистоте. Эти черты, сами по себе ценные и желанные, могут сделаться настолько господствующими в психике, что в итоге мы получаем так называемый анальный характер. Нам неизвестно, как это происходит, но правильность наблюдений не вызывает сомнения¹³. Ранее мы обнаружили, что порядок и чистоплотность являются важными критериями культуры, хотя их жизненная необходимость не вполне очевидна, и еще менее они пригодны в качестве источников наслаждения. Здесь впервые напрашивается аналогия между культурным процессом и развитием либидо у индивида. Происходит смещение условий удовлетворения других влечений, они должны переключаться на иные пути. В большинстве случаев это сопровождается хорошо известным процессом сублимации, изменением цели влечений, хотя иногда имеют место и другие процессы. Сублимация влечений представляет собой выдающуюся черту культурного развития, это она делает возможными высшие формы психической деятельности научной, художественной, идеологической, играя тем самым важную роль в культурной жизни. Поддавшись первому впечатлению, хочется даже сказать, что сублимация это судьба, навязанная влечениям культурой. Но здесь лучше не торопиться. Наконец, нельзя не заметить самого важного насколько культура строится на отказе от влечений, настолько предпосылкой ее является неудовлетворенность (подавление, вытеснение или что-нибудь еще?) могущественных влечений, Эти окультурные запреты господствуют в огромной области социальных отношений между людьми. Нам уже известно, что они причина враждебности, с которой вынуждены вести борьбу все культуры. Этим определяются суровые требования к нашей научной работе, поскольку слишком многое нуждается в объяснении. Нелегко понять, что вообще в силах заставить влечение отклониться от удовлетворения. Это совсем небезопасно: если нет экономической компенсации, то можно ждать серьезных нарушений. Но для выяснения обоснованности нашего подхода к культурному развитию как специфическому процессу, сопоставимому с нормальным созреванием индивида, нам нужно обратиться к другой проблеме. Мы должны задаться вопросом: благодаря каким влияниям появляется культурное развитие, каково его происхождение, чем определяется его течение?

IV

Такая задача кажется чрезмерной и может привести в уныние. Вот то небольшое, что мне удалось разгадать. После того как первобытный человек открыл, что улучшение его земного удела буквально находится в его руках, что он может изменить его своим трудом, ему уже не было безразлично, работает ли другой человек вместе с ним или против него. Другой приобрел значимость сотрудника, совместная жизнь с которым может быть полезной. Из своего обезьяноподобного прошлого он получил привычку жить семьями; члены семьи были, наверное, его первыми помощниками. Основание семьи, видимо, было связано с тем, что потребность сексуального удовлетворения уже не была для него тем неожиданным гостем, который вдруг появляется, но после отъезда долго не дает о себе знать; она поселилась у него как постоянный квартиросъемщик. У самца появился тем самым мотив держать при себе самку (сексуальный объект в самом общем смысле); самка же, не хотевшая расставаться со своими

беспомощными детенышами, в их интересах должна была оставаться у более сильного самца¹⁴. В такой первобытной семье еще нет одной существенной черты культуры: произвол главы семейства и отца был неограниченным. В оТотеме и табу я попытался показать путь, который ведет от этой семьи к следующей ступени совместной жизни в форме братского союза. Взяв верх над отцом, сыновья убедились, что объединение сильнее каждого поодиночке. Тотемистическая культура покоится на ограничениях, возлагаемых друг на друга для поддержания нового состояния. Предписания табу были первым оправом. Совместная жизнь людей имела, таким образом, два основания: принуждение к труду, возникшее из внешней нужды, и сила любви к сексуальному объекту, женщине со стороны мужчины, и любви к потомству, с которым она не желала расставаться со стороны женщины. Так предками человеческой культуры стали Эрос и Анаanke. Первым достижением культуры было увеличение числа людей, которые могли входить в сообщество. Поскольку обе эти могущественные силы содействовали друг другу, то можно было бы ожидать, что дальнейшее развитие будет гладким и в покорении внешнего мира, и в расширении человеческого сообщества. Нелегко понять, почему эта культура дарует своим членам не одно только счастье. Перед тем, как исследовать причины нарушений, попробуем заполнить пробел в наших предшествующих рассуждениях. Мы приняли любовь в качестве основания культуры, мы говорили, что как сильнейшее переживание удовольствия половая (генитальная) любовь дает человеку прообраз всякого счастья. Поэтому напрашивается дальнейший поиск счастья в области половых отношений, тогда как генитальная эротика делается средоточием жизни. Мы говорили далее, что на этом пути человек попадает в зависимость от известной части внешнего мира, а именно, от избранного им объекта любви. Он претерпевает сильнейшие муки, когда этот объект им пренебрегает, когда он теряет его в силу измены или смерти. Мудрецы всех времен настоятельно советовали избегать этого пути; однако, он не утратил своей привлекательности для огромного числа детей человеческих. Благоприятная конституция позволяет незначительному меньшинству находить счастье на пути любви, но при этом неизбежны обширные психические изменения самой функции любви. Эти лица делаются независимыми от согласия объекта: главная ценность для них не в том, чтобы быть любимыми, она смещается у них на собственную любовь. От потери любимого объекта они защищаются тем, что любовь направлена у них уже не на отдельный объект, а на всех людей в равной степени. Они избегают изменчивости и разочарований половой любви, так как отвлекаются от сексуальной цели, влечение делается заторможенным по цели. Тем самым они приходят в состояние уравновешенности, непоколебимости, нежности, которое имеет мало общего с бурной жизнью половой любви, но от которой это состояние все же ведет свое происхождение. Св.Франциск Ассизский зашел, пожалуй, дальше всех в таком использовании любви для достижения внутреннего чувства счастья. Эта техника реализации принципа удовольствия неоднократно связывалась с религией. В обоих случаях происходит обращение к тем областям психики, где стирается различие между Я и объектами, а равно и различия между последними. Из этических соображений (их мотивы нам еще предстоит рассмотреть) в этой готовности к всечеловеческой и всемирной любви находят вершину, к которой только и должен стремиться человек. Уже здесь нельзя умолчать о двух главных сомнениях по этому поводу. Любовь ко всем без разбору теряет в цене и она несправедлива к своему объекту. Более того, ведь не все люди достойны

любви. Заложившая основания семьи любовь не отрекается от прямого сексуального удовлетворения и сохраняет свою первоначальную форму. Она продолжает воздействовать на культуру, в том числе и в такой своей модификации, как заторможенная по цели нежность, В обеих этих формах она выполняет свою функцию: связывает воедино множество людей, причем намного интенсивнее, чем интересы трудового содружества. Неточность употребления слова олюбовь имеет свое генетическое основание, Любовью называют отношения между мужчиной и женщиной, создавших семью для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Но любовь это и добрые чувства между родителями и детьми, братьями и сестрами, хотя такие отношения следовало бы обозначать как заторможенную по цели любовь или нежность. Заторможенная по цели любовь первоначально была вполне чувственной в бессознательном она таковой остается и поныне. Как чувственная, так и заторможенная по цели любовь выходит за пределы семьи и устанавливает связи между теми, кто ранее был чужд друг другу, Половая любовь ведет к новым семейным союзам, заторможенная по цели одружеским объединениям, которые становятся культурно значимыми в них происходит преодоление многих ограничений половой любви, например, ее исключительности. Но по ходу развития любовь утрачивает однозначное отношение к культуре. С одной стороны, любовь вступает в противоречие с интересами культуры, с другой культура угрожает любви ощутимыми ограничениями. Это раздвоение кажется неизбежным, но причина его устанавливается далеко не сразу. Она предстает прежде всего как конфликт между семьей и более крупным сообществом, к которому принадлежит индивид. Главным устремлением культуры является собиранье людей в большие единства, но семья не отпускает индивида. Чем крепче связь между членами семьи, тем сильнее у них склонность отгораживаться от всех остальных и тем затруднительнее для них вступление в более широкий круг. Филогенетически первая и единственная в детском возрасте форма совместной жизни сопротивляется замене на более поздние приобретения культуры. Отделение от семьи становится задачей каждого юноши, и общество часто помогает ему ритуалами и инициациями. Создается впечатление, что эти трудности присущи всякому органическому развитию. Затем на пути культуры оказываются женщины, замедляя и сдерживая ее развитие теми же силами, которые поначалу служили фундаментом культуры как требования любви. Женщины представляют интересы семьи и сексуальной жизни; культурная деятельность во все большей степени становилась мужским делом. Она ставила перед ними все более сложные задачи, принуждая их к сублимации влечений, а женщины к этому не слишком способны. Человек располагает ограниченным количеством психической энергии, а потому он должен решать свои задачи путем целесообразного распределения либидо. Затраченное на цели культуры отымается главным образом у женщин и сексуальной жизни. Постоянное пребывание среди себе подобных и зависимость от отношений с ними отчуждают мужчину даже от его супружеских и отцовских обязанностей. Женщина видит, как она оттесняется на второй план притязаниями культуры, и у нее начинается вражда с культурой, Тенденция к ограничению сексуальной жизни со стороны культуры проявляется не менее отчетливо, чем другая ее тенденция, ведущая к расширению культурного круга. Уже первая фаза культуры, фаза тотемизма, принесла с собою запрет на кровосмешение запрет, нанесший, вероятно, самую глубокую за все время рану любовной жизни человека. Посредством табу, закона, обычая вводятся дальнейшие

ограничения, касающиеся как мужчин, так и женщин. Не все культуры заходят здесь одинаково далеко; экономическая структура общества также оказывает влияние на меру остающейся сексуальной свободы. Мы уже знаем, что культура действует принуждением экономической необходимости, отнимая у сексуальности значительную часть психической энергии, каковой культура пользуется в своих целях. При этом она обращается с сексуальностью подобно племени или сословию, подчинившему себе и угнетающему другое. Страх перед восстанием угнетенных принуждает ввести строжайшие меры предосторожности. Высшая точка такого развития обнаруживается в нашей западноевропейской культуре. Психологически вполне оправданно, что она ставит под запрет проявления детской сексуальности, ибо без предварительной обработки в детстве укрощение сексуальных вожделений у взрослых было бы безнадежным делом. Нет оправдания только тому, что культура заходит здесь слишком далеко и вообще отвергает наличие таких феноменов, несмотря на их очевидность. Выбор объекта у зрелого индивида ограничен лицами противоположного пола, тогда как большая часть внегенитальных удовлетворений запрещается как извращения. Требование одинаковой для всех сексуальной жизни не принимает в расчет различий во врожденной или приобретенной сексуальной конституции, отнимает у людей значительную часть сексуального наслаждения и тем самым делается источником тяжелой несправедливости. Запреты и ограничения преуспевают лишь в организации беспрепятственного протекания сексуальных интересов по допустимым каналам у нормальных людей, которым не мешает их конституция. Но и узаконенная гетеросексуальная генитальная любовь подлежит дальнейшим ограничениям, вводится единобрачие. Современная культура ясно дает понять, что сексуальные отношения допустимы лишь в виде единственной и нерасторжимой связи между одним мужчиной и одной женщиной. Культура не желает знать сексуальности как самостоятельного источника удовольствия и готова терпеть ее лишь в качестве незаменимого средства размножения. А это уже крайность, которая, как известно, оказывалась неосуществимой даже на самое короткое время. Всеобъемлющему вмешательству в их сексуальную свободу поддавались лишь слабые натуры, тогда как сильные терпели его при наличии компенсаций, о которых еще пойдет речь. Культурное сообщество было вынуждено молча терпеть многочисленные нарушения, которые заслуживали преследования в согласии с установленными требованиями. Но не следует заблуждаться относительно безобидности такой установки культуры по причине недостижимости всех ее целей. Сексуальная жизнь культурного человека все же сильно покалечена и производит впечатление такой же отмирающей функции, как наши челюсти или волосы на голове. Мы вправе сказать, что произошло чувствительное ослабление значения сексуальности как источника счастья, а тем самым и реализации наших жизненных целей¹⁵. Иной раз даже возникает впечатление, будто дело здесь не в одном давлении культуры, что в самой сущности этой функции есть нечто препятствующее полному удовлетворению и толкающее нас на иные пути. Трудно сказать, является ли это заблуждением¹⁶. V

Психоаналитическая работа научила нас тому, что для так называемых невротиков невыносим именно отказ от сексуальной жизни. Своими симптомами они заменяют удовлетворение, но тем самым либо причиняют себе страдания, либо делают источником страданий для других, доставляя их окружающим и обществу. Последнее легко понять, загадочно первое. Но культура требует от нас еще одной, уже не сексуальной жертвы. Мы рассматривали препятствия на пути

развития культуры как пример общей трудности эволюции, сводя препятствия к деятельности либидо, к его стремлению держаться старой позиции и не допускать новой. Примерно то же мы утверждаем, выводя противоречие между культурой и сексуальностью из того факта, что сексуальная любовь есть отношения двух лиц, где третий всегда лишний, тогда как культура покоится на отношениях между многими людьми. На вершине любви не остается интереса к окружающему миру; влюбленной паре достаточно себя самой, для счастья ей не нужен даже ребенок. Нет другого случая, где бы Эрос так ясно обнаруживал свою сущность, стремление творить единое из многого. Но если ему это удастся в данном вошедшем в притказку случае единения двух влюбленных, то дальше он не продвигается. Культурное сообщество можно представить состоящим из таких пар индивидов, которые, будучи либидинозно удовлетворенными, соединялись бы друг с другом узами совместного труда и взаимного интереса. Культуре тогда не было бы нужды отнимать энергию у сексуальности. Но такого завидного состояния нет и никогда не бывало. Действительность учит нас тому, что культура не удовлетворяется уже существующими союзами, она желает связать членов сообщества либидинозно, пользуется для этой цели любыми средствами, поощряет установление сильных идентификаций между членами сообщества. Культура мобилизует все силы заторможенного по цели либидо, чтобы подкрепить общественные союзы отношениями дружбы. Для исполнения этого намерения она неизбежно ограничивает сексуальную жизнь. Мы не улавливаем здесь только той необходимости, которая принуждает культуру враждовать с сексуальностью. Речь должна идти о каком-то еще не обнаруженном нами препятствии. На след нас может навести одно из так называемых идеальных требований культурного общества. Оно гласит: овозлюби ближнего твоего, как самого себя. Это требование имеет всемирную известность; оно безусловно старше христианства, предъявляющего это требование в качестве собственного горделивого притязания. Но оно все же не является по-настоящему древним: еще в исторические времена оно было совершенно чуждо людям. Попробуем подойти к нему наивно, словно впервые о нем слышим. Тогда нам не совладать с чувством недоумения. Почему, собственно говоря, мы должны ему следовать? Чем оно нам поможет? И главное как его осуществить? Способны ли мы на это? Моя любовь есть для меня нечто безусловно ценное, я не могу безответственно ею разбрасываться. Она налагает на меня обязательства, я должен идти на жертвы, чтобы выполнять их. Если я люблю кого-то другого, он должен хоть как-то заслуживать моей любви. (Я отвлекаюсь здесь от пользы, которую он может мне принести, от его возможной ценности как сексуального объекта в предписание любви к ближнему оба эти типа отношений не входят.) Он заслуживает любви, если в чем-то важном настолько на меня похож, что я могу в нем любить самого себя; он того заслуживает, если он совершеннее меня и я могу любить в нем идеал моей собственной личности. Я должен его любить, если это сын моего друга, и боль моего друга, если с ним случится несчастье, будет и моей болью я должен буду разделить ее с ним. Но если он мне чужд, если он не привлекает меня никакими собственными достоинствами и не имеет никакого значения для моих чувств, то любить мне его трудно. Это было бы и несправедливо, поскольку моими близкими моя любовь расценивается как предпочтение, и приравнивание к ним чужака было бы для них несправедливостью. Если же я должен его любить, причем такой всемирной любовью, просто потому, что он населяет землю подобно насекомому, дождевому червю или кольчатому ужу то

я боюсь, что любви на его долю выпадет немного. Во всяком случае, меньше, чем я, по здравом размышлении, имею право сохранить для самого себя. Зачем тогда торжественно выступать с подобным предписанием, коли его исполнение невозможно считать разумным? Но трудностей здесь еще больше, Этот чужак не только вообще не стоит моей любви. Сказать по чести, он, скорее, заслуживает моей вражды, даже ненависти. Ко мне он не испытывает ни малейшей любви, не выказывает никакого уважения. Если ему это на пользу, то он не задумываясь причинит мне вред даже не соразмеряя величину полученной им пользы и нанесенного мне вреда. Да ему и польза не обязательна; если хоть какое-то его желание при этом удовлетворится, то ему все нипочем: он готов насмеяться надо мною, оскорбить, оклеветать меня, потешиться своею властью, и чем увереннее он себя чувствует, чем я беспомощнее, тем вернее можно ждать от него чего-нибудь подобного. Если он ведет себя иначе, если, будучи совсем мне чужим, он щадит меня или оказывает мне внимание, то мне не понадобятся всякие предписания, чтобы платить ему той же монетой. Я не сказал бы и слова против, если бы эта величественная заповедь звучала так: овозлюби ближнего твоего так, как он любит тебя. Есть еще одна заповедь, еще более невероятная и вызывающая у меня еще более резкие возражения. Она гласит: олюби врага твоего. Поразмыслив, я понимаю, что был неправ, отклоняя вторую заповедь как более сильную по сути дела это одно и то же¹⁷. Исполненный достоинства голос предупреждает: ты должен любить ближнего как самого себя как раз потому, что он твоей любви не стоит и даже является твоим врагом. Но тогда мне понятно, что все это походит на *credo, quia absurdum*. Вполне вероятно, что ближний, когда от него потребуют любить меня, как самого себя, ответит так же, как и я, откажется по тем же основаниям. Надеюсь, что не с тем же объективным правом, но и он будет держаться такого же мнения. Существуют различия в поведении людей, классифицируемые этикой как одобрено и озлобно вне всякого учета обусловленности их поведения. Пока сохраняются эти несомненные различия, следование высоким этическим требованиям прямо поощряет зло, а значит вредит культуре. Как не вспомнить случай, имевший место во французском парламенте, когда речь шла о смертной казни. Один оратор так страстно требовал ее отмены, что заслужил бурные аплодисменты, пока из зала чей-то голос не крикнул: *oQue messieurs les assassins, commencent!*п. За всем этим стоит действительность, которую так охотно оспаривают: человек не является мягким и любящим существом, которое в лучшем случае способно на защиту от нападения. Нужно считаться с тем, что к его влечениям принадлежит и большая доля агрессивности. Поэтому ближний является для него не только возможным помощником или сексуальным объектом; всегда есть искушение сделать ближнего своего средством удовлетворения агрессивности, воспользоваться его рабочей силой без вознаграждения, использовать как сексуальный объект, не спрашивая согласия, лишиться имущества, унижить, причинить боль, мучить и убивать. *Nemo homini lupus*. У кого хватит смелости оспаривать это суждение, имея весь опыт жизни и истории? Этой агрессивности нужна малейшая провокация; она вмешивается и при достижении какой-нибудь иной цели, которая могла бы быть достигнута и иными, более мягкими средствами. При благоприятных обстоятельствах, когда устранены психические силы, обычно ее тормозящие, агрессивность проявляется спонтанно: спадает покров, скрывающий в человеке дикого зверя, которому чужда пощада к представителям собственного рода. С подтверждающими этот взгляд фактами должен согласиться тот, кто помнит об ужасах великого переселения народов, о

вторжениях гуннов и так называемых монголов Чингисхана и Тамерлана, о завоевании Иерусалима благочестивыми крестоносцами или хотя бы о кошмаре последней мировой войны. Существование этой агрессивности, которую мы способны обнаружить у самих себя и с полным правом предполагаем ее наличие у других, вот что препятствует нашим отношениям с ближним и заставляет культуру идти на издержки. Вследствие этой изначальной враждебности людей культурному сообществу постоянно угрожает распад. Интересы трудового сообщества не смогли бы его сохранить, поскольку инстинктивные страсти могущественнее разумных интересов. Культура должна напрягать все свои силы, чтобы положить предел агрессивным влечениям человека, сдерживать их с помощью соответствующих психических реакций. Для этого на службу призываются методы идентификации и затормаживания по цели любовных отношений, отсюда ограничения сексуальной жизни и идеальная заповедь любви к ближнему, как к самому себе (оправданная лишь тем, что в максимальной мере противоречит изначальной природе человека). Всеми стараниями культуры достигнуто сравнительно немного. Она надеется предотвратить грубейшие проявления зверства тем, что оставляет за собой право прибегать к насилию против преступников. Но закон не распространяется на более предусмотрительные и тонкие проявления агрессивности. Каждому из нас пришлось расстаться с детскими иллюзиями по поводу наших ближних; каждому ведомы тяготы и боль, порожденные злой волей других. Была бы несправедливо упрекать культуру за то, что она желает исключить спор и борьбу из человеческой деятельности. Конечно, без них не обойтись, но соперничество не обязательно вражда, таковой оно становится лишь в случае злоупотреблений. Коммунисты веруют в то, что ими найден путь к освобождению от зла. Человек однозначно добр и желает блага ближнему, но его природу испортила частная собственность. Частное владение благами дает одному власть и тем самым искушает его к жестокости с ближним; лишенный имущества, в свою очередь, исполнен враждебности и должен восставать против угнетателя. С отменой частной собственности все блага земные сделаются общими, все люди станут наслаждаться ими, а потому исчезнут зло и вражда меж людьми. С удовлетворением всех нужд не будет причин видеть в другом врага, и все охотно возьмутся за выполнение необходимой работы. В мои задачи не входит экономическая критика коммунистической системы, я не в состоянии исследовать здесь вопрос: послужит ли отмена частной собственности достижению этой цели и какая от этого польза". Но ее психологические предпосылки я не могу не признать безудержной иллюзией. С уничтожением частной собственности человеческая агрессивность лишается одного из своих орудий, безусловно сильного, но наверняка не сильнейшего. Ничего не меняется в различиях во власти и влиянии; которые предполагают использование агрессивности в своих целях. Не меняется и сущность агрессивности. Она не была создана собственностью, она царила почти безраздельно в древнейшие времена, когда собственность была еще жалкой. Она заявляет о себе уже в детском возрасте, едва собственность утрачивает свои первоначальные анальные формы. Собственность это осадок всех отношений нежности и любви между людьми, быть может, за единственным исключением любви матери к своему ребенку мужского пола. Даже с устранением личных прав на материальные блага остаются еще привилегии в области сексуальных отношений, способные сделаться источником сильнейшего неудовольствия и самой резкой вражды среди в остальном уравненных людей. Если устранить даже это, путем полного освобождения сексуальной жизни,

т. е. посредством уничтожения семьи, зародыша культуры, тогда, конечно, становятся непредвидимыми новые пути развития культуры; но одного следует ожидать наверняка агрессивность, эта неискоренимая черта человеческой природы, последует за ней и по этим путям. Людям явно нелегко отказываться от удовлетворения этой агрессивной склонности, они не слишком хорошо это переносят. Немаловажной является выгода малого культурного круга он дает этому влечению выход вовне, направляя агрессивность на стоящих за пределами круга. Всегда можно соединить связями любви огромное множество; единственное, что требуется это наличие того, Того, кто в юности испытал нужду и нищету, безразличие и высокомерие имущих, не заподозришь в том, что он лишен понимания и благожелательности к ведущим борьбу за имущественное равенство и за все то, что из него следует. Но если эту борьбу оправдывают абстрактным требованием справедливости в силу равенства всех людей, то здесь напрашиваются возражения. Природа в высшей степени неравномерно одарила людей телесными и духовными способностями и установила этим такое неравенство, против которого нет никаких средств. не входит экономическая критика коммунистической системы, я не в состоянии исследовать здесь вопрос: послужит ли отмена частной собственности достижению этой цели и какая от этого польза¹⁸. Но ее психологические предпосылки я не могу не признать безудержной иллюзией. С уничтожением частной собственности человеческая агрессивность лишается одного из своих орудий, безусловно сильного, но наверняка не сильнейшего. Ничего не меняется в различиях во власти и влиянии; которые предполагают использование агрессивности в своих целях. Не меняется и сущность агрессивности. Она не была создана собственностью, она царила почти безраздельно в древнейшие времена, когда собственность была еще жалкой. Она заявляет о себе уже в детском возрасте, едва собственность утрачивает свои первоначальные анальные формы. Собственность это осадок всех отношений нежности и любви между людьми, быть может, за единственным исключением любви матери к своему ребенку мужского пола. Даже с устранением личных прав на материальные блага остаются еще привилегии в области сексуальных отношений, способные сделаться источником сильнейшего неудовольствия и самой резкой вражды среди в остальном уравненных людей. Если устранить даже это, путем полного освобождения сексуальной жизни, т.е. посредством уничтожения семьи, зародыша культуры, тогда, конечно, становятся непредвидимыми новые пути развития культуры; но одного следует ожидать наверняка агрессивность, эта неискоренимая черта человеческой природы, последует за ней и по этим путям. Людям явно нелегко отказываться от удовлетворения этой агрессивной склонности, они не слишком хорошо это переносят. Немаловажной является выгода малого культурного круга он дает этому влечению выход вовне, направляя агрессивность на стоящих за пределами круга. Всегда можно соединить связями любви огромное множество; единственное, что требуется это наличие того, кто станет объектом агрессии. Однажды мое внимание привлек феномен вражды и взаимных насмешек как раз между живущими по соседству и вообще близкими сообществами, например, испанцами и португальцами, северными и южными немцами, англичанами и шотландцами и т.д. Я дал этому феномену имя нарциссизм малых различий, которое, впрочем, не слишком много проясняет. Он представляет собой удобное и относительно безвредное удовлетворение агрессивности, способствующее солидарности между членами сообщества. Рассеянный повсюду еврейский народ оказал тем самым достойную признания услугу культуре тех

народов, среди которых поселился; к сожалению, всего средневекового избиения евреев не хватило на то, чтобы сделать эти времена более мирными и безопасными для христиан. После того, как апостол Павел положил в основание своей христианской общины всеобщее человеколюбие, неизбежным следствием была крайняя нетерпимость христиан ко всем остальным. Римлянам, которые не делали любовь фундаментом своего общественного устройства, была чужда религиозная нетерпимость, хотя религия была для них государственным делом, и государство было пропитано религией. Нет ничего непостижимого в том, что германская мечта о мировом господстве дополняется антисемитизмом, и вполне понятно, почему попытка соорудить новую коммунистическую культуру в России находит свое психологическое подкрепление в преследовании буржуазии. С тревогой задаешь себе вопрос: что предпримут Советы, когда истребят всех буржуев? Так как культура требует принесения в жертву не только сексуальности, но также агрессивных склонностей человека, нам становится понятнее, почему людям нелегко считать себя ею осчастливленными. Первобытному человеку, действительно, было лучше тем, что он не знал никаких ограничений на свои влечения. Взамен весьма незначительной была его уверенность в том, что он долгое время может наслаждаться такого рода счастьем. Культурный человек променял часть своего возможного счастья на частичную безопасность. Не следует, однако, забывать, что в первобытной семье только ее глава пользовался подобной свободой удовлетворения влечений, все прочие жили порабощенными. Контраст между наслаждающимися преимуществами культуры меньшинством и лишенным этих выгод большинством был, таким образом, максимальным в начале культурного существования. Тщательное исследование живущих в первобытном состоянии племен свидетельствует о том, что свободе их влечений не позавидуешь: она подлежит ограничениям иного рода, но, пожалуй, еще более строгим, чем у современного культурного человека. Когда мы справедливо обвиняем наше нынешнее состояние культуры в том, что оно не благоприятствует нашим требованиям счастья, что оно приносит бесчисленные страдания, каковых, наверное, можно было бы избежать, когда мы с беспощадной критикой обрушиваемся на ее несовершенства, мы имеем на то полное право и не выказываем себя врагами культуры. Мы должны ждать таких изменений нашей культуры, которые способствовали бы лучшему удовлетворению наших потребностей и сделали бы ненужной эту критику. Однако нам следовало бы свыкнуться с мыслью, что есть трудности, принадлежащие самой сущности культуры, недоступные каким бы то ни было попыткам реформ. Помимо ограничения влечений, к которому мы уже подготовлены, нам угрожает еще одно состояние, которое можно назвать опсихологической нищетой масс. Эта опасность грозит прежде всего там, где общественная связь устанавливается главным образом через взаимную идентификацию участников, тогда как индивидуальность вождей не обретает того значения, которое должно было им принадлежать при формировании массы¹⁹. Современное культурное состояние Америки дает хорошую возможность для изучения этой ущербности культуры. Но я устою перед искушением и не стану вдаваться в критику американской культуры; не хотелось бы вызвать впечатление, что я сам прибегаю к американским методам.

VI

Ни одна другая работа не вызывала у меня столь сильного ощущения того, что я излагаю

нечто общеизвестное, перевозжу бумагу и чернила, а потом труд наборщиков и типографскую краску ради пересказа чего-то само собой разумеющегося. Поэтому я охотно воспользуюсь возникшим у читателя представлением, что признание самостоятельного агрессивного влечения означает пересмотр психоаналитического учения об инстинктах. Это не совсем так, поскольку речь идет лишь о более четкой формулировке давно совершенного поворота и о выведении из него всех следствий. Учение о влечениях продвигалось вперед труднее всех остальных сторон постепенно развивавшейся психоаналитической теории. Но оно было настолько необходимо для психоанализа в целом, что нужно было чем-то заполнить это место. Сначала, будучи в полной беспомощности, мне служили первой опорой слова поэта-философа Шиллера, что механизмом мира правят олюбовь и голодп, Голод мог быть выражением влечений, направленных на сохранение индивида, любовь же влечений, направленных на объекты. Ее главная функция, находящаяся под покровительством природы, заключается в продолжении рода. Так инстинкты Я были поначалу противопоставлены влечениям, направленным на объекты. Энергия последних получила название олибидоп. Появилась противоположность между инстинктами Я и направленными на объекты олибидонозными инстинктами любви (в самом широком смысле этого слова) . Одно из объектных влечений, а именно, садистическое, имело, однако, ту особенность, что цель его была не слишком любвеобильной. В то же самое время оно явно в чем-то примыкало к инстинктам Я. Было явным и его родство с инстинктом обладания, лишенным либидонозных целей. Этой несогласованностью тогда пренебрегли садизм ведь столь очевидно принадлежит к сексуальной жизни, где жестокие игры могут занять место игр нежных. Невроз тогда виделся как исход борьбы между интересами самосохранения и требованиями либидо; борьбы, в которой Я победило, но ценой тяжелых страданий и лишений. Всякий аналитик готов признать, что даже сегодня это звучит не как давно преодоленное заблуждение. Но перемены были неизбежны вместе с постепенным переходом исследования от вытесненного к вытесняющему, от направленных на объект влечений к Я. Решающим здесь было введение понятия онарцисизмп, т. е. учения о том, что само Я заполнено либидо, будучи его первоначальным жилищем и оставаясь в известной мере его штаб-квартирой. Это нарциссическое либидо обращается на объекты, становясь тем самым объектным либидо (способным вновь превратиться в нарциссическое). Понятие нарциссизма сделало возможным аналитическое понимание травматических неврозов, а также многих аффектов, близких к психозам. Сохранялось толкование неврозов перенесения как попыток защиты Я от сексуальности, но в результате под угрозой оказалось само понятие либидо. Поскольку инстинкты Я также были поняты как либидонозные, то какое-то время казалось неизбежным отождествление либидо с энергией влечений как таковой, как это еще раньше сделал К. Г. Юнг. Но оставалась какая-то не вполне обоснованная уверенность в том, что влечения могут быть неоднородными. Следующий шаг был мною сделан в оПо ту сторону принципа удовольствияп (1920), когда мне впервые бросились в глаза навязчивость повторения и консервативный характер инстинктивной жизни. Отталкиваясь от спекуляций по поводу начала жизни и биологических параллелей, я пришел к выводу о существовании другого влечения, противоположного инстинкту самосохранения, который поддерживает жизненную субстанцию и созидает из нее все более обширные объединения²⁰. Это влечение направлено на разрушение таких объединений, оно стремится

вернуть их в изначальное неорганическое состояние. Итак, помимо Эроса имеется и инстинкт смерти, а феномен жизни объясняется их взаимной противодействием. Нелегко было найти свидетельства деятельности этого гипотетического инстинкта смерти. Шумные проявления Эроса бросаются в глаза; можно было предположить, что глухая разрушительная работа инстинкта смерти происходит внутри живого существа, но это было малодостоверно. Дальше шла идея о том, что часть этого инстинкта обращается против внешнего мира и заявляет о себе во влечении к агрессии и деструкции. Этот инстинкт принуждается тем самым служить Эросу, поскольку направлен на уничтожение другого (одушевленного или неодушевленного), а не себя самого. Напротив, ограничение направленной вовне агрессии усиливало бы и без того осуществляющийся процесс саморазрушения. Уже по этому примеру можно догадаться, что оба эти инстинкта редко наверное, даже никогда не выступают по отдельности, но сплавлены в различные изменчивые и спутанные сочетания, а потому неузнаваемы для нашего взгляда. Особенно сильный сплав любовного и деструктивного влечений обнаруживается в садизме, давно известном как компонент сексуальности. В его противнике, мазохизме, точно так же присутствует связь внутренне направленной деструктивности с сексуальностью, которая проясняет и делает ощутимой эту ранее недоступную пониманию наклонность. Гипотеза об инстинкте смерти, или деструктивности, столкнулась с сопротивлением даже в психоаналитических кругах. Нередко заявляет о себе тенденция приписывать все опасное и враждебное, найденное в любви, изначальной биполярности собственной природы любви. Развиваемые здесь соображения я представил поначалу лишь как опытные данные, но с течением времени они обрели надо мною такую власть, что я уже не в силах мыслить иначе. Мне кажется, что эта гипотеза теоретически несравненно более приемлема, нежели все остальные, так как она позволяет многое упростить без пренебрежения к фактам или насилия над ними а к этому мы стремимся в теоретической работе. Я готов признать, что в садизме и мазохизме мы имеем дело со сплавом эротики и деструктивности, направленной внутрь или вовне, но мне теперь непонятно, как мы проглядели повсеместность невротической агрессивности и деструктивности, упустили из виду принадлежащее ей в истолковании жизни место. (Направленная внутрь деструктивность по большей части не поддается восприятию, пока она не получила эротической окраски.) Я вспоминаю о собственном сопротивлении при первой встрече с идеей инстинкта деструктивности в психоаналитической литературе, помню, сколь долго оно длилось, пока я не стал восприимчивее к этой идее. Не удивительно поэтому, что другие ее отрицали и отрицают. Даже дети, и те неохотно слушают напоминания о врожденной склонности человека ко озлуп, к агрессии, разрушению и всякого рода жестокостям. Ведь Бог создал его по образу собственного всесовершенства, и никому не хочется вспоминать о трудности соединения вопреки всем уверениям homo homini lupus несомненного существования зла с божественным всемогуществом или его всеблагостью. Для оправдания Бога потребовался дьявол, принявший на себя экономически полезную роль козла отпущения вроде еврея в мире арийских идеалов. Но и тогда Бог несет ответственность за существование дьявола, за это воплощенное зло. По причине таких трудностей всякому на своем месте остается преклонить колени перед глубоко нравственной природой человека: это поможет приобрести респектабельность и за это многое простится²¹. Название олибидоп теперь вновь можно применять к силам Эроса, чтобы отличать их от энергии инстинкта

смерти²². Следует признать, что восприятие последнего по-прежнему вызывает трудности; мы лишь в какой-то степени догадываемся о его присутствии за Эросом и он нам недоступен, пока не вступает в соединение с Эросом. Его природа и отношение к Эросу самым ясным образом проявляются при рассмотрении садизма, когда при полном удовлетворении сексуального влечения преследуется не эротическая цель, Но даже там, где инстинкт смерти обходится без сексуальных целей вообще, даже в ярости слепого разрушения, удовлетворение агрессивности связано с необычайно высоким уровнем нарциссического наслаждения Я утоляет свое древнее желание всемогущества. Умеренный и усмирённый, заторможенный по цели, инстинкт деструктивности направляется на объекты, предоставляя тем самым Я способ удовлетворения своих жизненных нужд и господство над природой. Гипотеза об этом инстинкте покоится на теоретических основаниях, а потому она не вполне защищена от теоретических возражений. Но такой она нам представляется на нынешнем уровне наших познаний; грядущие исследования и размышления, конечно, внесут окончательную ясность. Так что в дальнейшем я буду придерживаться той точки зрения, что агрессивное стремление является у человека изначальной, самостоятельной инстинктивной предрасположенностью. В ней культура находит сильнейшее препятствие. У нас уже сложилось представление, что культура есть процесс, завладевший человечеством мы все еще находимся под обаянием этой идеи. Процесс этот состоит на службе у Эроса, желающего собрать сначала отдельных индивидов, затем семьи, племена, народы, нации в одно большое целое, в человечество. Почему так должно происходить, мы не знаем; таково дело Эроса. Человеческие массы должны быть либидонозно связаны; одна необходимость, одни выгоды совместного труда их бы не удержали. Этой программе культуры противостоит природный инстинкт агрессивности, враждебности одного ко всем и всех к каждому. Агрессивное влечение потомок и главный представитель инстинкта смерти, обнаруженного нами рядом с Эросом и разделяющего с ним власть над миром. Теперь смысл культурного развития проясняется. Оно должно нам продемонстрировать на примере человечества борьбу между Эросом и Смертью, инстинктом жизни и инстинктом деструктивности, Эта борьба сущность и содержание жизни вообще, а потому культурное развитие можно было бы просто обозначить как борьбу человеческого рода за выживание²³. И эту-то битву гигантов наши нянюшки хотят убаюкать олегендой о радостях небап!

VII

Почему наши родичи животные не обнаруживают такой культурной борьбы? Этого мы попросту не знаем. Вероятно, иные из них пчелы, муравьи, термиты сотни тысяч лет вели борьбу, пока не нашли те государственные институты, то разделение функций, те ограничения для индивидов, которые вызывают у нас сегодня такое восхищение. Но наше нынешнее состояние таково, что мы не были бы счастливы ни в одном из этих государств животных, исполняя какую угодно роль, уготованную в них индивидам об этом говорят нам наши чувства. У других видов животных дело могло дойти до временного равновесия между воздействиями внешнего мира и внутренней борьбой инстинктов, что привела бы к застою в развитии. У первобытного человека новая атака либидо могла возбудить новый отпор деструктивности. Вопросов здесь много больше, чем ответов. Нас касается другой вопрос: какими средствами пользуется культура, чтобы сдержать и обезвредить противостоящую ей агрессивность быть

может, даже совсем исключить ее? Мы уже познакомились с некоторыми методами, наверное, не самыми важными. Возможность их изучения предоставляется нам историей развития индивида что с ним происходит, когда он пытается обезвредить свое стремление к агрессии? Нечто удивительное и загадочное, хотя за ответом не нужно далеко ходить. Агрессия интроецируется, переносится внутрь, иначе говоря, возвращается туда, где она, собственно, возникла, и направляется против собственного Я, Там она перехватывается той частью Я, которая противостоит остальным частям как Сверх-Я, и теперь в виде совести использует против Я ту же готовность к агрессии, которую Я охотно удовлетворило бы на других, чуждых ему индивидах. Напряжение между усилившимся Сверх-Я и подчиненным ему Я мы называем сознанием вины, которое проявляется как потребность в наказании. Так культура преодолевает опасные агрессивные устремления индивидов она ослабляет, обезоруживает их и оставляет под присмотром внутренней инстанции, подобной гарнизону в захваченном городе. На возникновение чувства вины психоаналитики смотрят иначе, чем прочие психологи. Но и аналитику нелегко дать полный отчет об этом чувстве. Когда спрашиваешь, как у кого-то появляется чувство вины, поначалу слышишь ответ, с которым не поспоришь: виновным (огрешным, как сказал бы человек набожный) себя чувствует тот, кто сделал нечто, признаваемое озломом. Потом замечаешь, как мало дает этот ответ. После некоторых колебаний к этому, быть может, добавят: виновен и тот, кто, не сделав зла, имел такое намерение. Тогда встает вопрос, почему здесь приравнены умысел и его осуществление? В обоих случаях, однако, заранее предполагается, что зло уже известно как нечто дурное, и его нужно исключить еще до исполнения, Как люди приходят к такому решению? Способность к изначальному, так сказать, естественному, различению добра и зла придется сразу же отклонить. Часто зло совсем не вредно и не опасно для Я; напротив, оно бывает для него желанным и приносящим удовольствие. Таким образом, здесь нужно говорить о стороннем влиянии, определяющем, что должно называться добром и злом. Поскольку собственное внутреннее чувство не подводит человека к этому пути, у него должен быть мотив для того, чтобы поддаться данному внешнему влиянию. Такой мотив легко обнаружить в его беспомощности и зависимости от других. Его лучше всего назвать страхом утраты любви. С потерей любви другого, от коего он зависит, утрачивается и защита от многочисленных опасностей. Прежде всего, он оказывается перед лицом угрозы, что превосходящий его по силе другой проявит свое превосходство в виде кары, наказания. Поначалу, таким образом, зло есть угроза утраты любви, и мы должны избегать его из страха такой утраты. Неважно, было ли зло уже совершено, хотят ли его совершить: в обоих случаях возникает угроза его раскрытия авторитетной инстанцией, которая в обоих случаях будет карать одинаково. Это состояние называется одурной совестью, хотя и не заслуживает такого названия, поскольку на данном уровне осознания вины последняя предстает лишь как страх утраты любви, как осознанный страх. У маленького ребенка иначе и быть не может, но и у многих взрослых отличия невелики разве что на место отца или обоих родителей становится большее человеческое сообщество. Люди постоянно позволяют себе приятное им зло, если только они уверены, что это не будет раскрыто авторитетом или он их никак не накажет страх относится только к разоблачению²⁴. Сегодняшнее общество должно считаться и с этим состоянием. Значительные изменения наступают вместе с интериоризацией этого авторитета, с возникновением Сверх-Я. Феномены совести поднимаются на новую ступень по

сути дела, лишь после того следовало бы говорить о совести и чувстве вины²⁵. Страх перед разоблачением теперь отпадает и совершенно исчезает различие между злодеянием и злой волей, так как от Сверх-Я ничего не скроешь, даже мысли. Правда, сходит на нет и реальная серьезность ситуации, ибо новый авторитет, Сверх-Я, не имеет повода для жестокого обращения с внутренне с ним сопряженным Я. Но ситуация остается той же, что вначале, под влиянием генезиса, продлевающего жизнь прошлому и уже преодоленному. Сверх-Я истязает грешное Я теми же муками страха и ждет удобного случая, чтобы наказать Я со стороны внешнего мира. На этой второй ступени развития у совести обнаруживается одна своеобразная черта, которая была ей чужда на первой и которую теперь нелегко объяснить. А именно, чем добродетельнее человек, тем суровее и подозрительнее делается совесть. В злейшей греховности обвиняют себя дальше других зашедшие по пути святости. Добродетель лишена части обещанной ей награды, послушное и воздержанное Я не пользуется доверием своего ментора, да и напрасно пытается его заслужить. Тут наготове возражения: это, мол, искусственные трудности, суровая и бдительная совесть характерна именно для нравственных людей. Святые имели право представлять себя грешниками, сославшись на искушения: стремлению удовлетворять инстинкты они подвержены сильнее других, искушения растут при постоянном от них отречении, тогда как после удовлетворения они хотя бы на время ослабевают. Другим фактом в этой столь богатой проблемами области этики является то, что несчастья укрепляют власть совести в Сверх-Я. Пока дела идут неплохо, совесть человека мягка и многое уму позволяет; стоит случиться несчастьем, и он уходит в себя, признает свою греховность, превозносит притязания своей совести, налагает на себя обеты и кается²⁶. Так поступали и так поступают доныне целые народы. Это легко объяснить первоначальной, инфантильной ступенью совести, которая не исчезает и после интроекции Сверх-Я, но продолжает существовать рядом с ним и за ним. Судьба видится как заменитель родительской инстанции; если случается несчастье, то это значит, что любви этой верховной власти он уже лишен. Опасность такой утраты заставляет вновь склониться перед родительским образом Сверх-Я, которым человек пренебрегал в счастье. Это еще понятнее, если, в соответствии со строго религиозным образом мышления, мы будем считать судьбу лишь выражением воли Божьей. Народ Израиля полагал себя избранным сыном Божиим, и пока величественный отец слал своему народу несчастья за несчастьями, народ не роптал и не сомневался в могуществе и справедливости Божьей, но выдвигал пророков, которые порицали его за греховность. Из сознания своей виновности он сотворил непомерно суровые предписания своей жреческой религии, Первобытный человек ведет себя совсем иначе! Когда с ним случается несчастье, он винит не себя, а свой фетиш, который не справился со своими обязанностями и вместо того чтобы корить себя подвергает его порке. Итак, нам известны два источника чувства вины: страх перед авторитетами и позднейший страх перед Сверх-Я. Первый заставляет отказываться от удовлетворения инстинктов, второй еще и наказывает (ведь от Сверх-Я не скрыть запретных желаний). Мы видели также, как может пониматься суровость Сверх-Я, иначе говоря, требования совести. Это простые продолжения строгости внешнего авторитета, на смену которому пришла совесть. Теперь мы видим, в каком отношении к отказу от влечений стоит сознание вины. Первоначально отказ от влечений был следствием страха перед внешним авторитетом: от удовлетворения отрекались, чтобы не потерять любви. Отказавшись, человек

как бы расплачивается с внешним авторитетом, и у него не остается чувства вины. Иначе происходит в случае страха перед Сверх-Я. Здесь мало отказа от удовлетворения, поскольку от Сверх-Я не скрыть оставшегося желания. Чувство вины возникает несмотря на отказ, и в этом огромный экономический убыток введения Сверх-Я или, так сказать, совести. Отказ от влечений уже не освобождает, добродетельная умеренность не вознаграждается гарантией любви. Человек поменял угрозу внешнего несчастья утраты любви и наказания со стороны внешнего авторитета на длительное внутреннее несчастье, напряженное сознание виновности. Эти взаимосвязи настолько запутанны и в то же время столь важны, что, несмотря на опасность повторения уже сказанного, я хотел бы подойти к ним с еще одной стороны. Итак, временная последовательность событий такова: сначала отказ от влечений вследствие страха агрессии со стороны внешнего авторитета. Из него вытекает и страх утраты любви, тогда как любовь предохраняет от такого наказания. Затем создается внутренний авторитет, отказ от влечений происходит из-за страха перед ним, это страх совести. Злодеяние и злой умысел приравниваются друг другу, а отсюда сознание вины, потребность в наказании. Агрессия совести консервирует агрессию авторитета. Пока все ясно; но остается ли место для усиливающего совесть влияния несчастья (отказ, налагаемый извне), для исключительной суровости совести у самых лучших и самых покорных? Обе эти особенности совести уже были нами объяснены, но могло создаться впечатление, что объяснения не достигли сути дела, осталось нечто необъясненное. И тут, наконец, подключается идея, характерная исключительно для психоанализа и чуждая обычному человеческому мышлению. Она позволяет понять и неизбежную запутанность и непрозрачность предмета нашего исследования. Эта идея такова: хотя, поначалу, совесть (вернее, страх, который потом станет совестью) была первопричиной отказа от влечений, потом отношение переворачивается. Каждый отказ делается динамическим источником совести, он всякий раз усиливает ее строгость и нетерпимость. Чтобы согласовать это с уже известной нам историей возникновения совести, не обойтись без парадокса: совесть есть следствие отказа от влечений; либо отказ от влечений (навязанный нам извне) создает совесть, которая затем требует все нового отказа от влечений. Собственно говоря, это положение не так уж противоречит описанному ранее генезису совести, и есть путь их дальнейшего сближения. Для простоты изложения воспользуемся примером агрессивного влечения и допустим, что всегда требуется отказ от агрессии. Естественно, это лишь предварительное допущение. Воздействие отказа на совесть тогда является таким, что каждая составная часть агрессивности, которой отказано в удовлетворении, перехватывается Сверх-Я и увеличивает его агрессию против Я. С этим не вполне согласуется то, что первоначальная агрессивность совести есть продолжение суровости внешнего авторитета. Тогда она не имеет ничего общего с отказом от удовлетворения. Эта несогласованность, однако, убывает, если предположить, что первое наполнение Сверх-Я агрессивностью имеет другой источник. Какими бы ни были первые запреты, у ребенка должна была развиваться значительная агрессивность против того авторитета, который препятствует удовлетворению самых настоятельных его влечений. Ребенок был вынужден отказываться от удовлетворения своей мстительной агрессии против авторитета. В этой экономически трудной ситуации он прибегает к помощи механизма идентификации, а именно, переносит внутрь себя самого этот неуязвимый авторитет, который становится Сверх-Я. Тем самым он получает во владение всю ту

агрессивность, которую в младенчестве направлял против этого авторитета. Детское оЯ должно довольствоваться печальной ролью столь униженного отцовского авторитета. Как это часто случается, мы имеем дело с зеркальной ситуацией: оЕсли бы я был отцом, а ты ребенком, то плохо бы тебе пришлось. Отношение между Сверх-Я и Я есть перевернутое желанием реальное отношение между еще не расщепившимся Я и внешним объектом. Это также типичная ситуация. Существенное различие, однако, состоит в том, что первоначальная строгость оСверх-Я отличается от той, которая испытывается со стороны объекта или ему приписывается; скорее, она представляет собственную агрессивность против объекта. Если это верно, то можно утверждать, что сначала совесть возникает посредством подавления агрессивности, а затем она все более усиливается благодаря все новым актам подавления. Какое из этих двух мнений правильное? Старое, казавшееся нам неоспоримым генетически, либо же новое, которое столь совершенным образом вносит упорядоченность в теорию? Свидетельства прямого наблюдения подтверждают оба взгляда. Они не противоречат друг другу и даже встречаются мстительная агрессия ребенка определяется мерой наказуемой агрессии, ожидаемой им со стороны отца. Но опыт учит тому, что строгость развивающегося у ребенка Сверх-Я никоим образом не передает строгости им самим испытанного обращения²⁷. При очень мягком воспитании у ребенка может возникнуть весьма суровая совесть. Но эту независимость не следует и преувеличивать: не трудно убедиться в том, что строгость воспитания оказывает сильное влияние на формирование детского Сверх-Я. Из этого следует, что при формировании Сверх-Я и образовании совести мы имеем дело с взаимодействием врожденных конституциональных факторов и воздействий окружающей среды. В этом нет ничего удивительного, так как речь идет об общем этиологическом условии всех подобных процессов²⁸. Можно сказать, что ребенок, реагируя повышенной агрессивностью и соответствующей строгостью оСверх-Я на первые серьезные отказы от влечений, следует при этом филогенетическому прообразу. Неадекватность реакции объясняется тем, что первобытный праотец был поистине страшен и вполне способен на крайнюю степень агрессивности. Таким образом, различия двух точек зрения на генезис совести еще больше стираются, когда мы переходим от истории развития индивида к филогенезису. Но между этими двумя процессами обнаруживается новое различие, Мы продолжаем придерживаться гипотезы о том, что человеческое чувство вины происходит из Эдипова комплекса и было приобретено вместе с убийством отца объединившимися против него сыновьями. Тогда агрессия не была подавлена, но была осуществлена та самая агрессия, подавление которой у ребенка должно являться источником чувства вины. Я не удивлюсь, если кто-нибудь из читателей гневно воскликнет: оВсе равно убьет отца или нет чувство вины появляется в обоих случаях! Позвольте усомниться. Либо ложно выведение чувства вины из подавленной агрессивности, либо вся история с отцеубийством роман, и древние дети человеческие убивали своих отцов не чаще, чем имеют обыкновение нынешние. Впрочем, даже если это не роман, а достоверная история, то и в таком случае здесь нет ничего неожиданного: чувство вины появляется после свершения чего-то преступного. А для этого повседневного случая психоанализ как раз не дает никакого объяснения, Эта верно, и нам нужно наверстывать упущенное. Здесь нет никакой тайны. Чувство вины, возникающее после свершения чего-либо преступного, скорее заслуживает имени раскаяния. Оно относится только к деянию, а тем

самым уже предполагает наличие совести до деяния, т. е. готовности почувствовать себя виновным. Раскаяние ничуть не поможет нам в исследовании истоков совести и чувства вины. В обыденных случаях происходит следующее: влечение обретает силу и может прорвать ограниченную по силе оборону совести. Но по мере удовлетворения потребности происходит ее естественное ослабление и восстанавливается прежнее соотношение сил. Поэтому психоанализ с полным правом исключает случаи вины, проистекающие из раскаяния как бы часто они ни встречались и каким бы ни было их практическое значение. Но когда чувство вины восходит к убийству праотца разве оно не представляет собой ораскаяния, не предполагает наличия совести и чувства вины еще до совершения деяния? Откуда же тогда раскаяние? Именно этот случай должен прояснить нам тайну чувства вины и положить конец сомнениям. Я полагаю, что это достижимо. Раскаяние было результатом изначальной амбивалентности чувств по отношению к отцу: сыновья его ненавидели, но они его и любили. После удовлетворения ненависти в агрессии любовь проявилась как раскаяние за содеянное, произошла идентификация Сверх-Я с отцом. Как бы в наказание за агрессивное деяние против отца его власть получило Сверх-Я, устанавливающее ограничения, налагающее запреты на повторение деяния. Склонность к агрессии против отца повторялась и в последующих поколениях, а потому сохранялось и чувство вины, усиливавшееся всякий раз при подавлении агрессии и перенесении ее в Сверх-Я. Теперь нам со всей ясностью видна и причастность любви к возникновению совести, и роковая неизбежность чувства вины. При этом не имеет значения, произошло отцеубийство на самом деле или от него воздержались. Чувство вины обнаружится в обоих случаях, ибо оно есть выражение амбивалентного конфликта, вечной борьбы между Эросом и инстинктом разрушительности или смерти. Этот конфликт разгорается, как только перед человеком ставится задача сосуществования с другими. Пока это сообщество имеет форму семьи, конфликт заявляет о себе в Эдиповом комплексе, в совести и первом чувстве вины. Вместе с попытками расширить это сообщество тот же конфликт продолжается в зависимых от прошлого формах, усиливается и ведет к дальнейшему росту чувства вины. Культура послушна эротическому побуждению, соединяющему людей во внутренне связуемую массу. Эта цель достигается лишь вместе с постоянным ростом чувства вины. То, что началось с отца, находит свое завершение в массе. Если культура представляет собой необходимый путь развития от семьи к человечеству, то с нею неразрывно связаны последствия врожденного ей конфликта вечной распри любви и смерти. Из него произрастает чувство вины, достигающее иногда таких высот, что делается невыносимым для отдельного индивида. Вспомним потрясающее обвинение великого поэта онебесным силам.

Они нас в бытие манят, Заводят слабость в преступленья И после муками казнят: Нет на земле проступка без отмщенья.

Можно лишь вздохнуть при мысли, что иным людям дано без всякого труда извлекать глубочайшие прозрения из круговорота своих чувств, тогда как всем прочим приходится прокладывать свой путь на ощупь и с мучениями.

VIII

Под конец такого пути автор должен извиниться перед читателями он не был умелым вожатым, не уберег от пустынь и трудных обходных троп. Без сомнения, можно было бы

справиться с этим и лучше. Попытаюсь в завершение хоть как-то восполнить упущенное. У читателя могло возникнуть впечатление, будто рассуждения о чувстве вины ломают рамки этой работы, занимают слишком много места и оттесняют на обочину другие вопросы, с которыми они даже не всегда связаны. Это могло нарушить стройность изложения, но полностью соответствует нашему намерению представить чувство вины как важнейшую проблему развития культуры показать, что платой за культурный прогресс является убыток счастья вследствие роста чувства вины²⁹. Странность этого окончательного вывода нашего исследования объясняется, наверное, совершенно особым, не вполне осмысленным, отношением между чувством вины и нашим сознанием. В обычных, нормальных случаях раскаяния чувство вины достаточно ощутимо для нашего сознания. Мы даже привыкли вместо ощущения вины говорить о осознании вины. Изучение неврозов, которому мы многим обязаны для понимания нормальности, показывает нам всю противоречивость этих взаимоотношений. В неврозе навязчивых состояний чувство вины назойливо навязывается сознанию, оно господствует как в клинической картине болезни, так и в жизни больного, оно теснит все остальное. Но в случае иных неврозов чувство вины остается совершенно бессознательным, не выявляя и малой части своего реального воздействия. Больные не верят, когда мы предполагаем у них бессознательное чувство вины. Чтобы они хоть как-то нас понимали, мы рассказываем им о бессознательной потребности в наказании, в которой находит выражение чувство вины. Не следует переоценивать этих сопоставлений с формами неврозов и при неврозе навязчивых состояний имеются типы больных, которые не воспринимают своего чувства вины или ощущают его как мучительное неприятное чувство, какую-то тревогу, мешающую совершать определенные действия. Когда-нибудь все это станет нам понятнее. Здесь было бы уместно только заметить, что чувство вины есть топическая разновидность страха в своих позднейших фазах развития оно полностью совпадает со страхом перед Сверх-Я. Взаимоотношения сознания со страхом дают ту же картину многообразных вариаций. Страх стоит за всеми симптомами, но он то шумно притязает на все сознание целиком, то так хорошо прячется, что вынуждает говорить о бессознательном страхе. Или даже о бессознательной возможности страха, если мы желаем сохранить в чистоте научно-психологическую совесть ведь страх есть прежде всего ощущение. Вполне допустимо, что созданное культурой чувство вины также неузнаваемо как таковое, остается по большей части бессознательным или обнаруживается как недовольство, неудовлетворенность, для которых отыскивается другая мотивировка. Религии, по крайней мере, никогда не игнорировали роль чувства вины в культуре. Они даже претендуют на избавление человечества от этого чувства, именуемого ими грехом (чему я не дал соответствующей оценки в другом месте³⁰). По тому, как достигается это избавление в христианстве жертвенной смертью одного человека, принимающего на себя общую вину всех мы пришли к выводу относительно первого случая обретения этой изначальной вины, с которого берет свое начало и культура³¹. Полезным, хотя и не принципиально важным, было бы разъяснение некоторых терминов, которые часто употреблялись нами слишком вольно или один вместо другого: Сверх-Я, совесть, чувство вины, потребность в и наказании, раскаяние. Все они обозначают разные стороны одного и того же отношения. Сверх-Я это открытая нами инстанция, а совесть одна из приписываемых Сверх-Я функций. Совесть осуществляет надзор и суд над действиями и умыслами Я, она действует как цензор. Чувство вины, жестокость

оСверх-Я это, как и в случае суровой совести, ощущаемая Я слезка, контроль за напряженными взаимоотношениями стремлений Я и требований Сверх-Я. Лежащий в основе всего этого отношения страх перед критической инстанцией, потребность в наказании это проявление инстинкта оЯ, сделавшегося мазохистским под влиянием садистического Сверх-Я. Иначе говоря, Я употребляет часть имеющегося у него внутреннего деструктивного влечения для установления эротической связи со Сверх-Я. О совести можно говорить лишь после того, как доказано наличие Сверх-Я, а сознание вины надо признать возникшим ранее, таким образом оно старше совести. В таком случае чувство вины есть непосредственное выражение страха перед внешним авторитетом, напряжения между Я и авторитетом. Чувство вины прямой потомок конфликта между потребностью в любви и стремлением к удовлетворению влечений (задержка последнего создает склонность к агрессии). Взаимное наложение двух уровней чувства вины из страха перед внешним и внутренним авторитетом затрудняло нам понимание совести. Раскаяние это общее обозначение реакций Я на чувство вины, Раскаяние содержит в почти непреобразованном виде материал ощущений страха и является само по себе наказанием, включает в себя потребность в наказании, а потому оно может быть старше совести. Столь же бесполезно было бы проследить те противоречия, которые временами вносили запутанность в наше исследование. Чувство вины было то следствием неосуществленной агрессии, то результатом агрессии как раз совершенной (по своему историческому происхождению от отцеубийства). Нами был найден выход из этого затруднения: с подключением внутреннего авторитета, оСверхЯп, отношение существенно изменилось. Ранее чувство вины совпадало с раскаянием, и мы отмечали, что раскаяние означало только реакцию на действительно совершенный акт агрессии. Затем различие между намерением и совершением агрессии утратило свою силу вследствие всеведения Сверх-Я. Чувство вины могли теперь вызывать не только действительно совершенные акты насилия это всем известно, но и лишь замышляемые таково открытие психоанализа. Несмотря на изменение психологической ситуации, конфликт двух влечений воздействует сходным образом. Именно здесь следует искать решение загадки сложных взаимоотношений чувства вины с сознанием. Чувство вины из раскаяния за деяние всегда осознано; оно может оставаться бессознательным, будучи восприятием побуждения. Правда, этому противоречит невроз навязчивых состояний (и вообще не все так просто), Второе противоречие заключалось в том, что энергия агрессивности Сверх-Я предстает сначала как продолжение энергии наказания со стороны внешнего авторитета; согласно другому взгляду, она является, скорее, собственной агрессивностью, не нашедшей применения и сталкивавшейся с этим препятствующим ей авторитетом. Первая точка зрения лучше согласуется с историей, вторая с теорией чувства виновности. Противоречие, казавшееся непримиримым, было чуть ли не полностью сглажено более детальным анализом: общим и существенным в обоих случаях оказывается перенесение агрессивности внутрь. Клинические наблюдения в свою очередь позволяют различать два действительных источника агрессивности Сверх-Я. В отдельных случаях доминирует воздействие одного или другого, но в целом они взаимодействуют. Думаю, что в данном пункте следует всерьез отстаивать ту точку зрения, которую я ранее рекомендовал в качестве предварительной гипотезы. В новейшей аналитической литературе предпочтение отдается учению, согласно которому всякое отречение, любое препятствие удовлетворению влечения ведет или может вести к росту чувства вины³². Мне кажется, что можно внести

теоретическое упрощение, если относить это только к агрессивным влечениям тогда эту гипотезу нелегко опровергнуть. Иначе как объяснить динамически и экономически рост чувства вины, приходящий на место неудовлетворенного эротического влечения? Это возможно лишь окольным путем, когда препятствие эротическому удовлетворению возбуждает частичную агрессию против мешающего удовлетворению лица, после чего подавляется и сама агрессивность. Но и в этом случае в чувство вины преобразуется только подавляемая и вытесняемая Сверх-Я агрессивность. Я убежден, что многие процессы можно представить проще и яснее, если ограничить психоаналитическое учение о производном характере чувства вины агрессивными влечениями. Клинический материал не дает здесь однозначного ответа, поскольку ни одно из двух влечений не встречается в чистом, изолированном от другого, виде. Но разбор экстремальных случаев подтвердит, скорее, указанное мною направление. Мне хотелось бы воспользоваться выгодами этого более точного подхода применительно к процессу вытеснения. Известно, что симптомы неврозов являются заместителями удовлетворения неосуществимых сексуальных желаний. По ходу аналитической работы мы не без удивления обнаружили, что почти за всяким неврозом скрывается известная доля бессознательного чувства вины. Оно, в свою очередь, подкрепляет симптомы, использует их как орудия наказания. Когда влечение подлежит вытеснению, то его либидинозные составляющие превращаются в симптомы, а его агрессивные компоненты в чувство вины. Даже если эта формулировка лишь приблизительно верна, то и тогда она заслуживает интереса. У иных читателей этого сочинения могло возникнуть впечатление, что они слишком часто слышали формулу о борьбе между Эросом и инстинктом смерти. Она должна была характеризовать культурный процесс, в который вовлечено человечество, но применялась также для индивидуального развития и, наконец, для раскрытия тайн органической жизни. Представляется неизбежным сопоставление этих трех процессов. Применение одной и той же формулы оправдывается тем, что культурное развитие человечества и развитие индивида являются в равной степени жизненными процессами, к ним применимы всеобщие характеристики жизни. Правда, это ничего не дает для их разграничения. Пока что нам достаточно сказать, что культурный процесс представляет собой такую модификацию жизни, которая возникает под влиянием Эроса и по требованиям Анаanke, реальной нужды. Задачей культурного процесса является объединение одиночек в сообщество либидинозно связанных друг с другом людей. Но если пристально посмотреть на соотношение культурного развития человечества и индивидуального процесса развития или воспитания индивида, то мы без колебаний решим, что они сходны по своей природе, если вообще не представляют собой один и тот же процесс развития разнородных объектов. Конечно, культурное развитие человеческого рода есть абстракция более высокого порядка, чем развитие индивида. Поэтому его труднее изобразить наглядно, а при поиске аналогий возможны натяжки и преувеличения. Но при однородности целей не удивляет и сходство средств осуществления: здесь включения индивида в ряды человеческой массы, там установление из множества коллективов их единства. Огромное значение имеет одна отличительная черта обоих процессов. Программа принципа удовольствия в индивидуальном развитии крепко держится главной цели достижения счастья, Вхождение в сообщество или приспособление к нему суть необходимые условия достижения этой цели, хотя не будь этих условий, идти к ней было бы легче. Иначе говоря, индивидуальное

развитие предстает как продукт интерференции двух стремлений: именуемого эгоистическим стремления к счастью и стремления к объединению с другими, именуемого альтруистическим. Оба эти наименования не идут далее поверхностных характеристик. В индивидуальном развитии подчеркивается эгоизм стремления к счастью; другое стремление, культурное, как правило, довольствуется здесь ролью ограничителя. Иначе при культурном процессе, где главенствует цель создать единство из множества индивидов; хотя еще сохраняется цель осчастливить индивида, она оттесняется на задний план. Кажется даже, что сотворение огромного человеческого сообщества достигается тем успешнее, чем меньше заботы о счастье индивида. Таким образом, индивидуальное развитие имеет особые черты, которые не повторяются в культурном процессе человечества. Первый процесс имеет целью вхождение индивида в сообщество только там, где он совпадает со вторым. Подобно тому, как планета вращается не только вокруг собственной оси, но и вокруг центрального тела, отдельный человек, следуя по своему собственному жизненному пути, принимает участие и в развитии человечества. Нашему слабому зрению игра небесных сил кажется застывшим и вечно самому себе равным порядком; в органическом мире, напротив, мы видим взаимную борьбу сил и непрерывную смену результатов этого конфликта. У каждого индивида сталкиваются два стремления к собственному счастью и к единению людей; точно так же враждуют и оспаривают друг у друга место под солнцем процессы индивидуального и культурного развития. Но эта борьба прямо не вытекает из непримиримого антагонизма двух первичных влечений, Эроса и Смерти. Здесь мы имеем дело с раздором в самом хозяйстве либидо, сравнимым со спором о распределении либидо между Я и объектами. Эта борьба, будем надеяться, допускает согласие индивида с обществом в культуре будущего, сколь бы этот раздор не отягощал сегодняшнюю жизнь индивида. Аналогию между культурным и индивидуальным развитием можно сделать еще более широкой. А именно, предположив, что у общества также формируется некое Сверх-Я, оказывающее влияние на развитие культуры. Для знатока различных культур было бы заманчивой задачей проследить эту аналогию во всех деталях, Я ограничусь несколькими бросающимися в глаза моментами. Сверх-Я любой культурной эпохи имеет тот же источник, что и Сверх-Я индивида. Им является впечатление, оставленное вождями, людьми подавляющей духовной силы, либо людьми, у которых одна из человеческих страстей получила самое сильное и чистое поэтому часто одностороннее выражение. Иногда аналогия идет еще дальше: достаточно часто, если не всегда, эти личности при жизни подвергаются насмешкам, преследуются или даже жесточайшим образом уничтожаются. Ведь и праотец был обожествлен много позже своей насильственной смерти. Самым трогательным примером подобной судьбы может служить личность Иисуса Христа, если только она не принадлежит мифу, вызванному к жизни мрачной памятью о том изначальном убийстве. Совпадение есть и в другом: культурное Сверх-Я, как и Сверх-Я индивида, выдвигает сильные идеальные требования, наказывает страхом совести за непослушание. Удивительно то, что в массовом проявлении эти душевные процессы более доступны нашему сознанию, чем в индивидуальном, когда отчетливо воспринимается только агрессивность Сверх-Я. У индивида агрессивность предстает как упреки Сверх-Я в случае напряжения, тогда как находящиеся на заднем плане требования остаются бессознательными. Если их довести до сознания, то обнаружится, что они совпадают с предписаниями Сверх-Я данной культуры. Культурное развитие массы и индивидуальное

развитие так сочетаются и переплетаются друг с другом, что многие свойства Сверх-Я легче обнаружить, наблюдая за поведением культурного сообщества, а не индивида. Сверх-Я культуры формирует свои идеалы и требования, к которым относятся и объединяемые под именем этики требования к взаимоотношениям между людьми. Во все времена этике придавали огромное значение, ожидали от нее чрезвычайно важных деяний. Действительно, этика обращается к тому пункту, в котором легко распознать самое болезненное место культуры. Этику можно понять как попытку терапевтического воздействия, как усилие достичь с помощью заповедей Сверх-Я того, что не сумела сделать вся остальная работа культуры. Речь здесь идет о том, как устранить с пути культуры самое серьезное препятствие конститутивную агрессивность человека. Поэтому наш интерес привлекла новейшая заповедь Сверх-Я культуры: возлюби ближнего твоего как самого себя. Изучение и терапия неврозов привели нас к двум упрекам по отношению к индивидуальному Сверх-Я. Во-первых, оно проявляет мало заботы о счастье Я: суровость заповедей и запретов не принимает во внимание ни сопротивления их исполнению, ни силу влечений оно, ни трудности, с которыми они сталкиваются в окружающем мире. В терапевтических целях нам приходится поэтому бороться со Сверх-Я, понижать уровень его притязаний. Сходные возражения вызывают у нас этические требования культурного Сверх-Я. Оно также мало озабочено фактической душевной конституцией человека, отдает приказы, не задаваясь вопросом об их исполнимости. Более того, оно исходит из предположения, будто человеческое Я в состоянии психологически вынести все то, что на него возлагается, что оЯ имеет неограниченную власть над своим Оно. Это заблуждение, так как даже у так называемого нормального индивида власть над оно не поднимается выше определенного уровня. Если от него требуют большего, то у индивида это вызывает бунт или невроз, либо делает его несчастным. Заповедь овозлюби ближнего способствует человеческой агрессивности и является изумительным примером непсихологичности действий культурного Сверх-Я. Заповедь неисполнима, поскольку столь значительная инфляция любви способна лишь понизить ее ценность, но не устранить нужду. Всем этим культура пренебрегает, она только повторяет, что чем труднее следовать предписанию, тем выше заслуга. Но тому, кто последует такому предписанию в рамках современной культуры, придется нести убытки в пользу того, кто с ними не считается. Сколь же сильным должно быть выдвинутое культурой против агрессивности средство защиты, если последнее способно делать людей не менее несчастными, чем сама агрессивность! Так называемая естественная этика не предложит нам здесь ничего, кроме нарциссического удовлетворения считать себя выше других... А религиозная этика принимается за свои обещания лучшей доли в загробном мире. Я полагаю, что проповеди эти тщетны, пока добродетель не будет вознаграждаться уже на земле. И мне кажется несомненным, что реальное изменение отношений собственности принесет больше пользы, чем любая этическая заповедь. Но социалисты затемняют это важное положение своей опять-таки идеалистической недооценкой человеческой природы, что лишает его всякой ценности. От изучения роли Сверх-Я в явлениях культурного развития можно ждать и других положений, Я спешу с заключением, но одного вопроса мне все же не избежать. Если развитие культуры имеет столь значительное сходство с развитием индивида и работает с помощью тех же орудий, то не вправе ли мы поставить диагноз, согласно которому многие культуры или целые культурные эпохи (а

возможно, и все человечество) сделались оневротическими под влиянием культуры? За классификацией этих неврозов могли бы последовать терапевтические рекомендации, имеющие большой практический интерес. Подобная попытка применения психоанализа к культурному сообществу не была бы ни бессмысленной, ни бесплодной. Но требуется осторожность: речь идет лишь об аналогии. Не только людей, но и понятия опасно отрывать от той сферы, где они родились и развивались. Диагноз коллективных неврозов сталкивается и с трудностью особого рода. Пока речь идет об индивидуальном неврозе, опорой нам служит контраст между больным и его нормальным окружением, Такой фон отпадает, когда мы имеем дело с однородно аффицированной массой, его нужно искать в чем-то ином. Что же касается терапии, то даже самый приближенный к реальности анализ социального невроза ничем бы не помог кто располагает таким авторитетом, чтобы принудить массу лечиться? Несмотря на все эти затруднения, следует ожидать, что однажды кто-нибудь отважится на изучение патологии культурных сообществ. Я далек здесь от общей оценки человеческой культуры, на то есть свои причины. Но я воздерживаюсь от предрассудка, согласно которому культура является самым драгоценным нашим достоянием, а путь культуры обязательно ведет к невиданным совершенствам, Я магу без негодования выслушивать критика культуры, полагающего, что при рассмотрении целей и средств культуры неизбежно следует вывод: все ее усилия не стоят затраченного труда, а итогом их будет лишь невыносимое для индивида состояние. Мне легко быть беспристрастным по одной простой причине: я не слишком много знаю об этих предметах. С уверенностью я знаю только то, что ценностные суждения неизбежно направляются желаниями людей, их стремлением к счастью, попытками подкрепить свои иллюзии аргументами. Я вполне готов понять, когда кто-нибудь, заметив принудительный характер культуры, скажет, что ограничение сексуальной жизни или навязывание гуманистических идеалов ценой естественного отбора все это неизбежность, и лучше уж ей подчиниться как природной необходимости. Известно мне и возражение: многое из того, что казалось неизбежным на протяжении человеческой истории, не раз отбрасывалось и заменялось совсем другим. На роль пророка мне не хватает смелости, и я готов принять упрек в том, что не в силах принести ближним никакого утешения. А ведь именно его столь страстно жаждут и самые ярые революционеры, и самые набожные верующие. Роковым для рода человеческого мне кажется вопрос: удастся ли и в какой мере обуздать на пути культуры влечение к агрессии и самоуничтожению, ведущее к разрушению человеческого сосуществования. Наше время представляет в связи с этим особый интерес. Ныне люди настолько далеко зашли в своем господстве над силами природы, что с их помощью легко могут истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они знают это, отсюда немалая доля их теперешнего беспокойства, их несчастья, их тревоги. Остается надеяться, что другая из небесных властей вечный Эрос приложит свои силы, дабы отстоять свои права в борьбе с равно бессмертным противником. Но кто знает, на чьей стороне будет победа, кому доступно предвидение исхода борьбы?

Недовольство культурой (приложение)

Завершив Будущее одной иллюзии осенью 1927 г., Фрейд два года практически не работал из-за тяжелой болезни. Летом 1929 г. он начинает писать книгу, работа над которой идет необычайно быстро: уже в ноябре того же года рукопись находится в издательстве, две главы

публикуются в психоаналитическом журнале. Книга вышла в самом конце 1929 г., но уже с датой 1930 г. на обложке. Первоначально Фрейд хотел озаглавить книгу «Несчастье в культуре» (о *Das Unglück in der Kultur*), но затем заменил «несчастье» на «недовольство». (*Das Unbehagen*), поставив тем самым в нелегкое положение переводчиков на другие европейские языки. Во-первых, термин «культура» чрезвычайно многозначен, и если в русском языке он имеет, наряду с прочими, тот же смысл, который вкладывается в него немецкоязычными философами, то в английском и французском переводах (*Civilization and Its Discontents*, *Malaise de civilisation*) пришлось поменять «культуру» на «цивилизацию». Фрейд специально оговорился, что не проводит между ними различий. Во-вторых, немецкое название передает два оттенка «недовольство» в культуре: существует у людей потому, что они недовольны ею, имеется «недовольство культурой», о котором и идет речь в книге. Человек принадлежит двум царствам, природе и обществу, он разрывается между ними, его существование есть вечный конфликт. Эти идеи присутствовали и в ранних работах Фрейда, где речь шла о подавлении сексуального влечения социальными нормами. Теперь помимо либидо в поле зрения оказываются последствия подавления агрессивного влечения, рассматривается феномен «удивительной враждебности» к культуре. С древности (даосы, киники и др.) естественное противопоставлялось искусственному, природное культурному. Конечно, Руссо не призывал нас «оставаться на четвереньках», а Ницше не предлагал уподобиться «охищенным зверям», но так или иначе оппозиция «природа — культура» на протяжении последних двух столетий воспроизводится и в ученых трактатах, и в массовом сознании европейцев, становясь особенно острой в критические, переломные моменты истории. С одной стороны, предлагается картина бедствий, которые несет с собою цивилизация, доносятся призывы к естественности, опрощению, «ожизни по природе». С другой стороны, раздаются голоса противников: «Вглядитесь и вдумайтесь в естественное, в поступки и желания человека, не тронутого цивилизацией, и вы отпрянете в ужасе. Все прекрасное и благородное является плодом разума и расчета» (Бодлер Ш. Об искусстве. М., 1986. С. 308). В 10–20-е гг. нашего века получили самое широкое хождение «культуркритицизм» и «культурпессимизм», противопоставление «ожизни» и «культуры» стало общим местом европейской философии. Многие положения Фрейда напоминают идеи Шопенгауэра и Ницше, а критика тех или иных сторон современной культуры близка философии жизни. В подавлении естественных влечений он видел главный источник неврозов, нынешнее «недовольство культурой» связывал с избыточностью налагаемых общественными нормами запретов. Но Фрейд не идеализировал жизнь первобытных племен, а в развитии науки, техники и социальных институтов он видел несомненный прогресс. Всякая культура покоится на запретах, причем «насилие» над естественными влечениями оказывается трагической необходимостью. Помимо либидо имеется агрессивное влечение, и человечество, обладающее мощными техническими средствами, способно уничтожить себя в войне. Мышлению Фрейда всегда был присущ дуализм, имевший и свою сильную сторону, поскольку психическая жизнь всегда понималась им как конфликт противоборствующих сил, не статически, а динамически. В начале века он писал о сексуальном инстинкте и инстинкте самосохранения («инстинкты Я»), но затем последний был сведен к первому (через нарциссизм). Деструктивность Фрейд считал компонентом сексуального инстинкта, хотя определенные колебания у него имелись. Поскольку садизм несомненно

включает в себя, наряду с сексуальным, и агрессивное влечение, Фрейд был склонен выводить деструктивность из анально-садистической стадии развития либидо. Поэтому он отверг первые попытки своих последователей (С. Шпильрайн) ввести в метапсихологию учение об инстинкте смерти. Строго говоря, термин опансексуализм верно характеризует учение Фрейда лишь в 10-е гг., когда вся психика казалась проявлением либидо. Такая позиция представляла немалую опасность для психоанализа, поскольку в таком случае напрашивался вывод Юнга о том, что либидо есть психическая энергия как таковая, не имеющая специфически сексуального характера. При этом многие психические явления упорно не редуцировались к либидо. Поэтому иногда Фрейд возвращался к инстинктам Яп например, в оСудьбах влечений (1915), где он писал, что ненависть как объектное отношение старше любви, поскольку проистекает из инстинкта самосохранения у нарциссического Я, отрицающего внешний мир. Агрессивность представляла, таким образом, то как модификация сексуального инстинкта, то как сторона инстинктов Яп. По собственному признанию Фрейда, к изменению позиции его толкнули, с одной стороны, необъяснимые в рамках прежней модели неврозы ветеранов первой мировой войны, а с другой теоретические размышления, мотивированные той же мировой войной. Следует учитывать, что эта война положила конец сравнительно мирному веку европейской истории (1815-1914) и многим его иллюзиям. Если до войны природные влечения часто предстают у Фрейда как благо, нечто само по себе ценное, но подавляемое общественными институтами, то после войны эти взгляды претерпевают изменения. Помимо этого для учения, которое к тому времени уже претендовало на объяснение всех социальных явлений, было явно не по силам найти корни мировой войны и сколь угодно широко понятой сексуальности. Решительный поворот был совершен в 1920 г., когда Фрейд опубликовал работу оПо ту сторону принципа удовольствия. В ней была осуществлена радикальная ревизия учения о влечениях, Фрейд возвращается к дуализму, но теперь рядом с сексуальным влечением стоит независимое деструктивное инстинкт смерти. Аргументация Фрейда, в самом общем виде, такова. Все живое является носителем специфической жизненной энергии, которая, однако, управляется теми же законами, что и все природные процессы. Второй закон термодинамики говорит о росте энтропии: системы с высоким уровнем организации стремятся к хаосу тепловой смерти, к возврату в исходно простое состояние, Фрейд замечает, что все живые организмы наделены не только стремлением к усложнению в процессе эволюции, но и стремлением к саморазрушению, к возврату в неорганическое состояние. Это относится и к психической жизни, которая стремится к нулевому уровню возбуждения. Наслаждение приносит разрядку возбуждения, уменьшение психического напряжения, в этом проявляется действие принципа нирваны, стремление психики вернуться в неорганическое состояние. Второй закон термодинамики становится психологическим влечением, инстинктом смерти. Первоначально деструктивное влечение направлено внутрь, против самой психики, затем оно направляется на внешний мир и выступает как агрессивность. В случае подавления внешне направленной агрессивности она накапливается вокруг оСверх Яп, что ведет к болезненному чувству вины, беспричинному страху, неврозам, мании преследования, а то и к самоубийствам. Точно такая же модель применяется Фрейдом и к сексуальному инстинкту: первоначально влечение направлено на собственное тело (первичный нарциссизм), затем влечение становится объектным, но в определенных обстоятельствах неудовлетворенное объектное

влечение может вновь вернуться к нарциссизму в разного рода патологиях. Фрейд придерживался гидравлической модели психики: чем меньше агрессивность выплескивается вовне в деструктивных актах, тем сильнее ее давление на психику индивида, тем больше вероятность, что данное влечение прорвет все запруды и заявит о себе в актах немотивированного насилия. Поскольку агрессивность принадлежит человеческой природе, никакими общественными реформами нельзя обуздать насилие. Происходит вечная борьба между инстинктом жизни, Эросом, объединяющим живые существа во все более сложные союзы, и Танатосом, инстинктом смерти и разрушения. Далекое не все психоаналитики приняли это учение об инстинкте смерти, тем более, что Фрейду так и не удалось пересмотреть типологию неврозов, исходя из предложенного изменения метапсихологии. В клинике неврозов психоаналитики предпочитают объяснять агрессивность фрустрациями, некоторыми чертами характера, воспитанием в раннем детстве. О врожденной агрессивности много говорилось в 60-70-е гг., но это было связано с трудами этологов, прежде всего К. Лоренца. Попытки соединить психоанализ с идеями этологов предпринимали сравнительно немногие аналитики, поскольку Лоренца и Фрейда объединяет лишь гидравлическая модель психики. В рамках неофрейдизма агрессивность объясняется не биологическими импульсами, а структурой характера наиболее разработанную концепцию предложил Э. Фромм («Анатомия человеческой деструктивности», 1973). Работа «Недовольство культурой» привлекла внимание многих философов и социологов. Она была главным источником идей многих «фрейдомарксистов» («Эрос и цивилизация» Маркузе и др.). Идеи Фрейда о культурном СверхъЯ сыграли определенную роль в становлении американской культурной антропологии (учение об «эгоцентричном» типе личности). Некоторые мысли, впервые высказанные в данной работе, были развиты Фрейдом в его лекциях по введению в психоанализ, а также в публикуемых и данном издании работах «Почему война?» и «Человек Моисей и монотеистическая религия». В основу всех последующих переизданий берется второе издание 1931 г., в котором имеются небольшие добавления. Перевод выполнен А. М. Руткевичем по изданию: Freud S. Studienausgabe. Bd. IX Frankfurt a. M., 1974. 1 Либли, 1923, После появления обеих книг «Жизнь Рамакришны» и «Жизнь Вивекананды» (1930) мне нет нужды скрывать, что упомянутым другом является Ромен Роллан. 2 Граббе Д. Хр. Ганнибал. «Да, из мира нам не уйти. Мы в нем однажды». 3 См. многочисленные работы Ференци о развитии Я и чувства Я, начиная с его «Этапов развития чувства реальности» (1913) и вплоть до статей П. Федерна (1926, 1927 и далее). 4 The Cambridge Ancient History. T. VII, 1928. «The founding of Rome» by Hugh Last. 5 Гете в «Кротких ксениях» (стихи из литературного наследия) 6 На более низком уровне об этом говорит в «Благочестивой Елене» Вильгельм Буш: «У кого заботы, у того и выпивка». 7 Гете даже предупреждал: «Нет ничего менее переносимого, чем вереница хороших дней». Быть может, это все-таки преувеличение. 8 Если особые склонности не предписывают со всею требовательностью направление жизненным интересам, простая, доступная всякому работа по призванию может занять то место, на которое своим мудрым советом указывал Вольтер. В рамках краткого обзора невозможно дать соответствующую оценку значимости работы для экономики либидо. Ни одна другая техника руководства жизнью не связывает так прочно с реальностью, как поглощенность работой. Она надежно вовлекает индивида по крайней мере в одну область реальности в человеческое общество. Возможность перемещения значительной

части либидонозных компонентов нарциссических, агрессивных и собственно эротических в трудовую сферу и связанные с нею человеческие отношения придает этой деятельности ценность, каковая не уступает ее необходимости для поддержания и оправдания своего существования в обществе. Когда она свободно выбрана, профессиональная деятельность приносит особого рода удовлетворение: с помощью сублимации становятся полезными склонности, доминирующие или конституционально усиленные влечения. И тем не менее труд как путь к счастью мало ценится людьми. Они не прибегают к нему так охотно, как к другим возможностям удовлетворения. Подавляющее большинство людей работают только под давлением нужды, и самые тяжкие социальные проблемы проистекают из этой природной неприязни людей к труду. 9 Ср. оFormulierungen uber die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911; оVorlesungen zur Einfuhrung in die Psychoanalyse, XXIII. 10 Я вынужден указать хотя бы на один пробел, оставленный тем, что было выше изложено. Рассматривая возможности счастья для человека, нельзя пропускать относительную взаимосвязь нарциссизма и направленного на объект либидо. Желательно выяснить, какое значение для экономии либидо имеет эта направленность на самого себя. 11 См. оБудущее одной иллюзии, 1927. 12 Психоаналитический материал, неполный и не поддающийся достоверной интерпретации, все же дает нам одну звучащую фантастически гипотезу о происхождении этого великого человеческого деяния. Кажется, первобытный человек имел обыкновение тушить встретившийся ему огонь собственной мочой и получал тем самым удовлетворение детского желания. Имеющиеся сказания не оставляют сомнений в том, что первоначальное понимание извивающихся, взмывающих вверх языков пламени было фаллическим. Тушение огня мочеиспусканием (вспомним позднейших гигантов Гулливера у лилипутов или Гаргантюа у Рабле) было чем-то вроде полового акта с женщиной, наслаждения мужской силой в гомосексуальном соревновании. Кто первым отказал себе в этом удовольствии, пощадил огонь, тот смог унести его с собой и поставить себе на службу, Укротив огонь собственного сексуального возбуждения, он покорил природную силу огня. Это великое завоевание культуры было своеобразной наградой за отречение от влечения. В дальнейшем женщина была поставлена хранительницей домашнего очага, поскольку уже по своему анатомическому строению она не могла себе позволить такого удовольствия. Заслуживает внимания и постоянные свидетельства аналитического опыта о взаимосвязи честолюбия, огня и уретральной эротики. 13 См. оХарактер и анальная эротика (1908) и многочисленные статьи Д. Джонса и др. 14 Хотя органическая периодичность сексуальности сохраняется, но ее влияние на психическое сексуальное возбуждение едва ли не стало собственной противоположностью. Изменение связано в первую очередь с прекращением возбуждения, вызываемого в мужской психике менструальными запахами. Эту роль берут на себя зрительные раздражения, которые, в отличие от обоняния, обладали постоянным воздействием. Табу менструации происходит из этого органического вытеснения, как защита от уже преодоленной стадии развития, Все прочие мотивации имеют, вероятно, вторичный характер (ср. С.Д. Daly Hindu mythology und Kostrationskomplex, Imago XIII, 1927). Этот процесс повторяется на другом уровне, когда боги ушедшего периода превращаются в демонов. Уменьшение роли обоняния само по себе есть следствие перехода к прямохождению, подъема с земли. Это сделало видимыми ранее скрытые гениталии требующие защиты вызывающие чувство стыда. У истоков рокового культурного

процесса мы обнаруживаем выпрямившегося человека, Отсюда идет цепь следствий: обесценение обоняния и избегание женщин в период менструации, преобладание зрения, обнаженность половых органов а затем постоянное сексуальное возбуждение, образование семьи; так мы подходим к порогу человеческой культуры. Это лишь теоретическая спекуляция, но она заслуживает точной проверки посредством изучения образа жизни ближайших к человеку животных. Социальный момент явно присутствует и в культурном стремлении к чистоте, которое в дальнейшем будет обосновываться гигиеной, но которое существовало задолго до того, как были сформулированы гигиенические требования. Чистоплотность проистекает из желания удалить экскременты, сделавшиеся неприятными для чувственного восприятия. Мы знаем, что в детской дело обстоит иначе: у детей они не вызывают никакого отвращения, рассматриваются как отделившиеся, но полноценные части собственного тела. Требуется энергичное воспитание, чтобы ускорить развитие и сделать экскременты чем-то ничтожным, тошнотворным, мерзким и дурным для ребенка. Такая переоценка вряд ли была бы возможной, если бы телесные выделения не сделались предосудительными по одному своему запаху, разделяя тем самым судьбу всех обонятельных раздражений после выпрямления человека. Так анальная эротика делается жертвой органического вытеснения, пролагающего дорогу к культуре. О социальном факторе, обеспечивающем дальнейшие изменения анальной эротика, свидетельствует тот факт, что, несмотря на весь человеческий прогресс, запах собственных экскрементов почти не отталкивает, в отличие от испражнений других. Нечистоплотный человек, т. е, тот, кто не скрывает свои выделения, оскорбляет тем самым другого, относится к нему неуважительно об этом говорят и самые сильные ругательства. Было бы столь же непонятно, почему человек использует как ругательство имя своего самого преданного друга из животного мира, не будь у собаки двух свойств, вызывающих презрение человека. Будучи животным с развитым обонянием, собака не испытывает отвращения к своим экскрементам и не стыдится своих сексуальных функций.

15 Я давно оценил небольшой рассказ о *The Appletree*, утонченного английского писателя Дж. Голсуорси, пользующегося ныне всеобщим признанием. В нем на редкость убедительно показано, что в жизни сегодняшнего культурного человека не осталось места для простой и естественной любви двух людей.

16 Ранее высказанное предположение можно подкрепить следующими замечаниями; человек есть недвусмысленно бисексуальное по своей конституции животное. В индивиду сплавлены две симметричные половинки, одна из которых, по мнению ряда ученых, является мужской, а другая женской. Первоначально они обе могли иметь гермафродитный характер. Пол это биологический факт, его трудно понять психологически, несмотря на всю значимость его для душевной жизни. Для нас привычно говорить следующим образом: у каждого индивида имеются как мужские так и женские влечения, потребности, черты, но мужской или женский характер дело анатомии, а не психологии. Для последней противоположность полов сводится к активности и пассивности, где активность почти без сомнений связывается с мужским, а пассивность с женским началом (хотя в животном мире нередки исключения). Учение о бисексуальности пока что слишком смутно; помехой для психоанализа оказывается отсутствие всякой связи этого учения с учением о влечениях. Как бы там ни было, стоит принять как факт стремление каждого индивида удовлетворять как мужские, так и женские свои желания. Тогда мы должны признать и возможность того, что один и тот же объект не в состоянии его

удовлетворить. Влечения препятствуют друг другу, если не удастся разделить их и направить каждое по особому, только ему соразмерному пути. Другая трудность возникает потому, что эротическая связь часто содержит не только садистический компонент, но и откровенно агрессивную предрасположенность. Объект любви не всегда проявляет к этим сложностям достаточно понимания и терпимости как та крестьянка, которая плакалась, что муж ее больше не любит, потому что уже неделю ее не порол. Высказанное в примечании (стр. 96) предположение касается самых глубоких оснований: вместе с выпрямлением человека и уменьшением роли обоняния оказывается под угрозой органического вытеснения не только анальная эротика, но и сексуальность вообще. Сексуальная функция с этого времени сопровождается неискоренимым сопротивлением, которое мешает полному удовлетворению и отклоняет функцию от сексуальной цели к сублимации и смещениям либидо. Блейлер уже указывал на существование такой изначально отклоняющейся от сексуальной жизни установки (см. Bleuerg. Der Sexualwiderstand. Jahrbuch furpsychoanalyt. und psychopathl. Forschungen. Bd. V, 1913). Для многих невротиков (и не только невротиков) толчком к отклонению был тот факт, что *Inter urinas et faeces nascimur*. Гениталии также вызывают сильный запах, невыносимый для многих людей и омрачающий их сексуальные отношения. Корнем прогрессирующего вместе с культурой вытеснения сексуальности оказывается органическое сопротивление со стороны новой формы жизни, связанной с прямохождением по отношению к более ранним стадиям животного существования. Этот результат научного исследования, как то ни странно, совпадает с часто провозглашаемыми банальными предрассудками. Но пока что все это лишь недостоверные и не подкрепленные наукой представления. Не следует также забывать, что при несомненном уменьшении роли обоняния даже в Европе есть народы, высоко оценивающие столь отвратительные для нас запахи половых органов как средства сексуального возбуждения (см. данные исследований фольклора оанкетуп И. Блоха о чувстве обоняния в *vita sexulis*п. См. различные номера ежегодника *Anthropophyteia*п Ф. С. Крауса). 17 Великий поэт может себе позволить хотя бы в шутку высказать запретные психологические истины. Так Г. Гейне признается: *оЯ человек самых мирных убеждений. Мои желания: скромная хижина, соломенная крыша над головой, зато добротная кровать, хорошая еда, свежие молоко и масло, цветы под окном, несколько красивых деревьев напротив двери, Если же всемиловитому Богу вздумается сделать меня совсем счастливым, то он даст мне радость тем, что на этих деревьях будут висеть шесть или семь моих врагов. Перед их смертью я растроганно прошу им все зло, причиненное мне за все время жизни да, врагам нужно прощать, но не раньше, чем они повешенып (Гейне. *оМысли и идеип*). 18 Того, кто в юности испытал нужду и нищету, безразличие и высокомерие имущих, не заподозришь в том, что он лишен понимания и благожелательности к ведущим борьбу за имущественное равенство и за все то, что из него следует. Но если эту борьбу оправдывают абстрактным требованием справедливости в силу равенства всех людей, то здесь напрашиваются возражения. Природа в высшей степени неравномерно одарила людей телесными и духовными способностями и установила этим такое неравенство, против которого нет никаких средств. 19 См. *оМассовая психология и анализ "Я"п*. 1921. 20 Противоположность между неустанной тенденцией Эроса к расширению и общей консервативной природой влечений бросается в глаза и может стать исходным пунктом постановки следующих проблем. 21 Тождество злого начала с деструктивным влечением*

убедительно выражено у Мефистофеля Гете: ... ничего не надо. Нет в мире вещи, стоящей пощады. Творенье не годится никуда. Итак, я то, что ваша мысль связала С понятием разрушенья, зла, вреда. Вот прирожденное мое начало, Моя среда. Своим противником сам дьявол считает не святое, не благо, а природную силу, созидающую и преумножающую жизнь, т. е. Эрос.

В земле, в воде, на воздухе свободном Зародыши роятся и ростки В сухом и влажном, теплом и холодном. Не завладей я областью огня, Местечка не нашлось бы для меня". 22 Наш нынешний подход без опасений можно выразить одной фразой: в любом проявлении инстинкта принимает участие либидо, но не все в нем принадлежит либидо. 23 Вероятно, с уточнением деталей; как и в силу какого загадочного события эта борьба приняла такие формы. 24 Вспомним о знаменитом мандарине Руссо. 25 Нужно принимать во внимание, что в этом наглядном изображении резко разделяется то, что в действительности протекает более плавно. Речь идет не только о существовании Сверх-Я, но также о его относительной силе и сфере влияния. Все сказанное выше о совести и вине само по себе общеизвестно и почти бесспорно. 26 О таком укреплении морали несчастьями пишет Марк Твен в своем превосходном маленьком рассказе о *The first melon I ever storep*. Случайно эта первая дыня оказалась неспелой. Я слышал рассказ из уст самого Марка Твена, Прочитав название, он сделал паузу и спросил, как бы колеблясь: *oWas it the first?п*. Этим все сказано: первая не была единственной. 27 Как это верно подчеркивалось Мелани Клейн и другими английскими авторами. 28 Фр. Александер в работе *oПсихоанализ и целостная личностьп* (1927) в связи с исследованием Айхорна о беспризорности соответствующим образом оценил два типа патогенного воспитания непомерную строгость и баловство, *oЧрезмерно мягкий и снисходительныйп* отец способствует образованию у ребенка слишком сильного Сверх-Я, ибо под воздействием окружающей его любви у него не остается иного выхода, кроме обращения агрессивности внутрь. У беспризорника, выросшего без любви, падает уровень напряжения между Я и *oСверхЯп*, и вся его агрессивность может оказаться направленной вовне. Таким образом, если отвлечься от предполагаемого конституционального фактора, можно сказать, что строгая совесть образуется из взаимодействия двух жизненных сил отказа от влечений, освобождающего от оков агрессивности, и опыта любви, который направляет эту агрессивность внутрь и передает ее Сверх-Я. 29 *oТак совесть делает из всех нас трусовп...* Соккрытие от юношества той роли, которую играет в жизни сексуальность не единственный упрек современному воспитанию. Оно грешит кроме того и тем, что не подготавливает молодежь к агрессивности, обрекает стать ее жертвой. Воспитание выпускает юношество в жизнь со столь неверной психологической ориентацией, как если бы полярную экспедицию снаряжали летней одеждой и картами верхнеитальянских озер. При этом очевидно злоупотребление этическими требованиями. Их суровость не многим бы вредила, если бы воспитатель говорил: такими люди должны быть, чтобы стать счастливыми и делать счастливыми других; но нужно считаться с тем, что они не таковы. Вместо этого молодежи твердят о том, что все остальные держатся этических предписаний, а потому добродетельны. Этим обосновываются требования, чтобы и молодежь сделалась такою же.

S. Freud. Massenpsychologie und Ich-Analyse (По изданию: З. Фрейд. "Психология масс и анализ человеческого "Я", издательство "Современные проблемы", Н. А. Столляр, М., 1926 г.,)

I ВВЕДЕНИЕ

Противоположность между индивидуальной психологией и социальной психологией (или психологией масс), кажущаяся на первый взгляд весьма значительной, оказывается при тщательном исследовании не столь резкой. Хотя индивидуальная психология построена на наблюдении над отдельным человеком и занимается исследованием тех путей, идя которыми индивид стремится получить удовлетворение своих влечений, однако при этом ей приходится лишь изредка, при определенных исключительных условиях, не принимать во внимание отношений этого индивида к другим индивидам. В душевной жизни одного человека другой всегда оценивается как идеал, как объект, как сообщник или как противник, и поэтому индивидуальная психология с самого начала является одновременно и социальной психологией в этом распространенном, но весьма правильном смысле. Отношение индивида к своим родителям, к братьям и сестрам, к своему любовному объекту, к своему врачу, следовательно, все те взаимоотношения, которые до сих пор были преимущественно предметом психоаналитического исследования, могут быть оценены как социальные феномены и противопоставлены некоторым другим процессам, названным нами нарцистическими, при которых удовлетворение влечений избегает влияния других людей или отказывается от контакта с ними. Следовательно, противоположность между социальными и нарцистическими - Bleuler сказал бы, может быть, аутистическими --душевными актами принадлежит к области индивидуальной психологии и не может служить признаком, отделяющим ее от социальной психологии или психологии масс. В вышеупомянутых взаимоотношениях с родителями, с братьями и сестрами, с любимым лицом, с другом и с врачом, человек испытывает всегда влияние одного лишь лица или очень ограниченного числа лиц, из которых каждое имеет огромное значение для него. Вошло в обыкновение, говоря о социальной психологии или о психологии масс, не обращать внимания на эти взаимоотношения и выделять в качестве предмета исследования одновременное влияние, оказываемое на человека большим числом людей, с которыми он связан в каком-нибудь одном отношении, в то время, как во многих других отношениях он может быть им чужд. Итак, психология масс занимается исследованием отдельного человека как члена племени, народа, касты, сословия, института или как составной части человеческой толпы, организовавшейся в массу к определенному времени для определенной цели. После того, как эта естественная связь прекращалась, можно было оценивать явления, происходящие при этих особых условиях, как выражение особого, неподдающегося дальнейшему разложению влечения, социального влечения -herd instinct, group mind, -не проявляющегося в других ситуациях. Против этого мы возражаем, что нам трудно придать моменту численности такое большое значение, в силу которого он сам по себе мог бы будить в душевной жизни человека новое, до тех пор инактивное влечение. Обратим внимание на две другие возможности: что социальное влечение может не быть первоначальным, может подвергнуться дальнейшему разложению и что корни его развития можно найти в более тесном кругу как, например, в семье. Психология масс, хотя и находящаяся в зачаточном состоянии, обнимает необозримое множество индивидуальных

проблем и ставит перед исследователем необозримое множество задач, которые в настоящее время даже не обособлены еще вполне друг от друга. Одна лишь классификация различных форм масс и описание выявляемых ими психических феноменов требует огромного наблюдения и подробного изложения; по этому вопросу имеется уже богатая литература. Всякий, кто сравнит размеры этой небольшой работы с объемом психологии масс, тот, конечно, сразу поймет, что здесь будут затронуты лишь немногие вопросы из всего материала. И действительно, здесь будут разобраны некоторые вопросы, к которым исследование глубин психоанализа проявляет особый интерес.

II. ОПИСАНИЕ МАССОВОЙ ДУШИ У ЛЕБОНА

Вместо определения массовой души, мне кажется более целесообразным начать с указания на ее проявления и выхватить из них некоторые особенно поразительные и характерные факты, с которых можно начать исследование. Мы достигнем и той и другой цели, если обратимся к некоторым страницам из книги Лебона "Психология масс"¹, вполне заслуженно пользующейся известностью. Уясним себе еще раз суть дела: если бы психология, предметом исследования которой являются наклонности, влечения, мотивы и намерения индивида вплоть до его действий и отношений к своим ближним, до конца разрешила свою задачу и выяснила бы все эти взаимоотношения, то она очутилась бы внезапно перед новой задачей, которая оказалась бы для нее неразрешимой: она должна была бы объяснить тот поразительный факт, что ставший ей понятным индивид при определенном условии чувствует, мыслит и действует иначе, чем этого можно было бы ожидать, и этим условием является приобщение к человеческой толпе, которая приобрела качество психологической массы. Что такое "масса", благодаря чему она приобретает способность оказывать такое сильное влияние на душевную жизнь индивида и в чем заключается душевное изменение, к которому она обязывает индивида? Ответ на эти три вопроса является задачей теоретической психологии. Очевидно, лучше всего исходить из третьего вопроса. Наблюдение измененной реакции индивида дает материал для психологии масс; каждой попытке объяснения должно предшествовать описание того, что должно быть объяснено. Я привожу слова Лебона. Он пишет (стр. 165). "Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе (*psychologische Masse*), следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие путем этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности". Мы позволяем себе прервать изложение Лебона нашими комментариями и высказываем здесь следующее замечание: если индивиды в массе связаны в одно целое, то

должно существовать нечто связывающее их друг с другом, и этим связующим звеном может быть именно то, что характерно для массы. Однако Лебон не отвечает на этот вопрос; он занимается исследованием перемены, происходящей с индивидом в массе, и описывает его в выражениях, вполне согласующихся с основными предпосылками нашей психологии глубин. (Стр. 166). "Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы. Для того, чтобы хоть несколько разъяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно: что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый проницательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинует. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы. Кроме открыто признаваемых нами причин, руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными есть еще более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения". В массе стираются, по мнению Лебона, индивидуальные достижения людей, и благодаря этому исчезает их оригинальность. Расовое бессознательное выступает на первый план, гетерогенное утопает в гомогенном. Мы скажем: психическая надстройка, развивавшаяся столь различно у различных индивидов, рушится, и при этом обнаруживается однородный у всех бессознательный фундамент. Таким образом была бы осуществлена средняя характеристика индивидов, составляющих массу. Однако Лебон находит, что у них проявляются и новые качества, которыми они до сих пор не обладали. Обоснование этого он ищет в трех различных моментах. (Стр. 168). "Первая из этих причин заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он бывает один. В толпе же он тем менее склонен обуздывать эти инстинкты, что толпа анонимна и потому не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе". Мы, с нашей точки зрения, придаем небольшое значение появлению новых качеств. Нам достаточно сказать, что индивид находится в массе в таких условиях, которые позволяют ему отбросить вытеснение своих бессознательных влечений. Мнимые новые качества, обнаруживаемые индивидом, суть проявления этого бессознательного, в котором содержится все зло человеческой души; нам нетрудно понять исчезновение совести или чувства ответственности при этих условиях. Мы уже давно утверждали, что ядром так называемой совести является "социальный страх". Некоторое отличие взгляда Лебона от нашего возникает благодаря тому, что его понятие бессознательного не вполне совпадает с понятием о том же, принятым психоанализом. Бессознательное Лебона содержит прежде всего глубочайшие отличительные черты расовой души, находящейся собственно вне рассмотрения психоанализа. Правда, мы признаем, что ядро человеческого "Я", которому принадлежит "архаическое наследство" человеческой души бессознательно; но кроме того, мы обособляем

"вытесненное бессознательное", явившееся результатом некоторой части этого наследства. Это понятие вытесненного отсутствует у Лебона.

(Стр. 168). "Вторая причина, -зараза, также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы". Эта фраза послужит впоследствии основанием для одного важного предположения. (Стр. 169). "Третья причина, и притом самая важная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, это - восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его придти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин, - неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта... Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера. Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности". (Стр. 170). "Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи - вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть сам собою и становится автоматом, у которого своей воли не существует". Я привел эту цитату так подробно для того, чтобы подтвердить, что Лебон действительно считает состояние индивида в толпе гипнотическим, а не только сравнивает его с таковым. Мы не усматриваем здесь никакого противоречия, мы хотим только подчеркнуть, что обе последние причины перемены, происходящей с индивидом в массе, заразительность и повышенная внушаемость, очевидно, не равноценны, так как заразительность тоже есть проявление внушаемости. Нам кажется, что влияние обоих моментов также не резко разграничено в тексте Лебона. Может быть, мы лучше всего истолкуем его мнение, если мы отнесем заразительность за счет влияния отдельных участников массы друг на друга, суггестивные же явления в массе, связанные с феноменами гипнотического воздействия,

указывают на другой источник. На какой? У нас должно получиться ощущение неполноты от того, что одна из главных составных частей этого воздействия, а именно: лицо, являющееся для массы гипнотизером, не упомянуто в изложении Лебона. Все-таки он отличает от этого покрытого мраком обворожительного влияния заразительное действие, оказываемое отдельными лицами друг на друга, благодаря которому усиливается первоначальная суггестия. Лебон указывает еще один важный момент для суждения об индивиде, участвующем в массе. (Стр. 170). "Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе -это варвар, т. е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку. Он останавливается особенно еще на понижении интеллектуальной деятельности, которое претерпевает человек благодаря причастности к массе"². Оставим теперь индивида и обратимся к описанию массовой души в том виде, в каком она очерчена у Лебона. В этом отношении нет ни одной черты, происхождение и выявление которой представило бы трудности для психоаналитика. Лебон сам указывает нам путь, отмечая аналогию с душевной жизнью первобытных людей и детей. (Стр. 176). Масса импульсивна, изменчива, раздражительна. Ею руководит почти исключительно бессознательная сфера³. Импульсы, которым повинуются масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всяком случае они настолько повелительны, что они побеждают личное и даже инстинкт самосохранения. (Стр. 193). Масса ничего не делает преднамеренно. Если масса даже страстно чего-нибудь хочет, то все-таки это продолжается недолго, она неспособна к длительному хотению. Она не выносит никакой отсрочки между своим желанием и осуществлением его. У нее есть чувство всемогущества, для индивида в толпе исчезает понятие о невозможном⁴. Масса чрезвычайно легко поддается внушению, она легковерна, она лишена критики, невероятное для нее не существует. Она мыслит картинками, которые вызывают одна другую так, как они появляются у индивида в состоянии свободного фантазирования. Они не могут быть измерены никакой разумной инстанцией по аналогии с действительностью. Чувства массы всегда очень просты и чрезмерны. Итак, масса не знает ни сомнений, ни колебаний. В толковании сновидений, которому мы обязаны наилучшим познанием бессознательной душевной жизни, мы следуем техническому правилу, согласно которому мы не обращаем внимания на сомнения и неуверенность в передаче сновидения и трактуем каждый элемент явного содержания сновидения как нечто вполне достоверное. Мы относим сомнение и неуверенность за счет воздействия цензуры, которой подвергается работа сновидения, и предполагаем, что первичные мысли сновидения не знают сомнений и неуверенности, как вида критической работы. Как содержание, они могут, конечно, иметь место, как и все другое, в дневных остатках, ведущих к сновидению. (См. "Толкование сновидений", 5. Изд. 1919 г. стр. 386.) Она переходит немедленно к самым крайним действиям; высказанное подозрение превращается у нее тотчас в неопровержимую истину, зародыш антипатии -в дикую ненависть (стр. 186). Такое же повышение всех эмоциональных побуждений до крайности, до безграничности характерно для аффективности ребенка; оно повторяется в жизни сновидения, где, благодаря господствующему в бессознательном изолированию отдельных эмоциональных

побуждений, легкая досада днем проявляется в виде пожелания смерти виновному лицу, а намек на какое-либо искушение превращается в причину преступного действия, изображенного в сновидении. Д-р Hans Sachs сделал отличное замечание по этому поводу: "То, что сновидение сообщило нам о наших взаимоотношениях с настоящей действительностью, то мы затем находим в сознании, и нас не должно удивить, если мы находим чудовище, виденное нами под увеличительным стеклом анализа, в виде инфузории" (см. "Толкование сновидений"). Склонная сама ко всему крайнему, масса возбуждается только чрезмерными раздражениями. Тот, кто хочет влиять на нее, не нуждается ни в какой логической оценке своих аргументов; он должен рисовать самые яркие картины, преувеличивать и повторять все одно и то же. Так как масса не сомневается в истинности или ложности своих аргументов и имеет при этом сознание своей силы, то она столь же нетерпима, как и доверчива к авторитету. Она уважает силу и мало поддается воздействию доброты, означающей для нее лишь своего рода слабость. Она требует от своих героев силы, и даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели, чтобы ее подавляли. Она хочет бояться своего властелина. Будучи в основе чрезвычайно консервативна, она питает глубокое отвращение ко всем новшествам и успехам - и безграничное благоговение перед традицией (стр. 189). Чтобы иметь правильное суждение о нравственности масс, нужно принять во внимание, что при совокупности индивидов, составляющих массу, отпадают все индивидуальные задержки; и все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в человеке как пережиток первобытных времен, пробуждаются для свободного удовлетворения влечений. Но массы способны под влиянием внушения и на поступки высшего порядка: отречение, преданность идеалу, бескорыстие. В то время как у индивида личная выгода является очень сильной, почти единственной двигательной пружиной, у масс она очень редко выступает на первый план. Можно говорить об облагораживающем действии массы на индивида. (Стр. 192). В то время как интеллектуальная деятельность массы всегда далеко отстает от интеллектуальной деятельности индивида, ее поведение в этическом отношении может: либо значительно превосходить поведение индивида, либо далеко отставать от него. Некоторые другие черты характеристики, данной Лебоном, проливают свет на правильность отождествления массовой души с душой первобытных людей. У масс могут существовать и уживаться наряду друг с другом самые противоположные идеи без того, чтобы из их логического противоречия рождался конфликт. Но то же самое имеет место в бессознательной душевной жизни отдельных людей, детей и невротиков, как это было уже давно доказано психоанализом. У маленького ребенка существуют, например, в течение очень долгого времени амбивалентные установки чувствований в отношении к самому близкому лицу без того, чтобы одна из них мешала проявлению другой, ей противоположной. Если дело доходит, наконец, до конфликта между обеими установками, то он разрешается таким образом, что ребенок меняет объект, передвигая одно из амбивалентных чувствований на замещающий объект. Из истории развития невроза у взрослого можно также узнать, что подавленное чувство часто продолжает существовать в течение долгого времени в бессознательных или даже сознательных фантазиях, содержание которых, разумеется, прямо противоречит господствующему стремлению, без того, чтобы из этой противоположности родился протест "Я" против того, что оно отвергает. Фантазия в течение некоторого времени терпима, пока внезапно -обычно вследствие повышения аффективного состояния -не рождается конфликт

между нею и "Я" со всеми вытекающими отсюда последствиями. В процессе развития от ребенка до взрослого человека дело вообще до все больше и больше распространяющейся интеграции личности, до объединения отдельных влечений и целевых устремлений, выросших в ней независимо друг от друга. Диалогичный процесс в области сексуальной жизни издавна уже известен нам как объединение всех сексуальных влечений в окончательную генитальную организацию. (Три статьи о теории полового влечения. Психотерапевтическ, библиот., вып. III, Москва, кн-во "Наука", 1911). Многочисленные известные нам примеры показывают, впрочем, что объединение "Я", как и объединение либидо, может потерпеть неудачу: таковы примеры естествоиспытателей, продолжающих верить в священное писание и др. Далее масса подвержена поистине магической силе слова, вызывающего в массовой душе ужаснейшие бури и способного также успокоить ее. (Стр. 235). "Ни рассудок, ни убеждение не в состоянии бороться против известных слов и известных формул. Они произносятся перед толпой с благоговением, -и тотчас же выражение лиц становится почтительным, и головы склоняются". Стоит только вспомнить при этом табу имен у первобытных народов и те магические силы, которые они связывают с именами и словами⁵. И наконец: массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, от которых они не могут отказаться. Ирреальное всегда имеет у них преимущество перед реальным, несуществующее оказывает на них столь же сильное влияние, как и существующее. У них есть явная тенденция не делать разницы между ними (стр. 203). Мы показали, что это преобладание фантастической жизни и иллюзий, возникающих в результате неисполненного желания, является определяющим началом для психологии неврозов. Мы нашли, что для невротика имеет силу не обычная объективная реальность, а психическая реальность. Истерический симптом основывается на фантазии и не воспроизводит действительного переживания; навязчивое невротическое сознание своей вины основано на факте злого намерения, которое никогда не было осуществлено. Как в сновидении и в гипнозе, так и в душевной деятельности массы принцип реальности отступает на задний план перед силой аффективно напряженных желаний. То, что Лебон говорит о вождях массы, менее исчерпывающе, и в нем нельзя уловить определенной закономерности. Он полагает, что как только живые существа соберутся в некотором количестве, -независимо от того, будет ли это стадо животных или толпа людей, -они инстинктивно подчиняются авторитету вождя (стр. 247). Масса -это послушное стадо, не могущее жить без властелина. В ней настолько сильна жажда повиновения, что она инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином. Если в массе имеется потребность в вожде, то он должен все-таки обладать соответствующими личными качествами. Он должен сам горячо верить (в идею), чтобы будить веру в массе; он должен обладать сильной импонирующей волей, передающейся от него безвольной массе. Затем Лебон обсуждает различные виды вождей и приемы, с помощью которых они влияют на массы. В общем он считает, что вожди оказывают свое влияние благодаря идеям, к которым они сами относятся фанатически. Этим идеям, равно как и вождям, он приписывает сверх того таинственную непреодолимую силу, которую он называет "престижем" (обаянием). Престиж -это род господства над нами индивида, идеи или вещи. Это господство парализует все критические способности индивида и наполняет его душу почтением и удивлением. Оно может вызвать чувство, подобное гипнотическому ослеплению (стр. 259). Он различает приобретенный или

искусственный и личный престиж. Первый доставляется именем, богатством, репутацией; престиж (обаяние) мнений, литературных и художественных произведений создается путем традиций. Так как во всех случаях он имеет корни в прошлом, то он дает мало материала для понимания этого загадочного влияния. Личным престижем обладают немногие лица, которые благодаря ему становятся вождями; все подчиняется им как будто под влиянием магнетического очарования. Однако всякий престиж зависит также и от успеха и может исчезнуть под влиянием неудачи (стр. 268). Мы не получаем впечатления, что у Лебона роль вождя и значение престижа приведены в правильную связь со столь блестящим описанием массовой души.

III. ДРУГИЕ ОЦЕНКИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ

Мы воспользовались изложением Лебона как введением, так как оно, придавая большое значение бессознательной душевной жизни, вполне совпадает с нашими собственными психологическими взглядами. Но мы должны сказать, что собственно ни одно из положений этого автора не является чем-то новым. Все обезличивающее и унижающее, что он говорит о проявлениях массовой души, было уже высказано до него другими авторами с такой же определенностью и такой же враждебностью; все это неоднократно уже повторялось с древнейших времен литературы мыслителями, государственными людьми и поэтами⁶. Оба положения, в которых заключаются важнейшие взгляды Лебона, положение о коллективном торможении интеллектуальной деятельности и положение о повышении аффективности в массе, были недавно формулированы Сигеле⁷. Особенности изложения Лебона остаются только обе точки зрения бессознательного и сравнения с душевной жизнью первобытных народов. Но и они, конечно, затрагивались часто до него. Но больше того: описание и оценка массовой души в том виде, в каком их дают Лебон и другие авторы, отнюдь не остались незыблемыми. Нет никакого сомнения в том, что все эти раньше описанные феномены массовой души были правильно подмечены; но можно отметить также и другие, диаметрально противоположные проявления массы, на основании которых можно дать гораздо более высокую оценку массовой души. Уже Лебон был готов признать, что при некоторых обстоятельствах нравственность массы может быть выше, чем нравственность составляющих ее индивидов, и что только толпа способна на огромное бескорыстие и самопожертвование. (Стр. 193). "Личный интерес очень редко бывает могущественным двигателем в толпе, тогда как у отдельного индивида он занимает первое место". Другие считают, что вообще лишь общество является инстанцией, предписывающей индивиду нормы нравственности, в то время как отдельный человек обычно отстает в каком-нибудь отношении от этих больших требований, или что в исключительных состояниях в толпе осуществляется феномен воодушевления, благодаря которому возможны прекрасные поступки масс. Правда, в отношении интеллектуальной деятельности следует признать, что важнейшие результаты мыслительной работы, открытия, повлекшие за собой большие последствия, разрешение проблем - все это доступно только индивиду, работающему в уединении. Но и массовая душа способна на гениальное духовное творчество, как это доказывает прежде всего язык, затем народная песня,

фольклор и т. д. А кроме того, неизвестно, сколько мыслителей и поэтов обязаны своими побуждениями той массе, в которой они живут; может быть, они являются скорее исполнителями духовной работы, в которой одновременно участвуют другие. Ввиду этих явных противоречий кажется, что работа массовой психологии должна остаться безрезультатной. Однако легко найти выход, дающий нам надежду благополучно разрешить задачу. Под массами, вероятно, понимали самые различные образования, нуждающиеся в обособлении. Изложение Сигеле, Лебона и др. авторов относится к недолговечным массам, образующимся наскоро из разнородных индивидов, объединенных преходящим интересом. Несомненно, что характер революционных масс, в особенности Великой Французской Революции, оказал влияние на их описание. Противоположные утверждения основаны на оценке тех стабильных масс или тех обществ, в которых люди проводят свою жизнь, которые воплотились в общественные институты. Массы первого рода относятся ко вторым так, как короткие, но высокие волны - к длинным волнам, образующимся на мелких местах. Mc Dougall, исходящий в своей книге "The Group Mind"⁸ из этого же самого вышеупомянутого противоречия, находит его разрешение в организующем моменте. В простейшем случае, говорит он, масса (group) не имеет вообще никакой организации или имеет организацию, не заслуживающую внимания. Он обозначает такую массу как толпу (crowd). Однако он признает, что толпа людей собирается нелегко, без того чтобы в ней не образовались, по крайней мере, первые начала организации, что именно в этих простых массах особенно легко подметить некоторые основные факты коллективной психологии (стр. 22). Для того, чтобы из случайно собравшихся участников человеческой толпы образовалось нечто вроде массы в психологическом смысле, необходимым условием является некоторая общность индивидов друг с другом: общий интерес к объекту, однородное чувство в определенной ситуации и (я сказал бы, вследствие этого) известная степень способности оказывать влияние друг на друга. (Some degree of reciprocal influence between the members of the group) (стр. 23). Чем сильнее эта общность, тем легче образуется из отдельных людей психологическая масса и тем поразительнее проявляется демонстрация массовой души. Удивительнейшим и в то же время важнейшим феноменом массы является повышение аффективности, возникающее у каждого индивида (exaltation or intensification of emotion) (стр. 24). По мнению Mc Dougall'a, можно сказать, что едва ли при других условиях аффекты человека достигают такой величины, как это имеет место в массе, и, таким образом, участники испытывают приятное ощущение, теряя чувство своего индивидуального обособления, отдаваясь безгранично своим страстям и сливаясь при этом с массой. Это увлечение индивидов Mc Dougall объясняет, исходя из так названного им "principle of direct induction of emotion by way of the primitive sympathetic response" (стр. 25), т. е. из уже известной нам заразительности чувств. Суть заключается в том, что заметные признаки аффективного состояния способны вызвать автоматически тот же аффект у наблюдающего лица. Этот автоматический гнет будет тем сильнее, чем у большего числа людей наблюдается одновременно этот аффект. Тогда у индивида замолкает критика, и он дает вовлечь себя в этот аффект. Но при этом он повышает возбуждение других индивидов, повлиявших на него, и таким образом повышается аффективный заряд отдельных индивидов путем взаимной индукции. При этом, несомненно, действует нечто вроде навязчивой идеи сравниться с другими, действовать заодно со многими. Более грубые и более простые

чувствования имеют больше шансов распространиться таким путем в массе (стр. 39). Этому механизму повышения аффекта благоприятствуют еще некоторые другие, исходящие из массы, влияния. Масса производит на индивида впечатление неограниченной силы и непобедимой опасности. Она на одно мгновение становится на место всего человеческого общества, являющегося носителем авторитета, чьих наказаний боятся, в угоду которому накладывают на себя столько задержек. Иногда опасно находиться в противоречии с ней и, наоборот, безопасно следовать окружающим примерам и, если нужно, то даже "выть по-волчьи". Повинуясь этому новому авторитету, нужно выключить из деятельности свою прежнюю "совесть" и поддаться при этом заманчивой перспективе получения удовольствия, являющегося результатом упразднения задержек. Следовательно, в общем не так уже поразительно, когда мы слышим, что индивид в массе совершает такие вещи, от которых он отвернулся бы в своих обычных жизненных условиях, и мы можем даже надеяться, что мы таким путем прольем некоторый свет на ту темную область, которую обычно окутывают загадочным словом "внушение". Mc Dougall тоже не противоречит против положения о коллективной задержке интеллектуальной деятельности в массе (стр. 41). Он говорит, что более низкий интеллект снижает до своего уровня более высокий; последний тормозится в своей деятельности, так как повышение аффективности вообще создает неблагоприятные условия для правильной умственной работы, так как индивиды запуганы массой, и их мыслительная работа несвободна, и так как у каждого индивида уменьшено сознание ответственности за свои поступки. Общее мнение о психической деятельности у простой "не организованной" массы звучит у Mc Dougall'a не более дружелюбно, чем у Лебона (стр. 45): она чрезвычайно возбудима, импульсивна, страстна, непостоянна, непоследовательна, нерешительна и при этом очень легко переходит к крайностям; ей доступны только более грубые страсти и более простые чувствования; она чрезвычайно внушаема, легкомысленна в своих рассуждениях, стремительна в своих мнениях, восприимчива только к простейшим и несовершеннейшим выводам и аргументам. Ее легко направлять и устрашать, у нее нет сознания виновности, самоуважения и чувства ответственности, но она готова перейти от сознания своей силы ко всяким преступлениям, которых мы можем ожидать лишь от абсолютной и безответственной силы. Итак, она ведет себя скорее как невоспитанный ребенок или как страстный, вырвавшийся на свободу дикарь в чуждой ему ситуации; в худших случаях поведение массы похоже больше всего на поведение стада диких зверей, чем на толпу людей. Так как Mc Dougall противопоставляет поведение высокоорганизованных масс изображенному здесь поведению, то нам будет особенно интересно узнать, в чем состоит эта организация и какими моментами она создается. Автор насчитывает пять таких "principal conditions" для поднятия душевной жизни массы на более высокий уровень. Первым основным условием является определенная степень постоянства в составе массы. Это постоянство может быть материальным или формальным; первое - когда одни и те же лица остаются в течение продолжительного времени в массе, второе - когда внутри массы существуют определенные роли, распределяющиеся между сменяющимися друг друга лицами. Второе условие: у индивида, входящего в массу, образуется определенное представление о природе, функции, деятельности и требованиях массы, и результатом этого может таким образом явиться чувство отношения к массе в целом.

Третье условие: масса приходит в связь с другими, ей подобными массами, но

отличающимися все-таки от нее во многих пунктах, так что она как бы соперничает с ними. Четвертое условие: масса имеет традиции, обычаи и установления, которые в особенности распространяются на отношения ее соучастников друг к другу. Пятое условие: в массе существует расчленение, выражающееся в расчленении и дифференцировке работы, выпадающей на долю индивида. При соблюдении этих условий упраздняются, по мнению Mc Dougall'a психические дефекты масс. От коллективного понижения интеллектуальной деятельности предохраняют себя тем, что не предоставляют массе разрешения интеллектуальных задач, поручая их отдельным лицам, участвующим в массе. Нам кажется, что условия, которые Mc Dougall считает "организацией" массы, с большим правом могут быть описаны иначе. Задача заключается в том, чтобы придать массе именно те качества, которые были характерны для индивида и которые сгладились у него в массе. Ибо индивид имел -вне примитивной массы -свое постоянство, свое самосознание, свои традиции и свои привычки, свою особую работоспособность и свою жизненную линию; он был обособлен от других индивидов, с которыми он соперничал. Это своеобразие он потерял на некоторое время благодаря своему вхождению в "не-организованную" массу. Если усмотреть цель в том, чтобы наделить массу атрибутами индивида, то нужно вспомнить о метком замечании W. Trotter'a⁹, усматривающего в склонности к созданию массы биологическое продолжение многоклеточности всех высших организмов.

IV. ВНУШЕНИЕ И ЛИБИДО

Мы исходим из основного факта, что индивид претерпевает внутри массы, вследствие ее влияния, изменение в своей душевной деятельности, которое часто бывает глубоким. Его аффективность чрезвычайно повышается; его интеллектуальная деятельность заметно понижается; оба процесса протекают, очевидно, в направлении сравнения с другими индивидами, составляющими массу; осуществление этих процессов может быть достигнуто лишь путем упразднения задержек, свойственных каждому индивиду, и отказом от специфических для него особенностей его влечений.

Мы слышали, что эти -часто нежелательные влияния -могут быть (по крайней мере отчасти) предотвращены путем высшей "организации" масс, но основному факту психологии масс, обоим положениям о повышенной аффективности и заторможенности мыслительной деятельности это несколько не противоречит. Мы стремимся найти психологическое объяснение этому душевному изменению индивида. Рациональные моменты, вроде вышеупомянутого устрашения индивида, следовательно, проявления его инстинкта самосохранения, безусловно, не покрывают наблюдаемых феноменов. Авторы -социологи и психологи, изучавшие массу, всегда предлагали нам в качестве объяснения одно и то же, хотя и под разными терминами: волшебное слово внушение. У Тарда оно называлось подражанием, но мы должны признать, что прав автор, указывающий, что подражание подпадает под понятие внушения, что оно является его следствием¹⁰. У Лебона все необычное в социальных явлениях сводится к двум факторам: к взаимному внушению индивидов и к престижу вождей. Но престиж проявляется опять-таки лишь в способности оказывать существенное влияние.

Относительно Mc Dougall'a у нас могло на один момент создаться впечатление, что в его принципе "первичной аффективной индукции" исключается наличность внушения. Но при дальнейшем рассуждении мы должны были все-таки признать, что этот принцип выражает не что иное, как известное положение о "подражании" или "заразительности", но только он сильнее подчеркивает аффективный момент. Несомненно, что у нас существует тенденция впадать в состояние аффекта при виде признаков такого же аффекта у другого человека, но как часто мы с успехом противостояем этой тенденции, подавляем аффект и реагируем часто совершенно противоположным образом. Почему же мы в массе всегда заражаемся этим аффектом? Опять-таки нужно было бы сказать, что суггестивное влияние массы заставляет нас повиноваться этой тенденции подражания и индуцирует в нас аффект. Впрочем, мы уже и раньше видели, что Mc Dougall не обошелся без суггестии; мы слышим от него, как и от других: массы отличаются особой внушаемостью. Итак, мы подготовлены к тому, что внушение (правильнее: внушаемость) является первоначальным феноменом, не поддающимся разложению, основным фактором душевной жизни человека. Таково мнение и Bernheim'a, удивительному искусству которого я был свидетелем в 1889 году. Но я вспоминаю также о глухой враждебности против этого насилия суггестии. Когда на больного, не поддававшегося внушению, закричали: "Что же вы делаете? Vous vous contresuggestionnez", то я сказал себе, что это явная несправедливость и насилие. Человек безусловно имеет право сопротивляться внушению, когда его пытаются подчинить этим путем. Мое сопротивление приняло потом направление протеста против того, что внушение, которым объясняли все, само не имело объяснения. Я повторял применительно к внушению старый шуточный вопрос¹¹: Christoph trug Christum. Christus trug die ganze Welt, Sag, wo hat Christoph Damals hin den Fuss gestellt¹²? Christophorus Christum, sed Christus sustulit orbem: Constiterit pedibus die ubi Christophorus? Когда я спустя 30 лет опять подошел к загадке внушения, я нашел, что в ней ничего не изменилось. Я могу это утверждать, считая единственным исключением влияние психоанализа. Я вижу, что все усилия были направлены на правильную формулировку понятия суггестии, следовательно, на то, чтобы условно определить применение термина¹³, и это не лишне, так как это слово получает все большее и большее применение в искаженном смысле и будет вскоре обозначать какое угодно влияние, как в английском языке, где "to suggest, suggestion" соответствует нашему выражению "я предлагаю" ("nahelegen", "Anregung"). Но объяснения сущности внушения, т. е. условий, при которых создается воздействие без достаточных логических оснований, не существует. Я не уклонился бы от задачи подтвердить это положение анализом литературы за последние 30 лет, но я этого не делаю, так как мне известно, что в настоящее время готовится подробное исследование, поставившее себе ту же задачу. Вместо этого я сделаю попытку применить понятие либидо для объяснения психологии масс, понятие, оказавшее нам столько услуг при изучении психоневрозов. Либидо -это выражение, взятое из учения об аффективности. Мы называем этим термином энергию таких влечений, которые имеют дело со всем тем, что можно охватить словом любовь. Эта энергия рассматривается, как количественная величина, хотя в настоящее время она еще не может быть измерена. Ядром понятия, называемого нами любовью, является то, что вообще называют любовью и что воспевают поэты, т. е. половая любовь, имеющая целью половое соединение. Но мы не отделяем от этого понятия всего того, что причастно к слову любовь: с одной стороны,

себялюбие, с другой стороны -любовь к родителям и к детям, дружба и всеобщее человеколюбие, а также преданность конкретным предметам и абстрактным идеям. Оправданием этому являются результаты психоаналитического исследования, доказавшего, что все эти стремления являются выражением одних и тех же влечений, направленных к половому соединению между различными полами, хотя в других случаях эти влечения могут не быть направлены на сексуальную цель или могут воздержаться от ее достижения, но при этом они всегда сохраняют достаточную часть своей первоначальной сущности, чтобы в достаточной мере сберечь свою идентичность (самопожертвование, стремление к близости). Итак, мы полагаем, что язык создал в своих многообразных применениях слова "любовь" чрезвычайно правильную связь и что мы не можем сделать ничего лучшего, чем положить эту связь в основу наших научных рассуждений и описаний. Этим решением психоанализ вызвал бурю негодования, как будто он был виною преступного новшества. И тем не менее психоанализ не создал ничего оригинального этим "распространенным" пониманием любви. "Эрос" философа Платона целиком совпадает в своем происхождении, работе и отношении к половому акту с любовной силой, с либидо психоанализа, как указали Nachmansohn и Pfister каждый в отдельности¹⁴, и когда апостол Павел прославляет в знаменитом письме к карфагенянам любовь больше всего, то он, вероятно, понимал ее в таком именно "распространенном" смысле¹⁵. Из этого можно сделать только тот вывод, что люди не всегда понимают всерьез своих великих мыслителей, даже тогда, когда они якобы благоговеют перед ними. Эти любовные влечения называются в психоанализе а *potiori* и по своему происхождению сексуальными влечениями. Многие "образованные" люди воспринимают это наименование как оскорбление; они отомстили за него, бросив психоанализу упрек в "пансексуализме". Кто считает сексуальность чем-то постыдным и унижительным для человеческой природы, тому вольно пользоваться более благозвучными выражениями эрос и эротика. Я сам мог бы поступить таким же образом и этим самым избавился бы от многих возражений; но я не сделал этого, потому что не хотел уступать малодушию. Неизвестно, к чему это привело бы; сначала уступают на словах, а потом мало-помалу и на деле. Я не нахожу никакой заслуги в том, чтобы стыдиться сексуальности; греческое слово эрос, которое должно смягчить позор, является, в конце концов, не чем иным, как переводом слова "любовь", и, наконец, кто может выжидать, тому нет нужды делать уступки. Итак, мы попытаемся предположить, что любовные отношения (индифферентно говоря: эмоциональные привязанности) (*Gefühlsbindungen*), составляют сущность массовой души. Вспомним, что об этом нет и речи у авторов. То, что соответствует любовным отношениям, скрыто, очевидно, за ширмой внушения. Два соображения подкрепляют наше предположение: во-первых, масса объединена, очевидно, какой-то силой. Но какой силе можно приписать это действие, кроме эроса, объединяющего все в мире? Во-вторых, получается такое впечатление, что индивид, отказываясь от своей оригинальности в массе и поддаваясь внушению со стороны других людей, делает это, потому что у него существует потребность скорее находиться в согласии с ними, чем быть в противоречии с ними, следовательно, он делает это, быть может, "им в угоду" ("*ihnen zuliebe*")¹⁶. V. ДВЕ ИСКУССТВЕННЫЕ МАССЫ: ЦЕРКОВЬ И ВОЙСКО Относительно морфологии масс мы помним, что можно различать очень многие виды масс и самые противоположные направления в принципе их классификации. Есть массы, существующие очень непродолжительное время и

существующие очень долго; гомогенные массы, состоящие из однородных индивидов, и негомогенные; естественные массы и искусственные, требующие для своего сохранения внешнего насилия, примитивные массы и расчлененные, высоко организованные. Но из некоторых соображений, цель которых еще скрыта, мы хотели бы придать особое значение делению, которому у авторов уделено слишком мало внимания; я имею в виду массы без вождей и массы, имеющие вождей. В противоположность обычному навыку наше исследование берет исходным пунктом не простую относительно массу, а высокоорганизованные, долго существующие, искусственные массы. Интереснейшими примерами таких образований являются: церковь -община верующих, и армия -войско. Церковь и войско суть искусственные массы; чтобы сохранить их от распада и предупредить изменения в их структуре, применяется определенное внешнее насилие. Обычно не справляются и не предоставляют человеку свободного права на вступление в такую массу. Попытка выступления из нее обычно преследуется или связана с совершенно определенными условиями. Почему эти общественные образования нуждаются в таких особых обеспечивающих мероприятиях -этот вопрос выходит в настоящее время за пределы наших интересов. Нас интересует одно лишь обстоятельство: в этих высокоорганизованных массах, защищенных таким путем от распада, можно очень ясно подметить определенные соотношения, которые в другом месте скрыты гораздо глубже. Что касается церкви -нам выгодно было бы взять за образец католическую церковь, -то в ней, как и в войске (несмотря на то, что массы эти столь различные), существует одно и то же ложное убеждение (иллюзия), что глава -в католической церкви Христос, в армии - главнокомандующий -любит одинаково всех индивидов, входящих в массу. От этой иллюзии зависит все; если она исчезнет, тогда немедленно, поскольку позволят внешние условия, распадутся как церковь, так и войско. Относительно этой одинаковой любви Христа сказано прямо: "истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне". Он относится к каждому из индивидов, составляющих массу, как добрый старший брат, он заменяет им отца. Все требования, предъявляемые к индивидам, являются производными этой любви. Церковь отличается демократизмом именно потому, что перед Христом все равны, все пользуются в одинаковой мере его любовью. Не без глубокого основания однородность христианской общины сопоставляется с семьей, и верующие называют себя братьями во Христе, т. е. братьями по любви, уделяемой им Христом. Несомненно, что связь каждого индивида с Христом является и причиной их привязанности друг к другу. То же относится и к войску; главнокомандующий -это отец, одинаково любящий всех своих солдат, и в силу этого они объединены друг с другом товарищеской привязанностью. Войско отличается по структуре от церкви тем, что оно состоит из ступеней таких масс. Каждый командир является как бы начальником и отцом своей части, каждый унтер-офицер -своего взвода. Правда, такая иерархия создана и в церкви, но она не играет в ней такой экономической роли, так как Христу приписывают больше понимания и заботливости об индивиде, чем человеку-главнокомандующему. Против этого толкования либидинозной структуры армии могут справедливо возразить, что здесь не отведено место идеям родины, национальной славы и т. д. являющимся весьма значительным объединяющим фактором для армии. Но это -другой, не столь уже простой случай массы, и, как показывают примеры великих полководцев (Цезарь, Валленштейн, Наполеон), такие идеи не необходимы для прочности армии. О возможности

замены вождя руководящей идеей и о соотношениях между вождем и идеей будет речь в дальнейшем. Пренебрежение этим либидинозным фактором в армии (даже в том случае, если не он один играет организующую роль) является не только теоретическим дефектом, но грозит опасностью и в практическом отношении. Прусский милитаризм, который был так же непсихологичен, как и немецкая наука, должен был, вероятно, узнать это во время великой мировой войны. Военные неврозы, разлагавшие немецкую армию, являются, как известно, протестом индивида против навязанной ему роли в армии, и согласно сообщениям E. Simmel'я¹⁷, можно утверждать, что среди мотивов заболевания у простолюдина на первом месте стояло безразличное отношение к нему его начальников. И если бы это либидинозное притязание нашло себе лучшую оценку, то, вероятно, фантастические обещания, содержащиеся в 14 пунктах американского президента, не снискали бы себе так легко веры, и верное оружие не было бы выбито из рук немецких стратегов. Заметим, что в обеих этих искусственных массах каждый индивид привязан либидинозно, с одной стороны, к вождю (Христос, полководец), а с другой стороны -к остальным индивидам, входящим в массу. В каком соотношении друг с другом находятся обе эти привязанности, однородны и равноценны ли они, как они должны быть психологически описаны -этим мы займемся в дальнейшем. Но мы позволяем себе уже сейчас бросить авторам упрек в том, что они недостаточно оценили значение вождя для психологии масс, в то время как мы выбираем его первым объектом исследования и поставлены благодаря этому в более благоприятное положение. Нам кажется, что мы находимся на правильном пути, который может выяснить нам главное проявление массовой психологии, а именно: связанность индивида в массе. Если каждый индивид испытывает столь сильную эмоциональную привязанность в двух направлениях, то нам нетрудно будет вывести из этого соотношения наблюдающуюся перемену и ограничение его личности. Указание на то, что сущность массы заключается в либидинозных привязанностях, имеющих в ней, мы находим и в феномене паники, который может быть лучше всего изучен на военных массах. Паника возникает в том случае, если масса разлагается. Ее основная характерная черта заключается в том, что участники массы перестают внимать приказанию начальника, и что каждый человек заботится о себе, не обращая внимания на других. Взаимные привязанности перестали существовать, и возник огромный бессмысленный страх. Разумеется, и здесь легко возразить, что дело обстоит скорее наоборот: страх якобы так силен, что он преодолевает все рассуждения и привязанности. Mc Dougall (стр. 24) рассматривает даже случай паники (правда, не военной), как пример указанного им повышения аффекта благодаря заразительности (*primary induction*). Однако это рационалистическое объяснение здесь совершенно неправильно. Нам нужно объяснить, почему страх так силен. Размеры опасности не могут быть причиной этого, так как та же самая армия, которая охвачена теперь страхом, может смело устоять против таких и еще больших опасностей; и для сущности паники характерно, что она не стоит ни в каком отношении к грозящей опасности, она часто возникает по ничтожным поводам. Когда индивид в паническом ужасе заботится только о самом себе, то это свидетельствует о том, что у него перестали существовать аффективные привязанности, уменьшавшие для него до этого времени размеры опасностей. Так как он противостоит теперь опасности сам, один, отдельно от всех, то, разумеется, он ее преувеличивает. Следовательно, дело обстоит так, что панический страх предполагает ослабление либидинозной структуры

массы и является правильной реакцией на это ослабление, а не наоборот, что либидинозные привязанности массы якобы разрушились от страха перед опасностью. Эти замечания отнюдь не противоречат утверждению, что страх принимает в массе чудовищные размеры благодаря индукции (заразительности). Интерпретация Mc Dougall'a очень верна для тех случаев, когда опасность реально велика, и когда в массе не существует сильных эмоциональных привязанностей. Эти условия осуществляются в том случае, если, например, в театре или в цирке вспыхнет пожар. Поучительным и пригодным для наших целей случаем является вышеупомянутый случай паники в армии, когда опасность не превышает обычных размеров, часто повторявшихся и не вызывавших паники. Не следует думать, что слово "паника" употребляется в строго и точно определенных случаях. В одних случаях им обозначается всякий массовый страх, в других - страх одного человека, если страх этот безграничен; часто этот термин сохраняется и в том случае, если вспышка страха не оправдывается вызвавшим его поводом. Если мы возьмем слово "паника" в смысле массового страха, то мы сможем провести далеко идущую аналогию. Страх индивида вызывается либо величиной опасности, либо уничтожением эмоциональных привязанностей (*Libidobesetzungen*); последний случай является примером невротического страха (см. лекции по введению в психоанализ, 25-я лекция. Психолог, и психоаналит. Библиотека, Гос. Издат. Москва--Петроград 1922). Так же возникает и паника, благодаря повышению грозящей всем опасности или благодаря исчезновению объединяющих массу эмоциональных привязанностей, и этот последний момент аналогичен невротическому страху. (Ср. содержательную, несколько фантастическую статью Bela v. Felszeghy: *Panik und Pankomplex*, "Imago", VI, 1920.) Если описывать панику (как это делает Mc Dougall, 1. с.), как одно из самых ярких проявлений "group mind'a", то получается парадокс: массовая душа в одном из своих поразительнейших проявлений сама себя упраздняет. Нет никакого сомнения в том, что паника означает разложение массы; ее следствием является уничтожение всякой общности, существовавшей раньше между индивидами, составлявшими массу. Типический повод для возникновения паники очень похож на то, как он изображен в пародии Nestroy'a на драму Hebbel'я об Юдифи и Олоферне. Там воин кричит: "Полководец потерял голову", и после этого все ассирияне обращаются в бегство. Утрата вождя в каком-либо смысле, разочарование в нем вызывают панику, хотя бы опасность не увеличилась. С исчезновением привязанности к вождю, как правило, исчезают и взаимные привязанности индивидов, составляющих массу. Масса разлетается прахом, как батавская слезка, у которой отломали кончик. Разложение религиозной массы наблюдать не так легко. Недавно мне попался английский роман из католической жизни, рекомендуемый лондонским епископом, под заглавием: "When it was dark". Роман этот изображает искусно и, на мой взгляд, правильно возможность такого разложения религиозной массы и его последствия. Действие в романе происходит якобы в настоящее время: образовался заговор лиц, враждебных Христу и учению Христа. Заговорщикам удалось найти в Иерусалиме гробницу; в надписи на этой гробнице Иосиф Аримафейский признается, что он из благоговения тайно унес тело Христа из гроба на третий день после его погребения и похоронил его здесь. Этим была уничтожена вера в воскресение Христа и в его божественное начало. Следствием этого археологического открытия является потрясение европейской культуры и чрезвычайный рост насилия и преступлений. Этот рост преступлений прекращается лишь после того, как был разоблачен

заговор фальсификаторов. При предполагаемом здесь разложении религиозной массы на первый план выступает не страх (для которого нет повода), а эгоистические и враждебные импульсы против других лиц. Эти импульсы не могли проявиться раньше благодаря любви, которую питает Христос в одинаковой мере ко всем¹⁸. Но вне этой привязанности стоят и во время царства Христа те индивиды, которые не принадлежат к верующей общине, которые не любят Христа, и которых он не любит; поэтому религия -хотя бы она и называлась религией любви -должна быть жестока и немилосердна к тем, кто к ней не принадлежит. В основе каждая религия является такой религией любви для всех тех, кого она объединяет; и каждой религии свойственна жестокость и нетерпимость ко всем тем, кто не является ее последователем. Поэтому не надо делать злобных упреков верующим, как бы это ни было тяжело каждому в отдельности. Неверующим и индифферентным в этом пункте психологически гораздо легче. Если эта нетерпимость не проявляется в настоящее время столь грубо и столь жестоко, как в прежние века, то из этого едва ли можно сделать вывод о смягчении человеческих нравов. Скорее всего причину этого следует искать в непреложном ослаблении религиозных чувств и зависящих от них либидинозных привязанностей. Если место религиозной массы займет другая масса (в настоящее время это как будто удается социалистической массе), то результатом будет та же самая нетерпимость к вне стоящим, как и во времена религиозных сражений, и если бы различие научных взглядов имело большое значение для массы, то тот же самый результат повторился бы и в этой области.

VI. ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ И ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы исследовали до сих пор две искусственные массы и нашли, что в них господствуют двоякого рода эмоциональные привязанности, из которых одна привязанность -к вождю -кажется более определенной (по крайней мере, для масс), чем другая привязанность, существующая между индивидами, входящими в состав массы. В морфологии масс еще многое не исследовано и не описано. Необходимо исходить из того положения, что простое собрание людей не есть еще масса до тех пор, пока в ней не создадутся эти привязанности, но нужно признать, что в любом человеческом собрании очень легко возникает тенденция к созданию психологической массы. Необходимо уделить внимание самым разнообразным более или менее постоянным массам, составляющимся по своей воле; нужно изучить условия их возникновения и их распада. Нас прежде всего интересует различие между массами, имеющими вождя, и массами, не имеющими вождя. Не являются ли массы, имеющие вождя, более первоначальными и более совершенными? Не может ли вождь заменяться иногда идеей, чем-то абстрактным, к чему переходную ступень образуют уже религиозные массы с их невидимым вождем? Не является ли заместителем вождя общая тенденция, желание, в котором принимает участие масса? Эта абстрактная величина может опять-таки в более или менее совершенной форме воплотиться в личность якобы вторичного вождя, и из соотношения между идеей и вождем вытекает интересная разновидность. Вождь или руководящая идея могут также стать, так сказать, негативны; ненависть против определенного лица или института может действовать столь же объединяюще и создавать такие же эмоциональные привязанности, как и

положительные чувства. Затем спрашивается также, действительно ли необходим вождь для сущности массы и т. д. Но все эти вопросы, отчасти затронутые и в литературе о массовой психологии, не смогут отвлечь нашего внимания от основных психологических проблем, представляющихся нам в структуре массы. Мы прежде всего обратимся к рассуждению, которое приведет нас кратчайшим путем к доказательству того, что характеризующие массу привязанности имеют либидинозное происхождение. Вспомним о том, как люди вообще ведут себя в аффективном отношении друг к другу. Согласно знаменитому сравнению Шопенгауэра относительно замерзающих дикобразов, ни один человек не переносит слишком интимной близости другого. "Холодной зимой общество дикобразов теснится близко друг к другу, чтобы защитить себя от замерзания взаимной теплотой. Однако вскоре они чувствуют взаимные уколы, заставляющие их отдалиться друг от друга. Когда же потребность в теплоте опять приближает их друг к другу, тогда повторяется та же беда, так что они мечутся между двумя этими невзгодами, пока не найдут умеренного расстояния, которое они смогут перенести наилучшим образом" (Parerga und Paralipomena, II Teil, XXXI, Gleichnisse und Parabeln). Как утверждает психоанализ, каждая интимная эмоциональная связь между двумя лицами, имеющая большую или меньшую длительность (брак, дружба, родительское и детское чувство¹⁹) оставляет осадок противоположных враждебных чувств, упраздняющийся лишь путем вытеснения. Более ясно обстоит дело в том случае, когда обе стороны ссорятся между собой, когда каждый подчиненный ропщет против своих начальников. То же самое происходит тогда, когда люди объединяются в большем количестве. Каждый раз, когда две семьи роднятся благодаря браку, то каждая из них считает, что она лучше и знатнее другой. Из двух расположенных по соседству городов каждый является завистливым конкурентом другого, каждый кантон смотрит презрительно на другой. Родственные племена недолюбливают друг друга, южный немец не выносит северного немца, англичанин злобно говорит о шотландце, испанец презирает португальца. А то, что резкие отличия рождают почти непреодолимую неприязненность галла против германца, арийца против семита, белого против чернокожего, это давно уже перестало удивлять нас. Если враждебность направляется против любимого раньше лица, то мы называем это явление амбивалентностью чувства и объясняем себе этот случай, вероятно, слишком рациональным образом, а именно -многочисленными поводами к столкновению интересов, а эти поводы всегда имеют место в таких интимных отношениях. В том случае, когда неприязненность и враждебность к чужим людям не замаскированы, мы можем заметить выражение себялюбия, нарциссизма, стремящегося к самоутверждению и ведущего себя таким образом, как будто существование отличий от его индивидуальных особенностей приносит с собой критику этих отличий и требование преобразовать их. Почему существует такая большая чувствительность в отношении к этим деталям дифференцировки - мы не знаем; но несомненно, что во всем этом поведении человека дает знать о себе готовность к ненависти, к агрессивности, происхождение которой неизвестно и которой можно приписать элементарный характер. В недавно (1920) вышедшей в свет книге "Jenseit des Lustprinzips" я попытался связать полярность любви и ненависти с предполагаемой противоположностью между стремлением к жизни и к смерти и рассматривать сексуальное влечение как чистейший заместитель первого, т. е. стремления к жизни. Но вся эта нетерпимость исчезает на короткое или на долгое время при возникновении массы и в самой массе. До тех пор, пока масса

существует, индивиды ведут себя в ее пределах так, как если бы они были одинаковы, они мирятся с оригинальностью другой личности, приравнивают себя к ней и не испытывают никакой неприязненности. Такое ограничение нарциссизма может быть порождено, согласно нашим теоретическим взглядом, только одним моментом: либидинозной привязанностью к другим лицам. Себялюбие находит свой предел только в любви к другим людям, в любви к объектам²⁰. Тотчас возникает вопрос, не должна ли общность интересов сама по себе и без всякого либидинозного отношения повести к терпимости в отношении к другому человеку и уважению к нему. На это возражение можно ответить, что таким образом все-таки не осуществляется стойкое ограничение нарциссизма, так как эта терпимость существует не дольше, чем непосредственная выгода, которую извлекают из соучастия в работе другого человека. Однако практическая ценность этого спорного вопроса меньше, чем можно было бы думать, так как опыт учит нас, что в случае совместной работы обычно создаются между товарищами либидинозные условия, укрепляющие их взаимоотношения больше, чем выгода. В социальных отношениях людей происходит то же самое, что стало известно психоаналитическому исследованию о ходе развития индивидуального либидо. Либидо направляется на удовлетворение важных жизненных потребностей и выбирает причастных к этому лиц в качестве своих первых объектов. И как у индивида, так и в развитии всего человечества только любовь оказала свое воздействие как культурный фактор в процессе перехода от эгоизма к альтруизму. И действительно, половая любовь к женщине наряду со всеми вытекающими из нее приневоливаниями щадит все, что приятно женщине, точно так же, как и лишенная сексуальности, сублимированная гомосексуальная любовь к другому мужчине, рождающаяся из совместной работы. Итак, если в массе наступают ограничения нарциссического себялюбия, не существующие вне массы, то это является неопровержимым доказательством того, что сущность массы заключается в новообразованных привязанностях участников массы друг к другу. Но теперь мы настойчиво спросим, какого рода эти привязанности в массе? В психоаналитическом учении о неврозах мы до сих пор занимались почти исключительно исследованием таких любовных влечений к своим объектам, которые преследовали прямые сексуальные цели. О таких сексуальных целях в массе, очевидно, не может быть и речи. Мы имеем здесь дело с любовными влечениями, которые хотя и отклонены от своих первоначальных целей, однако оказывают не менее энергичное влияние на массу. В рамках обычного сексуального овладения объектом мы уже заметили проявления, соответствующие отклонению влечения от своей сексуальной цели. Мы описали их как определенную степень влюбленности и отметили, что они приносят с собой определенный ущерб человеческому "Я". Этим проявлениям влюбленности мы уделим больше внимания, имея основание ожидать, что мы найдем в них соотношения, которые смогут быть перенесены на привязанности в массе. Но, кроме того, мы хотим знать, является ли этот способ овладения объектом в том виде, в каком мы его знаем в половой жизни, единственным видом эмоциональной привязанности к другому человеку, или мы можем принять во внимание еще и другие механизмы. Мы знаем достоверно из психоанализа, что существуют еще другие механизмы эмоциональной привязанности, так называемые идентификации; эти процессы недостаточно изучены, они трудно поддаются изложению, и их исследование отдалит нас на некоторое время от изучения массовой психологии.

VII. ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Идентификация известна в психоанализе как самое раннее проявление эмоциональной привязанности к другому человеку. Она играет определенную роль в развитии Эдипова комплекса. Маленький мальчик проявляет особый интерес к своему отцу. Он хотел бы стать и быть таким, как он, быть на его месте во всех случаях. Мы говорим с уверенностью: отец является для него идеалом. Это отношение не имеет ничего общего с пассивной или женственной установкой к отцу (и к мужчине вообще), оно является, наоборот, исключительно мужским. Оно отлично согласуется с Эдиповым комплексом, подготовке которого оно способствует. Одновременно с этой идентификацией с отцом мальчик начинает относиться к матери как к объекту опорного типа. Итак, он проявляет две психологически различные привязанности: к матери - чисто сексуальное объектное влечение, а к отцу - идентификацию с идеалом. Обе привязанности существуют некоторое время одна наряду с другой, не оказывая взаимного влияния и не мешая друг другу. Вследствие безостановочно прогрессирующего объединения душевной жизни они, наконец, сталкиваются, и благодаря этому стечению возникает нормальный Эдипов комплекс. Ребенок замечает, что отец стоит на пути к матери; его идентификация с отцом принимает теперь враждебный оттенок и становится идентична желанию занять место отца также и у матери. Идентификация²¹ амбивалентна с самого начала, она может служить выражением нежности, равно как и желания устранить отца. Она ведет себя как отпрыск первой оральной фазы либидинозной организации, во время которой внедряют в себя любимый и ценный объект путем съедения и при этом уничтожают его, как таковой. Людоед остается, как известно, на этой точке зрения: он пожирает как своих врагов, так и тех, кого он любит. Судьба этой идентификации с отцом потом легко теряется из виду. Может случиться так, что в Эдиповом комплексе происходит изменение в том смысле, что отец при женственной установке принимается за объект, от которого прямые сексуальные влечения ожидают своего удовлетворения, и тогда идентификация с отцом становится предтечей объектной привязанности к отцу. То же самое относится к маленькой дочери в ее взаимоотношениях с матерью. Отличие такой идентификации с отцом от выбора отца как объекта легко формулировать. В первом случае отец является тем, чем хотят быть, во втором случае - тем, чем хотят обладать. Итак, отличие заключается в том, относится ли эта привязанность к субъекту или к объекту человеческого "Я". Поэтому первая привязанность может существовать еще до выбора сексуального объекта. Гораздо труднее наглядно изложить это различие метапсихологически. Нужно только отметить, что идентификация стремится к сформированию своего "Я" по образцу другого человека, который берется за "идеал". Из более запутанной связи мы выделяем идентификацию при невротическом симптомокомплексе. Маленькая девочка, которую мы наблюдаем, проявляет тот же самый болезненный симптом, что и ее мать, например, тот же самый мучительный кашель. Это может происходить различными путями. Это - либо идентификация с матерью, порожденная Эдиповым комплексом, означающая враждебное желание занять место матери, и этот симптом является выражением любви к отцу, как к объекту; он реализует замену матери, находясь под влиянием сознания своей виновности: ты хотела быть матерью, теперь ты являешься ею, по крайней мере,

в страдании. Это -полный механизм образования истерического симптома. Или же этот симптом идентичен симптому любимого лица. (Так, например, Дора в "Bruchstück einer Hysterieanalyse" имитировала кашель отца); в этом случае мы могли бы описать суть вещей таким образом, что идентификация заняла место выбора объекта, а выбор объекта деградировал до идентификации. Мы слышали, что идентификация является самой ранней и самой первоначальной формой эмоциональной привязанности; при наличии образования симптомов, следовательно, вытеснения и при господстве механизмов бессознательного часто происходит так, что выбор объекта опять становится идентификацией, т. е., что "Я" берет на себя качества объекта. Интересно отметить, что "Я" копирует при идентификациях иногда любимое лицо, а иногда -нелюбимое. Нам должно также придти в голову, что в обоих случаях идентификация является только частичной, в высшей степени ограниченной, что она заимствует лишь одну черту объектного лица. Третьим особенно частым и важным случаем образования симптома является тот случай, когда идентификация совершенно не обращает внимания на объектное соотношение к лицу, которое она копирует. Когда, например, девушка, живущая в пансионате, получает письмо от своего тайного возлюбленного, возбуждающее ее ревность, и реагирует на него истерическим припадком, то некоторые из ее подруг, знающие об этом, заражаются этим припадком, как мы говорим, путем психической инфекции. Здесь действует механизм идентификации, происходящей на почве желания или возможности находиться в таком же положении. Другие тоже хотели бы иметь тайную любовную связь и соглашались под влиянием сознания своей виновности также и на связанное с ней страдание. Было бы неправильно утверждать, что они присваивают себе этот симптом из сострадания. Наоборот, сострадание возникает лишь из идентификации, и доказательством этого является тот факт, что такая инфекция или имитация возникает и при таких обстоятельствах, когда предшествующая симпатия меньше той, которая имеет обычно место между подругами по пансионату. Одно "Я" почувствовало в другом существенную аналогию в одном пункте, в нашем примере - в одной и той же готовности к чувству; на основании этого создается идентификация в этом пункте, и под влиянием патогенной ситуации идентификация передвигается на симптом, продуцируемый человеческим "Я". Идентификация через симптом становится, таким образом, признаком скрытого места у обоих "Я", которое должно было бы быть вытеснено. Мы можем объединить изученное в этих трех источниках: во-первых, идентификация является самой первоначальной формой эмоциональной привязанности к объекту, во-вторых, она становится путем регрессии заменой либидинозной привязанности к объекту, как будто путем интроекции объекта в "Я", и в-третьих, она может возникнуть при каждой вновь подмеченной общности с лицом, не являющимся объектом полового влечения. Чем значительнее эта общность, тем успешнее должна быть эта частичная идентификация, дающая, таким образом, начало новой привязанности. Мы догадываемся, что взаимная привязанность индивидов, составляющих массу, является по своей природе такой идентификацией в силу важной аффективной общности, и мы можем предположить, что эта общность заключается в привязанности к вождю. Мы, конечно, далеки от того, чтобы считать проблему идентификации исчерпанной; мы стоим у преддверия того, что психология называет "вчувствованием" и что принимает наибольшее участие в нашем понимании чуждого "Я" других лиц. Но мы ограничиваемся здесь ближайшими аффективными проявлениями идентификации и оставляем в стороне ее значение

для нашей интеллектуальной жизни. Психоаналитическое исследование, затронувшее вскользь и более трудные проблемы психозов, может указать нам на идентификацию также и в некоторых других случаях, не совсем доступных нашему пониманию. Два из этих случаев я подробно разберу для наших дальнейших рассуждений. Генезис мужской гомосексуальности в целом ряде случаев таков: молодой человек был чрезвычайно долго и интенсивно фиксирован на своей матери в смысле Эдипова комплекса. Однако после периода половой зрелости наступает, наконец, время, когда необходимо променять мать на другой сексуальный объект. Тогда дело принимает неожиданный оборот: юноша покидает свою мать, он идентифицирует себя с ней, он превращается в нее и ищет теперь объекты, которые могли бы заменить ему его "Я", которые он мог бы так любить и ласкать, как мать проявляла это к нему. Это - частый процесс, который может быть подтвержден в любом случае, и который, разумеется, совершенно независим от какого бы то ни было предположения об органической подкладке и о мотивах этого внезапного изменения. В этой идентификации поразительно ее большее содержание; она видоизменяет человеческое "Я" в крайне важном вопросе, в сексуальном характере, по прототипу существовавшего до сих пор объекта. При этом самый объект покидается: будет ли это окончательно или только в том смысле, что он сохраняется в бессознательной сфере - это не входит в вопросы нашей дискуссии. Идентификация с объектом, от которого человек отказался или который утрачен, с целью замены его, интроекция этого объекта в свое "Я" не является, конечно, новостью для нас. Такой процесс можно иногда наблюдать непосредственно у маленького ребенка. Недавно в "Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse" было опубликовано такое наблюдение: ребенок, чувствовавший себя несчастным вследствие потери котенка, объяснил, недолго думая, что он теперь сам котенок; он ползал соответственно этому на четвереньках, не хотел есть за столом и т. д.²² Другой пример такой интроекции объекта дал нам анализ меланхолии; этот аффект насчитывает среди своих важнейших причин реальную или аффективную утрату любовного объекта. Основной характерной чертой этих случаев является жестокое самоунижение человеческого "Я" в связи с беспощадной критикой и жестокими самоупреками. Анализ выяснил, что эта критика и эти упреки в сущности относятся к объекту и являются мстью человеческого "Я" этому объекту. Тень объекта упала на "Я", сказал я в другом месте. Интроекция объекта выступает здесь с несомненной очевидностью. Но меланхолия выявляет и нечто другое, что может быть важным для наших дальнейших рассуждений. Она показывает нам человеческое "Я" разделенным, распавшимся на две части, одна из которых неистовствует против другой. Эта другая часть видоизменена интроекцией, она включает утраченный объект. Но и та часть, которая проявляет себя столь свирепо, небезызвестна нам: она включает совесть, критическую инстанцию в "Я", которая и в нормальном состоянии также критически противопоставляет себя "Я", но она никогда не делает этого столь неумолимо и столь несправедливо. Мы уже раньше имели повод (нарциссизм, печаль и меланхолия) сделать предположение, что в нашем "Я" развивается такая инстанция, которая может обособиться от остального "Я" и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее "Я"-идеалом и приписали ей функции самонаблюдения, моральной совести, цензуры сновидения и главную роль при вытеснении. Мы сказали, что она является преемником первоначального нарциссизма, в котором детское "Я" находило свое самоудовлетворение. Постепенно она восприняла из окружающей среды те требования, которые последняя

предъявляла к "Я" и которые "Я" не всегда могло исполнить, и человек, не будучи доволен своим "Я", имел все-таки возможность находить свое удовлетворение в дифференцированном из "Я" "Я"-идеале. Далее, мы установили, что в бреде наблюдения (Beobachtungswahn) становится очевидным распад этой инстанции, и при этом открывается ее происхождение из влияния авторитетов, прежде всего родителей²³. Но мы не забыли указать, что размеры отстояния этого "Я"-идеала от актуального "Я" чрезвычайно варьируют для каждого отдельного индивида и что у многих эта дифференцировка внутри "Я" не идет дальше, чем у ребенка. Но прежде, чем мы сможем применить этот материал для понимания либидинозной организации массы, мы должны принять во внимание другие изменчивые соотношения между объектом и "Я". Мы отлично знаем, что заимствованными из патологии примерами мы не исчерпали сущности идентификации и оставили, таким образом, отчасти незатронутой загадку массы. Здесь должен был бы быть предпринят гораздо более основательный и более полный психический анализ. От идентификации путь ведет через подражание к вчувствованию, т. е. к пониманию механизма, благодаря которому для нас вообще возможно соприкосновение с душевной жизнью другого человека. И в проявлениях существующей идентификации многое надо еще выяснить. Ее следствием является, между прочим, еще то, что человек ограничивает свою агрессивность по отношению к тому лицу, с которым он себя идентифицирует; человек щадит его и оказывает ему помощь. Изучение таких идентификаций, лежащих, например, в общности кланов, выяснило Robertson'у Smith'у поразительный результат, что они покоятся на признании общей субстанции (Kinship and Marriage, 1885) и поэтому могут быть созданы путем сообща принятой пищи. Эта черта позволяет связать такую идентификацию с конструированной мною в "Тотем и табу" первобытной историей человеческой семьи.

VIII. ВЛЮБЛЕННОСТЬ И ГИПНОЗ

Практика языка даже в своих капризах остается верна какой-то действительности. Хотя она называет "любовью" самые разнообразные эмоциональные отношения, которые и мы теоретически объединяем под названием "любовь", однако, она потом опять сомневается, является ли эта любовь настоящей, правильной, истинной; она указывает на целую градацию возможностей среди любовных феноменов. Нам также нетрудно будет наблюдать эту градацию. В целом ряде случаев влюбленность является не чем иным, как нахождением со стороны сексуального влечения объекта для цели прямого сексуального удовлетворения, причем с достижением этой цели влюбленность угасает; это называют низменной, чувственной любовью. Но, как известно, либидинозная ситуация редко бывает так проста. Уверенность, с какой можно рассчитывать на новое пробуждение только что угасшей потребности, должна, конечно, быть ближайшим мотивом к тому, чтобы питать к сексуальному объекту длительное влечение, чтобы "любить" его также в свободные от страсти промежутки. Из этой замечательной истории развития любовной жизни человека вытекает другой момент. Ребенок находит в первой фазе, заканчивающейся в большинстве случаев к пяти годам, в одном из родителей свой первый любовный объект, на котором фиксируются все его сексуальные влечения, требующие удовлетворения. Наступающее затем вытеснение вынуждает ребенка

отказаться от большинства этих детских сексуальных целей и оставляет после себя глубокое изменение отношения к родителям. Ребенок остается в дальнейшем привязанным к родителям, но его влечения следует назвать "заторможенными в смысле цели". Чувства, питаемые им, начиная с этого момента, к этим любимым лицам, обозначаются как "нежные". Известно, что в бессознательном сохраняются в большей или меньшей степени прежние "чувственные" стремления, так что первоначальный приток влечения продолжает в известном смысле существовать²⁴. С наступлением половой зрелости развиваются, как известно, новые, очень интенсивные стремления к достижению прямых сексуальных целей. В неблагоприятных случаях они остаются в качестве чувственного потока отделенными от длительных "нежных" эмоциональных направлений. Мы имеем перед собой картину, обе стороны которой так охотно идеализируются некоторыми литературными направлениями. Мужчина проявляет мечтательные склонности к глубокоуважаемым женщинам, которые не привлекают его, однако, в половом отношении, и он potentен только в отношении к другим женщинам, которых он не "любит", не уважает или даже презирает²⁵. Однако чаще юноше удается синтез лишенной чувственности небесной любви и чувственной земной любви, и его отношение к сексуальному объекту характеризуется совместным действием незаторможенных и заторможенных в смысле цели влечений. По количеству заторможенных в отношении цели нежных влечений можно судить о силе влюбленности, в противоположность чисто чувственным желаниям. В рамках этой влюбленности нам с самого начала бросается в глаза феномен сексуальной переоценки, то обстоятельство, что сексуальный объект до некоторой степени не подвергается критике, что все его качества оцениваются выше, чем качества нелюбимых людей или чем качества того же объекта к тому времени, когда он еще не был любим. При несколько более сильном вытеснении или подавлении чувственных стремлений создается ложное впечатление, что объект в силу своих духовных преимуществ любим также и чувственной любовью, в то время как в действительности, наоборот, лишь чувственная любовь награждает его этими преимуществами. Стремление, создающее в данном случае ошибочное суждение называется идеализацией. Благодаря этому же нам облегчается ориентировка. Мы замечаем, что объект трактуется как собственное "Я", что, следовательно, при влюбленности на объект изливается большая часть нарциссического либидо. При некоторых формах любовного выбора становится даже очевидным, что объект служит для замены своего собственного недостигнутого "Я"-идеала. Его любят в силу тех совершенств, к которым человек стремился для своего собственного "Я", и которых он добивается теперь этим окольным путем для удовлетворения своего нарциссизма. Если сексуальная переоценка и влюбленность становятся еще больше, то ясность картины становится еще несомненнее. Влечения, добивающиеся прямого сексуального удовлетворения, могут быть теперь совсем оттеснены, как это обычно происходит при мечтательной любви юношей; "Я" становится все непритязательнее, скромнее; объект становится все великолепнее, ценнее. Он овладевает, в конце концов, всей самовлюбленностью "Я", так что самопожертвование "Я" становится естественным следствием. Объект, так сказать, поглотил "Я". Черты покорности, ограничения нарциссизма, несоблюдения своих интересов имеются налицо в каждом случае влюбленности. В крайнем случае они еще усиливаются и выступают на первый план благодаря оттеснению чувственных влечений. Это происходит особенно легко в случае несчастной, неудачной любви, так как при каждом сексуальном удовлетворении

сексуальная переоценка все же испытывает некоторое понижение. Одновременно с тем, как человек приносит объекту в "жертву" свое "Я" (эта жертва ничем не отличается от сублимированной жертвы ради абстрактной идеи), целиком отпадают принадлежащие "Я"-идеалу функции. Молчит критика, которая исходила от этой инстанции; все то, что делает и чего требует объект, правильно и безупречно. Нет места для совести во всем том, что совершается в пользу объекта. В любовном ослеплении человек становится преступником без раскаяния. Вся ситуация укладывается без остатка в формулу: объект занял место "Я"-идеала. Разница между идентификацией и влюбленностью в ее крайних проявлениях, называемых очарованием, рабской покорностью, легко описать. В первом случае "Я" обогатилось качествами объекта, оно "интроецировало" объект, по выражению Ferenczi; во втором случае оно обеднело, принесло себя в жертву объекту, поставило его на место своей важнейшей составной части. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что такое изложение рождает противоречие, которого на самом деле не существует. Речь идет экономически не об обеднении или обогащении; крайнюю влюбленность тоже можно описать так, что "Я" интроецирует объект. Быть может, другое отличие скорее охватит сущность. В случае идентификации объект утрачивается или от него отказываются; затем он опять восстанавливается в "Я"; "Я" изменяется частично по прототипу утраченного объекта. Иногда объект сохраняется и, как таковой, переоценивается со стороны и за счет "Я". Но и относительно этого возникает сомнение. Действительно ли твердо установлено, что идентификация предполагает отказ от влечения к объекту, не может ли существовать отказ при сохранении объекта? И прежде чем мы впадём в дискуссию по поводу этого сложного вопроса, у нас может явиться мысль, что другая альтернатива включает в себе сущность этого положения вещей, а именно: занимает ли объект место "Я" или "Я"-идеала. От влюбленности, очевидно, недалеко до гипноза. Аналогия обоих состояний очевидна; то же покорное подчинение, податливость, отсутствие критического отношения к гипнотизеру, равно как и к любимому лицу, то же отсутствие личной инициативы. Нет никакого сомнения в том, что гипнотизер занял место "Я"-идеала. Все соотношения при гипнозе лишь более явственны и усилены, так что было бы целесообразнее объяснять влюбленность при помощи гипноза, чем наоборот. Гипнотизер является единственным объектом, никакой другой объект не принимается во внимание рядом с ним. "Я" переживает точно во сне все то, чего он требует и что он приказывает, и этот факт напоминает нам о том, что мы не упомянули среди функций "Я"-идеала испытания реальности²⁶. Нет ничего удивительного в том, что "Я" считает всякое ощущение реальным, если психическая инстанция, занимавшаяся прежде испытанием реальности, заступает за эту реальность. Полное отсутствие стремлений с незаторможенной сексуальной целью способствует крайней чистоте проявлений. Гипнотическое отношение является неограниченным влюбленным самопожертвованием при исключении сексуального удовлетворения, в то время как при влюбленности оно только откладывается на время и остается на заднем плане, как целевая возможность в дальнейшем. Но, с другой стороны, мы можем также сказать, что гипнотическое отношение является (если допустимо такое выражение) массой, состоящей из двух людей. Гипноз не является подходящим объектом для сравнения с массой, так как он скорее идентичен с ней. Он изолирует из весьма сложной структуры массы один элемент: отношение к вождю. Этим ограничением численности гипноз отличается от массы, от влюбленности же он

отличается отсутствием чисто сексуальных стремлений. Он занимает среднее место между тем и другим. Интересно отметить, что именно заторможенные в смысле цели сексуальные стремления создают длительные привязанности людей друг к другу. Но это легко понять из того факта, что эти стремления неспособны к полному удовлетворению, в то время как незаторможенные сексуальные стремления претерпевают чрезвычайное понижение каждый раз при достижении сексуальной цели. Чувственная любовь предназначена к угасанию, наступающему при удовлетворении, чтобы быть продолжительной, она должна быть с самого начала смешана с чисто нежными, т. е. заторможенными в смысле цели компонентами, или должна претерпеть такое смешение.

Гипноз разрешил бы нам загадку либидинозной конституции, если бы он сам еще не содержал таких черт, которые не укладываются в рамки данного рационального объяснения - как влюбленности при исключении чисто сексуальных стремлений. В нем еще многое непонятно, мистично. Он содержит примесь парализованности, вытекающей из отношения сильного к слабому, беспомощному, что является переходом к гипнозу, вызванному испугом у животных. Способ, которым вызывается гипноз, и его отношение к сну неясны, а загадочный выбор лиц, подходящих для гипноза, в то время как другие совершенно непригодны, указывает на еще неизвестный момент, который в нем осуществлен и который делает, может быть, возможным лишь чистоту либидинозных установок. Достоинно внимания, что моральная совесть гипнотизируемого лица может остаться резистентной даже при полной суггестивной податливости в остальном. Но это может происходить потому, что при гипнозе в том виде, в каком он производится в большинстве случаев, может сохраниться знание того, что речь идет только об игре, о ложной репродукции другой, гораздо более важной в жизненном отношении ситуации. Предшествующими рассуждениями мы целиком подготовлены к тому, чтобы начертать формулу либидинозной конституции массы, по крайней мере такой массы, которую мы до сих пор рассматривали, которая, следовательно, имеет вождя и которая не могла приобрести вторично, путем слишком большой "организованности", качеств индивида. Такая первичная масса является множеством индивидов, поставивших один и тот же объект на место своего "Я"-идеала и идентифицировавшихся вследствие этого друг с другом в своем "Я". Это соотношение может быть выражено графически:

IX. СТАДНЫЙ ИНСТИНКТ

Мы недолго будем радоваться иллюзорному разрешению загадки массы этой формулой. Нас тотчас беспокоит мысль о том, что мы, в сущности, сослались на загадку гипноза, в котором есть еще так много неразрешенного. И тут возникает новое возражение дальнейшему исследованию. Мы должны сказать себе, что многочисленные аффективные привязанности, отмеченные нами в массе, вполне достаточны для объяснения одной из ее характерных черт: недостатка самостоятельности и инициативы у индивида, однородности его реакций с реакциями всех других, его снижения, так сказать, до массового индивида. Но масса проявляет нечто большее, если мы рассмотрим ее как одно целое; черты слабости интеллектуальной деятельности, аффективной незаторможенности, неспособности к обуздыванию и к отсрочке,

склонность к переходу границ в проявлении чувств и к полному переходу этих чувств в действия --все это и т. п., так ярко изложенное Лебоном, создает несомненную картину регрессии душевной деятельности до более ранней ступени, какую мы обычно находим у дикарей и у детей. Такая регрессия особенно характерна для обыкновенной массы, в то время как у высоко организованных искусственных масс она, как мы слышали, не может быть глубокой. Таким образом у нас получается впечатление состояния, в котором отдельные эмоциональные побуждения и личный интеллектуальный акт индивида слишком слабы, чтобы проявиться отдельно и обязательно должны дожидаться подкрепления в виде однородного повторения со стороны других людей. Вспомним о том, сколько этих феноменов зависимости относится к нормальной конституции человеческого общества, как мало в нем имеется оригинальности и личного мужества, как сильно каждый человек находится во власти установок массовой души, проявляющейся в расовых особенностях, в сословных предрассудках, общественном мнении и т. д. Загадка суггестивного влияния увеличивается для нас утверждением того факта, что такое влияние оказывается не только вождем, но и каждым индивидом на другого индивида, и мы бросаем себе упрек в том, что мы односторонне подчеркнули отношение к вождю, не обратив никакого внимания на другой фактор взаимного внушения. Из чувства скромности мы захотим прислушаться к другому голосу, который сулит нам объяснение, исходящее из более простых основоположений. Я заимствую такое объяснение из прекрасной книги W. Trotter'a о стадном инстинкте и сожалею лишь о том, что она не вполне избежала антипатии, явившейся результатом последней великой войны²⁷. Trotter считает описанные душевные феномены массы производным стадного инстинкта (*gregariousness*), являющегося врожденным как для человека, так и для других видов животных. Эта стадность является биологически аналогией и как бы продолжением многоклеточности; в смысле либидиозной теории она является дальнейшим проявлением вытекающей из либидо склонности всех однородных живых существ объединиться в единицы большого объема²⁸. Индивид чувствует себя неполным (*incomplete*), когда он один. Страх маленького ребенка является уже проявлением этого стадного инстинкта. Противоречие стаду равносильно отделению от него и потому избегается со страхом. Стадо же отрицает все новое, непривычное. Стадный инстинкт является чем-то первичным, неподдающимся дальнейшему разложению (*which cannot be split up*). Trotter приводит ряд влечений (или инстинктов), которые он считает первичными: инстинкт самосохранения, питания, половой инстинкт и стадный инстинкт. Последний должен часто противопоставляться другим инстинктам. Сознание виновности и чувство долга являются характерным достоянием *gregarious animal*. Из стадного инстинкта исходят, по мнению Trotter'a также и вытесняющие силы, которые психоанализ открыл в "Я", а следовательно и то сопротивление, с которым сталкивается врач при психоаналитическом лечении. Своим значением язык обязан своей способности дать людям возможность взаимного понимания в стаде, на нем покоится, главным образом, идентификация индивидов друг с другом. Подобно тому как Лебон в центре своего внимания поставил преимущественно характерные недолговечные массы, а Mc Dougall -стабильные общества, так Trotter сосредоточил свое внимание на самых распространенных объединениях, в которых живет человек, этот *zwoi politikou*, и дал им психологическое обоснование. Trotter'у не нужно искать происхождения стадного инстинкта, так как он считает его первичным и не разрешимым. Его

примечание, что Boris Sidis считает стадный инстинкт производным внушаемости, к счастью для него излишне; это -объяснение по хорошо известному, неудовлетворительному шаблону, и обратное положение, гласящее, что внушаемость является производным стадного инстинкта, оказалось для меня более очевидным. Но против изложения Trotter'a можно с еще большим правом, чем против других, возразить, что оно обращает слишком мало внимания на роль вождя в массе, в то время как мы склонны к противоположному мнению, что сущность массы не может быть понята, если пренебречь вождем. Стадный инстинкт вообще не оставляет места вождю, вождь только случайно привходит в стадо, и в связи с этим стоит тот факт, что из этого инстинкта нет пути к потребности в божестве; стаду недостает пастуха. Но, кроме того, изложение Trotter'a можно психологически опровергнуть, т. е. можно по меньшей мере сделать вероятным, что стадное влечение поддается разложению, что оно не является первичным в том смысле, как инстинкт самосохранения и половой инстинкт. Разумеется, нелегко проследить онтогенез стадного инстинкта. Страх маленького ребенка, оставленного наедине (Trotter толкует его уже как проявление инстинкта), легче допускает другое толкование. Он относится к матери, впоследствии к другим любимым лицам, и является выражением неисполненного желания, с которым ребенок не умеет ничего сделать, кроме превращения его в страх²⁹. Страх оставленного наедине с самим собою маленького ребенка не уляжется при виде любого человека "из стада"; наоборот, приближение такого "чужого человека" вызовет лишь страх. У ребенка долго не замечают ничего, что говорило бы о стадном инстинкте или о чувстве массы (Massengeföhl). Такое чувство образуется лишь в детских, где много детей, из их отношения к родителям, а именно: как начальная зависть, с которой старший ребенок встречает младшего. Старший ребенок хотел бы, конечно, ревниво вытеснить младшего, отдалить его от родителей, лишит его всех прав, но ввиду того, что этот ребенок, как и все последующие, одинаково любим родителями, старший ребенок, не имея возможности удержать свою враждебную установку без ущерба для себя, вынужден идентифицировать себя с другими детьми, и в детской среде возникает чувство массы или общности, получающее свое дальнейшее развитие в школе. Первым требованием этого реактивного образования является требование справедливости, одинакового обращения со всеми. Известно, как громко и настойчиво проявляется это требование в школе. Если я сам не могу быть любимчиком, то пусть, по крайней мере, никто не будет любимчиком. Можно было бы считать это превращение и замену ревности чувством массы в детской и в школе чем-то неправдоподобным, если бы тот же самый процесс вновь не наблюдался несколько позже при других соотношениях. Стоит вспомнить о толпе мечтательно влюбленных дам и жриц, теснящихся вокруг певца или пианиста после его концерта. Вероятно, каждой из них хотелось бы отнестись ревниво ко всем другим, однако, ввиду их множества и связанной с этим невозможности достичь цели своей влюбленности, они отказываются от этого и вместо того, чтобы вцепиться друг другу в волосы, они действуют, как единая масса, благоговеющая перед тем, кого они чествуют, проявляя это сообща; они были бы рады поделить его локоном. Они, первоначальные соперницы, могут идентифицироваться друг с другом, благодаря одинаковой любви к одному и тому же объекту. Если ситуация, как это обычно бывает, может быть разрешена с помощью инстинкта несколькими способами, то нет ничего удивительного в том, что осуществляется тот исход, с которым связана возможность некоторого удовлетворения, в то время как другой способ, даже более очевидный, не

используется, так как реальные соотношения отказывают ему в достижении этой цели. Дух общности, *esprit de corps* и т. д., которые оказывают впоследствии свое действие в обществе, не скрывают своего происхождения из первоначальной зависти. Никто не должен иметь желания выдвинуться, каждый должен быть равен другому, все должны обладать одинаковыми ценностями. Социальная справедливость должна обозначать, что человек сам отказывается от многого для того, чтобы другие тоже должны были отказаться от этого, или - что то же самое - не могли требовать этого. Это требование равенства является корнем социальной совести и чувства долга. Неожиданным образом мы находим его в боязни инфекции у сифилитиков, которую мы поняли благодаря психоанализу. Боязнь этих несчастных является выражением их сопротивления против бессознательного желания распространить свою инфекцию на других. Ибо почему же они одни должны быть инфицированы и лишены очень многого, а другие - нет? Прекрасная притча о суде Соломона имеет это же самое ядро. Если у одной женщины умер ребенок, то другая тоже не должна иметь живого ребенка. По этому желанию можно было узнать потерпевшую. Итак, социальное чувство покоится на превращении чувства, бывшего сначала враждебным, в положительно окрашенную привязанность, носящую характер идентификации. Поскольку мы до сих пор проследили этот процесс, оказывается, что это превращение совершается под влиянием общей нежной привязанности к лицу, стоящему вне массы. Наш анализ идентификации кажется нам самым неисчерпывающим, но для нашей настоящей цели достаточно вернуться к тому положению, что масса требует строгого соблюдения равенства. Мы уже слышали при обсуждении обеих искусственных масс, церкви и армии, что их предпосылкой является одинаковая любовь вождя ко всем участникам массы. Но мы не забываем, что требование равенства, существующее в массе, относится только к ее отдельным членам и не касается вождя. Все участники массы должны быть равны между собою, но все они хотят, чтобы над ними властвовал вождь. Многие равные между собою, могущие идентифицироваться друг с другом, и один единственный, превосходящий их всех - такова ситуация, существующая в жизнеспособной массе. Следовательно, мы позволяем себе внести коррекцию в выражение Trotter'a что человек - стадное животное; он является скорее животным орды, участником орды, предводительствуемой вождем.

X. МАССА И ПЕРВОБЫТНАЯ ОРДА В 1912

году я согласился с предположением Ч. Дарвина, что первобытной формой человеческого общества была орда, над которой неограниченно властвовал сильный самец. Я сделал попытку показать, что судьба этой орды оставила неизгладимые следы в истории человечества, в частности - что развитие тотемизма, охватывающего зачатки религии, нравственности и социального расчленения, связано с насильственным убийством вождя и превращением отцовской орды в братскую общину³⁰. Правда, это - только гипотеза, как и многие другие предположения, с помощью которых исследователь доисторического периода пытается осветить мрак, окутывающий первобытный период - один снисходительный английский критик (Kroeger) остроумно назвал ее "just so story", - но я думаю, что эта гипотеза заслуживает большего внимания, если она оказывается способной создать связь и понимание в новых

областях знания. Человеческие массы показывают нам опять-таки знакомую картину властного самодержца среди толпы равных между собой товарищей; картина эта содержится и в нашем представлении о первобытной орде. Психология этой массы, в том виде, как мы ее знаем из часто приводившихся описаний -исчезновение сознательной индивидуальности, ориентировка мыслей и чувств в одинаковых направлениях, преобладание аффективности и бессознательной душевной сферы, тенденция к немедленному выполнению появляющихся намерений, - соответствует состоянию регрессии до примитивной душевной деятельности, которую можно было бы приписать именно первобытной орде. К первобытной орде относится особенно то, что мы раньше описали в общей характеристике людей. Воля индивида была слишком слаба, он не решался действовать. Никакие импульсы, кроме коллективных, не осуществлялись, существовала только общая воля, единичной воли не было, представление не решалось вылиться в волевой акт, если оно не было усилено ощущением своего всеобщего распространения. Эта слабость представления находит свое объяснение в силе общей всем участникам массы эмоциональной привязанности, а присоединяющаяся однородность жизненных обстоятельств и отсутствие частной собственности определяет однородность жизненных актов у отдельных индивидов. -Экскрементальные потребности тоже не исключают общности, как можно заметить у детей и солдат. Единственным безусловным исключением является половой акт, в котором третье лицо по меньшей мере излишне: в крайнем случае, мучительно ожидают его ухода. О реакции сексуальной потребности (генитального удовлетворения) против стадности см. ниже. Итак, масса кажется нам вновь ожившей первобытной ордой. Подобно тому, как первобытный человек может ожить в каждом индивиде, так и из любой человеческой толпы может быть воссоздана первобытная орда. Поскольку масса обычно господствует над людьми, мы узнаем в ней продолжение первобытной орды. Мы должны были бы сделать заключение, что психология массы является древнейшей человеческой психологией. Индивидуальная психология, которую мы выделили, пренебрегала остаточными массовыми проявлениями, выросла лишь впоследствии, постепенно и, так сказать, частично лишь обособившись из древней психологии масс. Мы еще рискнем указать исходный пункт этого развития. Ближайшее рассуждение показывает нам, в каком пункте это положение нуждается в коррекции. Индивидуальная психология должна быть столь же древней, как и массовая психология, так как с самого начала существовала двойная психология: психология индивидов -участников массы, и психология отца, начальника, вождя. Индивиды, составлявшие массу, были так же связаны, как мы их видим еще и теперь, но отец первобытной орды был свободен. Его интеллектуальные акты были сильны и независимы даже в своей обособленности, его воля не нуждалась в усилении другой волей. Мы в силу последовательности должны предположить, что его "Я" было мало связано в либидинозном отношении, он не любил никого, кроме себя, других любил только постольку, поскольку они служили его потребностям. Его "Я" не давало объектам ничего лишнего. На заре истории человечества он был сверхчеловеком, которого Ницше ожидал лишь в будущем. Еще теперь участники массы нуждаются в иллюзии, что все они в одинаковой мере любимы вождем, но сам вождь не должен любить никого, он должен принадлежать к породе властвующих, быть абсолютно нарцисичным, но самоуверенным и самостоятельным. Мы знаем, что любовь создает преграду нарцисизму, и мы могли показать, как она стала культурным фактором

благодаря этому влиянию. Первобытный отец орды не был еще бессмертным, каким он стал впоследствии благодаря обожествлению. Когда он умер, он должен был быть заменен; его место занял, вероятно, один из младших сыновей, бывший до тех пор участником массы, как и всякий другой индивид. Следовательно, должна существовать возможность превратить психологию массы в индивидуальную психологию, должно быть найдено условие, при котором осуществляется такое превращение, подобно тому как пчелы имеют возможность сделать, в случае необходимости, из личинки матку вместо работницы. Тогда можно представить себе только следующее: первобытный отец мешал своим сыновьям в удовлетворении их прямых сексуальных стремлений; он принуждал их к воздержанию и вследствие этого к эмоциональной привязанности к себе и друг к другу; эти привязанности могли вытекать из стремлений, имевших заторможенную сексуальную цель. Он вынуждал их, так сказать, к массовой психологии. Его сексуальная ревность и нетерпимость стали в конечном итоге причиной массовой психологии. Можно также предположить, что изгнанные сыновья, разлученные с отцом, использовали результат идентификации друг с другом для гомосексуальной объектной любви и получили, таким образом, свободу для убийства отца. Для того, кто становился его последователем, тоже дана была возможность сексуального удовлетворения, и этим открыт был выход из условий массовой психологии. Фиксация либидо на женщине, возможность удовлетворения без отсрочки и без отлагательства положили конец значению заторможенных в смысле цели сексуальных влечений и позволили нарциссизму всегда оставаться на одном и том же уровне. К этому взаимоотношению между любовью и образованием характера мы еще вернемся в последней главе. Подчеркнем еще раз, как особенно поучительный момент, соотношение между конституцией первобытной орды и условиями, предохраняющими искусственную массу от распада. На примерах войска и церкви мы видели, что таким условием является иллюзия об одинаковой любви вождя ко всем участникам массы. Но это -прямо-таки идеалистическая обработка соотношений, существующих в первобытной орде, в которой все сыновья чувствуют себя одинаково преследуемыми отцом и одинаково боятся его. Уже ближайшая форма человеческого общества, тотемистический клан, предполагает это преобразование, на котором построены все социальные обязательства. Неразрушимая прочность семьи, как естественного массового образования, покоится на том, что эта необходимая предпосылка одинаковой любви отца может действительно оказаться верной для нее. Но мы ожидаем большего от оценки массы с точки зрения первобытной орды. Эта оценка должна приблизить нас к пониманию того непонятого, таинственного в массе, что скрывается за загадочными словами: гипноз и внушение. И я полагаю, что эта оценка может приблизить нас к этому пониманию. Вспомним о том, что гипноз включает в себе нечто жуткое, характер же жуткого указывает на какое-то вытеснение дряхлой старины и искренней привязанности³¹. Вспомним о том, как производится гипноз. Гипнотизер утверждает, что он обладает таинственной силой, лишаящей субъекта его собственной воли, или -что то же самое -субъект верит в то, что гипнотизер обладает такой силой. Эта таинственная сила -в публике ее еще часто называют животным магнетизмом -должна быть той самой силой, которая являлась для первобытных народов источником табу, т. е. силой, исходящей от королей и от начальников, благодаря которой к ним опасно приближаться (Mana). Гипнотизер хочет обладать этой силой; как же он выявляет ее? Требуя от человека, чтобы тот смотрел ему в глаза; в типичном случае

он гипнотизирует своим взглядом. Но именно взгляд вождя опасен и невыносим для первобытных, как впоследствии взгляд божества для смертных. Еще Моисей должен был служить посредником между своим народом и Иеговой, так как народ не вынес бы взгляда божества, и когда Моисей возвращается после общения с богом, то от его лика исходит сияние, часть (Mana) перенеслась на него, как на посредника первобытных людей³². Конечно, гипноз можно вызвать и другими путями. Это может ввести в заблуждение, это дало повод к необоснованным физиологическим теориям, как например гипноз, вызванный фиксацией на блестящем предмете или выслушиванием монотонного шума. В действительности эти приемы служат лишь отвлечению и приковыванию сознательного внимания. Ситуация такова, как если бы гипнотизер сказал человеку: "займитесь исключительно моей личностью, весь остальной мир совершенно неинтересен". Конечно, было бы технически нецелесообразно, если бы гипнотизер действительно повел такую речь. Благодаря ей гипнотизируемый был бы вырван из своей бессознательной установки и у него возникло бы сознательное сопротивление. И хотя гипнотизер старается не направлять сознательное внимание субъекта на его намерения и хотя испытуемое лицо погружается в такое состояние, при котором весь мир должен стать для него неинтересен, однако, гипнотизируемый бессознательно концентрирует все свое внимание на гипнотизере, создает установку раппорта, перенесения на гипнотизера. Косвенные методы гипнотизирования, подобно некоторым техническим приемам остроумия, имеют, следовательно, результатом определенное распределение душевной энергии, так как иное распределение нарушило бы течение бессознательного процесса; эти методы приводят, в конце концов, к той же цели, что и прямое воздействие путем пристального взгляда или пассов. При гипнозе у человека существует бессознательная установка на гипнотизера в то время, как сознательно он фиксирует свое внимание на изменяющихся, неинтересных восприятиях. При психоаналитическом лечении имеет место противоположная ситуация, что заслуживает здесь упоминания. Во время психоанализа, по крайней мере, один раз бывает так, что пациент упрямо утверждает, что теперь ему абсолютно ничего не приходит в голову. Его свободные ассоциации приостанавливаются, и его обычные импульсы привести их в движение не достигают цели. При настойчивости можно добиться, наконец, признания в том, что пациент думает о виде, открывающемся из окон кабинета, об узоре обоев на стене, которую он видит перед собой, или об электрической лампочке, спускающейся с потолка. Это означает, что пациентом овладело перенесение, что к нему предъявляют свои права бессознательные мысли, относящиеся к врачу. Прекращение свободных ассоциаций исчезает у пациента, как только объяснить ему это. Ferenczi совершенно правильно установил, что гипнотизер занимает место родителей, отдавая приказание уснуть, предшествующее часто процедуре гипноза. Он полагает, что нужно различать два вида гипноза: мягко успокаивающий и угрожающий; первый тип он относит к материнскому прототипу, второй - к отцовскому³³. Приказание спать, отдаваемое при гипнозе, тоже обозначает не что иное, как требование не проявлять никакого интереса к внешнему миру и сконцентрировать его на личности гипнотизера. Это приказание так и понимается гипнотизируемым, ибо в этом отвлечении от внешнего мира заключается психологическая характеристика сна и на нем покоится родственность сна с гипнотическим состоянием. Итак, гипнотизер будит своими мероприятиями у гипнотизируемого часть его архаического наследия, которое проявлялось и в отношении к родителям и которое претерпевало в

отношении к отцу индивидуальное возобновление (Wiederbelebung); он будит представление об очень сильной личности в отношении которой можно иметь только пассивно мазохистическую установку, в присутствии которой нужно потерять свою волю; остаться с ней наедине, "попасться ей на глаза" -является большим риском. Только в таком виде мы можем приблизительно представить себе отношение индивида в первобытной орде к первобытному отцу. Как мы знаем из других реакций, индивид сохраняет варьирующую в зависимости от индивидуальных особенностей степень оживления таких старых ситуаций. Знание того, что гипноз является только игрой, ложным обновлением тех старых впечатлений, может все же остаться и обеспечить сопротивление против слишком серьезных последствий гипнотического уничтожения воли. Жуткий, навязчивый характер массы, обнаруживающийся в ее суггестивных проявлениях, может быть, следовательно, по праву отнесен за счет ее происхождения от первобытной орды. Вождь массы все еще является первобытным отцом, которого продолжают бояться; масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть; она страстно жаждет авторитета; она жаждет, по выражению Лебона, подчинения. Первобытный отец является массовым идеалом, который владеет вместо "Я"-идеала человеческим "Я". Гипноз может быть с правом назван массой, состоящей из двух человек, внушение может быть определено как убеждение, основанное не на восприятии и мыслительной работе, а на эротической привязанности. Нужно отметить, что взгляды, изложенные в этой главе заставляют нас вернуться от Bernheim'овского понимания гипноза к наивному, более старому толкованию его. По Bernheim'у все гипнотические феномены нужно считать производным внушения, а внушение является моментом, неподдающимся дальнейшему объяснению. Мы приходим к выводу, что внушение является проявлением гипнотического состояния, имеющего прочное обоснование в бессознательно сохранившемся предрасположении из первобытной истории человеческой семьи.

XI. СТУПЕНЬ ЛИЧНОСТИ

Если, помня дополняющие друг друга описания психологии масс, данные различными авторами, сделать обзор душевной жизни современных людей, то можно растеряться перед ее сложностью и потерять надежду дать стройное описание ее. Каждый индивид является участником многих масс; он испытывает самые разнообразные привязанности, созданные идентификацией; он создает свой "Я"-идеал по различнейшим прототипам. Итак, каждый индивид участвует во многих массовых душах, в душе своей расы, сословия, религии, государства и т. д. и, кроме того, он до некоторой степени самостоятелен и оригинален. Эти стойкие и длительные массы в своих мало видоизменяющихся проявлениях бросаются в глаза меньше, чем быстро образующиеся непостоянные массы, по которым Лебон набросал блестящую характеристику массовой души, и в этих шумных эфемерных массах, как бы возвышающихся над другими массами, происходит чудо: бесследно (хотя бы только на короткое время) исчезает то, что мы называли индивидуальностью. Мы поняли это чудо так, что индивид отказывается от своего идеала и заменяет его массовым идеалом, воплощающимся в вожде. Правильнее говоря, это чудо не во всех случаях одинаково велико. Отграничение "Я" от "Я"-идеала у многих индивидов не произведено еще достаточно резко; оба они еще легко

совпадают; "Я" часто сохраняет для себя свою прежнюю нарциссическую самовлюбленность. Благодаря этому чрезвычайно облегчается выбор вождя. Часто он должен обладать лишь типичными свойствами этих индивидов в очень резком и чистом виде, он должен производить впечатление большой силы и либидинозной свободы; ему навстречу приходит потребность в сильном начальнике; она наделяет его сверхсилой, на которую он раньше, может быть, не претендовал бы. Другие индивиды, "Я"-идеал которых воплотился бы в его личности лишь при условии корректуры, увлекаются затем суггестивно, т. е. путем идентификации. Мы замечаем, что предложенное нами объяснение либидинозной структуры массы сводится к отграничению "Я" от "Я"-идеала и к возможному, вследствие этого, двойному виду привязанности: идентификация и замена "Я"-идеала объектом. Предположение такой ступени в "Я", как первый шаг анализа человеческого "Я", должно постепенно найти свое подтверждение в самых различных областях психологии. В своей статье "Zur Einführung³⁴ des Narzissmus" я собрал прежде всего весь патологический материал для обоснования выделения этой черты. Следует ожидать, что значение нарциссизма окажется гораздо большим при углублении в психологию психозов. Вспомним о том, что "Я" играет роль объекта в отношении к развивающемуся из него "Я"-идеалу, что, может быть, все взаимодействия, изученные нами в учении о неврозах между внешним объектом и совокупным "Я", повторяются на этой новой арене внутри "Я". Я хочу проследить здесь лишь одно из всех возможных с этой точки зрения следствий и продолжить, таким образом, обсуждение проблемы, которую я оставил неразрешенной в другом месте³⁵. Каждая из душевных дифференцировок, с которыми мы познакомились, представляет новую трудность для душевной функции, повышает ее лабильность и может явиться исходным пунктом отказа от функции заболевания. Так, мы, родившись, сделали шаг от абсолютно самодовольного нарциссизма к восприятию изменчивого внешнего мира и к началу нахождения объекта; в связи с этим находится тот факт, что мы не можем находиться в этом состоянии в течение долгого времени, что мы периодически покидаем его и возвращаемся во сне к прежнему состоянию отсутствия раздражений и избежания объектов. Конечно, мы следуем при этом указанию внешнего мира, который временно лишает нас большей части действующих на нас раздражений путем периодической смены дня и ночи. Другой более важный для патологии пример не подлежит такому ограничению. В течение нашего развития мы разделили весь наш душевный мир на связное (kohärent) "Я" и настоящее вне "Я" бессознательное вытесненное, и мы знаем, что стабильность этих новообразований подвержена постоянным потрясениям. В сновидении и в неврозе этот выключенный из нашего сознания материал стучится в охраняемые сопротивлением ворота, а в здоровом бодрствующем состоянии мы пользуемся особыми приемами для того, чтобы временно включить в наше "Я" вытесненный материал, обходя сопротивление и извлекая из этого удовольствие. Остроумие и юмор, а отчасти и комическое вообще, должны рассматриваться с этой точки зрения. Каждому знатоку психологии неврозов известны такие примеры, имеющие меньший масштаб, но я спешу вернуться к нашей цели. Можно представить себе, что и отграничение "Я"-идеала от "Я" не может существовать долго и должно подвергаться по временам обратному развитию. При всех запретах и ограничениях, накладываемых на "Я", происходит, как правило, периодический прорыв запретного, как показывает институт праздников, являвшихся первоначально не чем иным как запрещенными законом эксцессами, и этому освобождению от запрета они обязаны и

своим веселым характером³⁶. Сатурналии римлян и наш теперешний карнавал совпадают в этой существенной отличительной черте с празднествами первобытных людей, которые обычно сочетали с развратом различные нарушения священнейших запретов. А "Я"-идеал охватывает сумму всех ограничений, которым подчиняется "Я", и потому упразднение идеала должно было бы быть величайшим праздником для "Я", которое опять могло бы быть довольно собой. Когда в "Я" что-нибудь совпадает с "Я"-идеалом, то всегда возникает ощущение триумфа. Чувство вины (и чувство малоценности) тоже могут быть поняты как разногласие между "Я" и "Я"-идеалом. Trotter считает вытеснение производным стадного инстинкта. Это скорее та же мысль, выраженная несколько иначе, чем противоречие, когда я говорю в "Einführung des Narzissmus": образование идеала является благоприятствующим условием для вытеснения. Как известно, есть люди, настроение которых периодически колеблется от чрезмерной подавленности через некоторое среднее состояние до повышенного самочувствия, и действительно, эти колебания наступают в различной по величине амплитуде, от едва заметной до самой крайней; они врываются крайне мучительно или разрушающе в жизнь больного в виде меланхолии или мании. В типических случаях этого циклического расстройства внешние поводы как будто не играют решающей роли: из внутренних мотивов у этих больных находят то же, что у всех людей. Поэтому вошло в обыкновение трактовать эти случаи как непсихогенные. О других тождественных случаях циклического расстройства, которые легко могут быть сведены к душевным травмам, речь будет впереди. Обоснование этих произвольных колебаний настроения нам, следовательно, неизвестно. У нас нет знания механизма смены меланхолии манией. Для этих больных могло бы иметь значение наше предположение о том, что их "Я"-идеал растворился в "Я", в то время как до того он был очень требователен к "Я". Мы решительно избегаем неясностей: на основе нашего анализа "Я" несомненно, что у маниакального больного "Я" сливается с "Я"-идеалом, и человек радуется отсутствию задержек, опасений и самоупреков, находясь в настроении триумфа и самодовольства, ненарушаемом никакой самокритикой. Менее очевидно, но все же весьма вероятно, что страдание меланхолика является выражением резкого разногласия между обеими инстанциями "Я". В этом разногласии чрезмерно чувствительный идеал выражает свое беспощадное осуждение "Я" в бреде унижения и самоунижения. Нерешенным остается только вопрос, нужно ли искать причину этой перемены соотношения между "Я"-идеалом в выше постулированных периодических протестах против нового института или виною этому другие соотношения. Переход в маниакальное состояние не является обязательной чертой в клиническом течении меланхолической депрессии. Есть простые однократные, а также периодически повторяющиеся формы меланхолии, которые никогда не переходят в маниакальное состояние. С другой стороны, существуют меланхолии, при которых повод явно играет этиологическую роль. Это - случаи меланхолии, возникающие после потери любимого объекта, будь то смерть объекта или стечение обстоятельств, при которых происходит обратный отток либидо от объекта. Такая психогенная меланхолия также может перейти в манию, и этот цикл может повторяться многократно, так же как и при якобы произвольной меланхолии. Итак, соотношения очень неясны, тем более что до сих пор психоаналитическому исследованию были подвергнуты лишь немногие формы и случаи меланхолии³⁷. Мы понимаем до сих пор только те случаи, в которых объект покидался в силу того, что он оказывался недостойным любви, затем "Я" опять

воздвигало его путем идентификации, а "Я"-идеал строго осуждал его. Упреки и агрессивность в отношении к объекту проявляются как меланхолические самоупреки. Точнее говоря: они скрываются за упреками против собственного "Я", придают им стойкость, прочность и неопровержимость, которыми отличаются самоупреки меланхолика. Переход в манию может непосредственно следовать и за такой меланхолией, так что этот переход является признаком, независимым от других характерных черт клинической картины. Я не вижу препятствий к тому, чтобы принять во внимание момент периодического протеста "Я" против "Я"-идеала для обоих видов меланхолии, как для психогенной, так и для произвольной. При произвольной меланхолии можно предположить, что "Я"-идеал относится особенно строго к свободному выявлению "Я", следствием чего является потом автоматически его временное упразднение. При психогенной меланхолии "Я" побуждается к протесту вследствие того, что его идеал плохо относится к нему, а это плохое отношение является результатом идентификации "Я" с отвергнутым объектом.

ХII. ДОПОЛНЕНИЕ

В процессе исследования, которому мы подводим теперь итоги, нам открылись различные побочные пути, которые мы раньше оставили в стороне, но которые имеют близкое к нам отношение. Кое-что из этого оставшегося позади мы хотим наверстать. А. Отличие между "Я"-идентификацией и заменой "Я"-идеала объектом находит себе интересное объяснение в двух больших искусственных массах, изученных нами вначале: в войске и в христианской церкви. Очевидно, солдат считает идеалом своего начальника, собственно главнокомандующего, в то время как он идентифицируется с равными себе солдатами и выводит из этой общности "Я" обязательства товарищеских отношений для того, чтобы оказывать взаимную помощь и делиться всем добром. Но он смешон, когда он хочет идентифицироваться с главнокомандующим. Егерь в лагере Валленштейна иронизирует по этому поводу над вахмистром: "Плюнет он, что ли, или высморкнет нос, -вы за ним тоже"³⁸. Иначе обстоит дело в католической церкви. Каждый христианин любит Христа как свой идеал; вследствие идентификации он чувствует себя связанным с другими христианами. Кроме того, он должен идентифицироваться с Христом и любить других христиан так, как их любил Христос. Следовательно, церковь требует в обоих случаях дополнения либидинозной позиции, которая создается благодаря массе: идентификация должна присоединяться к тем случаям, где произошел выбор объекта, а объектная любовь должна присоединяться к тем случаям, где существует идентификация. Это -безусловно выходит за пределы конституции массы; можно быть хорошим христианином и в то же время быть далеким от идеи поставить себя на место Христа, любить подобно ему всех людей. Простой смертный не решается приписать себе величие духа и силу любви Спасителя. Но это дальнейшее развитие распределения либидо в массе является, вероятно, моментом, благодаря которому христианство претендует на высшую нравственность. Б. Мы сказали, что в духовном развитии человечества можно было бы указать момент, когда для индивидов произошел прогресс от массовой психологии к индивидуальной. Нижеследующее написано под влиянием обмена мыслей с Rank'ом. Для этого мы должны вкратце вернуться к мифу об отце первобытной орды. Он впоследствии был превознесен до

творца мира, и по праву, так как он сотворил всех своих сыновей, составивших первую массу. Он был идеалом для каждого из них в отдельности, его боялись и в то же время почитали; из этого впоследствии родилось понятие табу. Эта толпа собралась однажды вместе, убила отца и растерзала его. Никто из участников победившей массы не мог занять его место, а если кто-нибудь из них сделал бы это, то борьба возобновилась бы до тех пор, пока они поняли бы, что все они должны отказаться от отцовского наследства. Тогда они образовали тотемистическую братскую общину, связанную одними и теми же правами и тотемистическими запретами, которые хранили память о злодеянии и должны были искупить его. Но недовольство создавшимся положением осталось и стало источником новых перемен. Люди, связанные в братскую массу, постепенно приблизились к воссозданию старого положения на новый лад, мужчина опять стал главой семьи и перестал признавать господство женщины, установившееся в тот период времени, когда не было отца. В виде компенсации он признал тогда материнские божества, жрецы которых были кастрированы для того, чтобы оградить мать; пример этот был дан первобытной орде отцом; однако новая семья была только тенью старой, отцов было много и каждый был ограничен правами другого. Тогда страстная тоска о недостающем отце могла побудить индивида освободиться от массы и занять место отца. Тот, кто сделал это, был первым эпическим поэтом; он достиг этого в своей фантазии. Этот поэт извратил действительность в духе своего страстного желания. Он создал героический миф. Героем был тот, кто сам один убил отца, фигурирующего еще в мифе в качестве тотемистического чудовища. Как отец был первым идеалом мальчика, так поэт создал теперь в герое, заменяющем отца, первый "Я"-идеал. Примером привязанности к герою послужил, вероятно, младший сын, любимец матери, которого она защищала от ревнивых проявлений отца и который во времена первобытной орды был последователем отца. В ложном опозитивировании первобытного времени женщина, бывшая призом и соблазном для убийства, стала причиной и подстрекательницей преступления. Герой совершает сам, один то деяние, на которое способна, конечно, лишь вся орда в целом. Тем не менее эта сказка сохранила, по замечанию Rank'a, явные следы скрываемого положения вещей. Так, часто описывается, как герой, которому предстоит разрешение трудной задачи (в большинстве случаев это младший сын, нередко он притворяется в присутствии суррогата отца глупым, т. е. не представляется для него опасным), разрешает все же эту задачу лишь с помощью кучки маленьких животных (муравьи, пчелы). Это - братья, составлявшие первобытную орду, подобно тому, как и в символике сновидений насекомые, паразиты обозначают братьев и сестер (презрительно: как маленькие дети). Кроме того, в каждой из задач в мифе и сказке легко распознать замену героического поступка. Итак, миф является шагом, с помощью которого индивид выступает из массовой психологии. Первый миф был, безусловно, психологическим, героическим мифом; миф о вселенной должен был появиться гораздо позднее. Поэт, сделавший этот шаг и освободившийся, таким образом, от массы в своей фантазии, умеет, согласно другому замечанию Rank'a, найти обратный путь к ней. Он идет к этой массе и рассказывает ей о подвигах своего героя, созданных им. Этот герой является в основе ни кем иным, как им самим. Таким образом, он снисходит до реальности и поднимает своих слушателей до фантазии. Слушатели же понимают поэта, они могут идентифицироваться с героем на основе одинакового страстного отношения к первобытному отцу³⁹. Ложь героического мифа достигает своего кульминационного пункта в обожевлении

героя. Вероятно, обожествленный герой существовал раньше, чем бог-отец, он был предшественником возвращения отца как божества. Ряд богов проходил хронологически так: богиня-мать -герой -бог-отец. Но лишь с возвышением первобытного отца, который никогда не может быть забыт, божество получило те черты, которые мы видим в нем еще ныне. В этом сокращенном изложении пришлось отказаться от материала из саг, мифов, сказок, истории нравов и т. д., который можно было бы использовать для обоснования этой конструкции. В. Мы много говорили здесь о прямых сексуальных влечениях и о заторможенных в смысле цели сексуальных влечениях, и мы надеемся, что это подразделение не встретит большого сопротивления. Однако подробное обсуждение этого вопроса будет не лишним даже в том случае, если оно повторит отчасти уже сказанное нами раньше. Первым, но вместе с тем наилучшим примером сексуальных влечений, заторможенных в смысле цели, явилось для нас либидинозное развитие ребенка. Все те чувства, какие ребенок питает к своим родителям и к опекающим его лицам, укладываются без натяжки в желания, дающие выражение сексуальному стремлению ребенка. Ребенок требует от этих любимых им лиц всех известных ему ласк: он хочет их целовать, прикасаться к ним, осматривать их, ему любопытно видеть их гениталии и присутствовать при интимных экскрементальных отправлениях, он обещает жениться на матери или на няне, независимо от того, что он подразумевает под этим, он намеревается подарить отцу ребенка и т. д. Прямые наблюдения, равно как и позднейшее аналитическое освещение остатков детства не оставляют никакого сомнения в непосредственном слиянии нежных и ревнивых чувств с сексуальными намерениями; они показывают нам, как основательно ребенок делает любимого человека объектом всех его еще недостаточно сконцентрированных сексуальных влечений (ср. Теорию полового влечения). Первое любовное сооружение ребенка, подчиняющееся в типичном случае Эдипову комплексу, подлежит затем, как известно, с началом латентного периода вытеснению. То, что остается после вытеснения, кажется нам исключительно нежной привязанностью, которая относится к тем же лицам, но которая больше не может быть названа сексуальной. Психоанализу, освещающему глубины душевной жизни, нетрудно было доказать, что сексуальные привязанности первых детских лет продолжают существовать, хотя они вытеснены и бессознательны. Он дает нам мужество утверждать, что всюду, где мы встречаем нежное чувство, оно является преемником половой объектной привязанности к соответствующему лицу или к его прототипу (Imago). Он может показать нам -конечно, не без особого исследования, -существует ли еще в данном случае это предшествующее сексуальное влечение в вытесненном состоянии или же оно уже уничтожено. Яснее говоря: твердо установлено, что оно может быть во всякое время опять активировано благодаря регрессии; спрашивается лишь (это не всегда легко решить), какую активность и какую действенную силу оно имеет еще в настоящее время. Здесь нужно принять во внимание в одинаковой мере два источника ошибок; Сциллу недооценки вытесненного бессознательного и Харибду склонности измерять нормальное исключительно меркой патологического. Психологии, которая не хочет и не может проникнуть в глубины вытесненного, эта нежная привязанность представляется во всяком случае выражением стремлений, не имеющих сексуальной окраски, хотя бы они и проистекали из привязанности, имеющей сексуальную окраску. Враждебные чувства, имеющие несколько более сложную структуру, не являются исключением из этого. Мы вправе сказать, что эти стремления отклонились от прямых

сексуальных целей, хотя и трудно удовлетворить требования метапсихологии при изображении такого отклонения от цели. Впрочем, эти заторможенные в смысле цели влечения все еще сохраняют некоторые из первоначальных сексуальных целей. Даже тот, кто нежно привязан, даже друг, поклонник ищет телесной близости и хочет видеть человека, к которому он питает любовь "в духе апостола Павла". Если угодно, то мы можем видеть в этом уклонении от цели начало сублимирования сексуальных влечений или же еще больше расширить границы последних. Заторможенные в смысле цели сексуальные влечения имеют большое функциональное преимущество перед незаторможенными; так как они неспособны к полному удовлетворению, то они особенно пригодны для создания длительных привязанностей, в то время как прямые сексуальные стремления теряют при каждом удовлетворении свою энергию и должны ожидать своего обновления путем накопления сексуального либидо, причем в этот промежуток времени один объект может быть заменен новым. Заторможенные влечения могут быть в любом количестве смешаны с незаторможенными, могут претерпевать обратное превращение в незаторможенные, подобно тому, как они развились из них. Известно, как легко из отношений дружеского характера, основанных на уважении и благоговении, развиваются эротические желания (*Embrassez-moi pour l'amour du Grec*, Мольер) между маэстро и ученицей, артистом и восхищенной слушательницей, особенно у женщин. Возникновение таких привязанностей, которые сперва не имели в виду сексуальной цели, непосредственно указывает на проторенный путь к выбору сексуального объекта. В статье "*Frömmigkeit des Grafen von Zinzendorf*" Pfister привел прекрасный и отнюдь не единичный пример того, как даже интенсивная религиозная привязанность легко превращается в пламенное сексуальное возбуждение. С другой стороны, превращение недолговечных сексуальных стремлений в длительную, чисто нежную привязанность является чем-то весьма обычным, и консолидация брака, заключенного по страстной любви, основана в большинстве случаев на этом процессе. Разумеется, нас не удивит тот факт, что непосредственные сексуальные стремления превращаются в заторможенные в смысле цели стремления в том случае, если на пути к достижению сексуальной цели стоят внутренние или внешние препятствия. Вытеснение латентного периода есть такое внутреннее -или лучше сказать: ставшее внутренним - препятствие. Мы предположили об отце первобытной орды, что он вынудил своих сыновей к воздержанию вследствие своей сексуальной нетерпимости и навязал им таким образом заторможенные в смысле цели привязанности, в то время как сам он сохранил для себя свободу сексуального наслаждения и остался, следовательно, не связанным. Все привязанности, на которых основана масса, имеют такой характер влечений, заторможенных в смысле цели. Но таким путем мы приблизились к обсуждению новой темы, которая имеет в виду отношение прямых сексуальных влечений к массе. Последние два замечания подготовили нас к тому, что прямые сексуальные стремления неблагоприятны для массы. Хотя в истории развития семьи существуют массовые отношения сексуальной любви (групповой брак), однако, чем большее значение приобретала половая любовь для "Я", чем больше развивалась влюбленность, тем настойчивее она требовала ограничения двумя лицами -*una cum uno*, -предназначенными природой для цели размножения. Полигамические наклонности должны были удовлетвориться последовательной сменой объекта. Оба лица, предназначенные для цели обоюдного сексуального удовлетворения, демонстрируют протест против стадного инстинкта, против

чувства массы: они ищут уединения. Чем сильнее они влюблены, тем больше удовлетворяют они друг друга. Протест против влияния массы сказывается как чувство стыда. Очень сильные чувства ревности призываются для того, чтобы предохранить выбор сексуального объекта от ущерба, который может быть нанесен массовой привязанностью. Половая связь одной пары в присутствии другой или одновременный половой акт в группе людей (как это бывает при оргии) возможны только в том случае, когда нежные, т. е. личные факторы любовного отношения целиком отступают на задний план в сравнении с грубочувственными. Но это является регрессией к более раннему состоянию половых отношений, когда влюбленность не играла еще никакой роли, а сексуальные объекты считались равноценными друг другу, приблизительно так, как зло сказал Бернард Шоу: быть влюбленным -это значит чудовищно переоценивать разницу между одной женщиной и другой. Есть много указаний на то, что влюбленность лишь позже вошла в сексуальные отношения между мужчиной и женщиной, так что несовместимость половой любви и массовой привязанности развилась поздно. Теперь может получиться такое впечатление, как будто это предположение несовместимо с нашим мифом о первобытной семье. Любовь к матерям и сестрам явилась для братьев стимулом к убийству отца, и трудно представить себе, чтобы эта любовь была исковерканной, непримитивной, т. е. она должна была соединять в себе нежную и грубо чувственную любовь. Однако при дальнейшем рассуждении это возражение становится подтверждением. Одной из реакций на убийство отца было установление тотемистической экзогамии, запрета, касавшегося какого бы то ни было сексуального отношения с женщинами, принадлежавшими к родной семье и нежно любимыми с самого детства. Этим был вбит клин между нежными и грубо чувственными побуждениями, клин, который прочно сидит еще и в настоящее время в любовной жизни⁴⁰. Вследствие этой экзогамии грубо чувственные потребности мужчин должны были удовлетворяться чужими и нелюбимыми женщинами. В больших искусственных массах, в церкви и войске, женщина, как сексуальный объект, не имеет места. Любовные отношения между мужчиной и женщиной остаются вне этих организаций. Даже там, где образуются массы, состоящие из мужчин и женщин, половое различие не играет никакой роли. Едва ли нужно спрашивать, имеет ли либидо, спаивающее массу, гомосексуальную или гетеросексуальную природу, так как оно не дифференцировано по полам и совершенно не имеет в виду генитальной организации либидо. Прямые сексуальные стремления также сохраняют до некоторой степени индивидуальную деятельность для человека, обычно растворяющегося в массе. Там, где они чрезвычайно усиливаются, они разрушают всякую массу. Католическая церковь имела веские мотивы рекомендовать верующим безбрачие и наложить на своих священнослужителей целибат, но влюбленность часто являлась и для духовных лиц стимулом к выступлению из церкви. Равным образом любовь к женщине разбивает массовые привязанности к расе, национальные рамки и социальные классовые перегородки и выполняет благодаря этому важные культурные задачи. Несомненно, что гомосексуальная любовь легче совместима с массовыми привязанностями даже там, где она проявляется как незаторможенное сексуальное стремление. Это -поразительный факт, объяснение которого завело бы нас слишком далеко. Психологическое исследование психоневрозов доказало нам, что их симптомы следует считать производными вытесненных, но оставшихся активными прямых сексуальных стремлений. Эту формулу можно дополнить:

симптомы могут также являться производными таких заторможенных в смысле цели стремлений, при которых торможение не совсем удалось или при которых имел место возврат к вытесненной сексуальной цели. Этому соотношению вполне соответствует тот факт, что человек становится под влиянием невроза асоциальным и отщепляется от привычных масс. Можно сказать, что невроз, подобно влюбленности, действует на массу разрушающе. Поэтому можно видеть, что там, где есть сильный стимул к образованию массы, там невроз отступает на задний план и может, по крайней мере, на некоторое время совсем исчезнуть. Были сделаны даже имеющие основание попытки применить эту несовместимость невроза и массы как терапевтическое средство. Даже тот, кто не сожалеет об исчезновении религиозных иллюзий из современного культурного мира, признает, что они являлись сильнейшей защитой от невротической опасности для людей, которых они связывали. Нетрудно также видеть во всех этих привязанностях к мистически-религиозным или философски-мистическим сектам и общинам выражение псевдолечения разных неврозов. Все это связано с противоположностью между прямыми и заторможенными в смысле цели сексуальными стремлениями. Невротик предоставлен самому себе, он должен заменить себе своими симптомами те огромные массы, из которых он выключен. Он создает себе свой собственный фантастический мир, свою религию, свою бредовую систему и повторяет, таким образом, институты человечества в искаженном виде, ясно свидетельствующем о сильнейшем участии прямых сексуальных стремлений⁴¹. Г. Приведем в заключение оценку с точки зрения либидиозной теории тех состояний, которые мы изучали: влюбленность, гипноз, массу и невроз. Влюбленность основана на одновременном существовании прямых и заторможенных в смысле цели сексуальных стремлений, причем объекту уделяется часть нарциссического "Я"-либидо. При влюбленности существует только "Я" и объект. Гипноз разделяет с влюбленностью ограничение этими двумя лицами, но он основан исключительно на заторможенных в смысле цели сексуальных стремлениях и ставит объект на место "Я"-идеала. Масса умножает этот процесс; она совпадает с гипнозом в природе спаивающих ее влечений и в замене "Я"-идеала объектом, но при ней присоединяется идентификация с другими индивидами, которая первоначально была возможна, вероятно, благодаря одинаковому отношению к объекту. Оба состояния, как гипноз, так и масса, являются наследственными осадками из филогенеза человеческого либидо; гипноз - как предрасположение, масса - сверх того как прямой пережиток. Замена прямых сексуальных стремлений стремлениями, заторможенными в смысле цели, способствует в обоих случаях обособлению "Я" и "Я"-идеала; начало этому было положено уже при влюбленности. Невроз выступает из этого ряда. Он также основан на своеобразности развития человеческого либидо, на прерванном, вследствие латентного периода, двукратном начале прямой сексуальной функции⁴². В этом отношении он разделяет с гипнозом и массой характер регрессии, которого избегает влюбленность. Он наступает всегда в тех случаях, где переход от прямых к заторможенным в смысле цели сексуальным стремлениям не вполне удался; он является выражением конфликта между впитанными в "Я" влечениями, проделавшими такое развитие, и частью тех влечений, которые из вытесненной бессознательной сферы стремятся к своему прямому удовлетворению (равно как и другие, совсем вытесненные влечения). По содержанию невроз чрезвычайно богат, так как обнимает все возможные отношения между "Я" и объектом: как те, в которых объект сохраняется, так и те, в которых от него отказываются или в которых

объектом служит само "Я"; сюда же относятся конфликтные отношения между "Я" и "Я"-идеалом.

1 Г. Лебон. "Психология народов и масс". Перевод с французского Я. Фридмана и Э. Пименовой. С.-Петербург, изд. Ф. Павленкова, 1896. 2 Ср. двустипшие Шиллера. Jeder, sieht man ihn einzeln, ist leidlich klug und verstandlich; Sind sie in corpore, gleich wird euch ein Dummkopf daraus.

3 Бессознательное правильно употребляется Лебоном в смысле описания там, где оно обозначает не только вытесненное. 4 См. Тотем и табу, III. "Анимизм, магия и всемогущество мыслей". Психологич. и психоаналитическая библиотека. Выпуск VI, Госиздат, 1924 г., Москва--Ленинград. 5 См. Тотем и табу. 6 См. текст и указатель литературы в "Psychologie der Kollektivitäten" В. Kraskovic (младший). Перевод с кроатского Siegmund von Posavec'a. Vukovar, 1915.

7 См. Walter Moede, "Die Massen-und Sozialpsychologie im kritischen Ueberblick", Zeitschrift fur padagogische Psychologie und experimentelle Padagogik von Meumann und Scheibner, XVI, 1915. 8 Cambridge, 1920. 9 "Instincts of the herd in peace and war". London, 1916. 10 Brugges, "L'essence du phomine social: la suggestion". Revue philosophique XXV. 1913. 11 Konrad Richter "Der deutsche S. Christoph". Berlin. 1896. Acta Germanica, V, 1. 12 Христофор несет Христа, Христос несет весь мир. Скажи же, куда Христофор поставил тогда свою ногу? 13 Mc Dougall в "Journal of Neurology and Psychopathology". Vol. I, № I, May 1920. "A note on suggestion". 14 Nachmansohn, "Freuds Libidotheorie verglichen mit der Eroslehre Platos". Intern. Zeitschr. f. Psychoanalyse III, 1915 Pfister ebd. VII, 1921. 15 "Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я -медь звенящая или кимвал звучащий", и т. д. 16 В дословном переводе "ihnen zuliebe" означает: "из любви к ним" (Я. К.). 17 Kriegsneurosen und "Psychisches Trauma", Munchen, 1918. 18 Ср. объяснение подобных же феноменов после исчезновения авторитета родины у P. Wedern'a. "Die vaterlose Gesellschaft", Wien, Anzengruber - Verlag, 1919. 19 Может быть, исключая только отношение матери к сыну, которое, будучи основано на нарциссизме, не нарушается позднейшим соперничеством и усиливается вследствие участия в выборе сексуального объекта. 20 См. "Zur Einfuhrung des Narzissmus", 1914, Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, vierte Folge. 1918. Русск. перевод. Вып. VIII. Психолог. и психоаналит. библиотека. 21 См. "Три статьи о теории полового влечения" и Abraham; "Untersuchungen uber die fruheste pragenitale Entwicklungsstufe der Libido". Intern. ZeiJshr. f. Psychoanalyse, IV, 1916, и его же "Klinische Beitrage zur Psychoanalyse". Intern. Psychoanalyt. Bibliothek. Bd. 10, 1921. 22 Markuszewicz, "Beitrag zum autistischen Denken bei Kindern Juternat". Zeitschr f. Psychoanalyse VI., 1920. 23 Zur Einfuhrung des Narzissmus l. с. см. русск, перев. Вып. VII Психол. и психоаналит. библиотеки. 24 См. "Теорию полового влечения" l. с. 25 "Uber die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens", Sammlung 4. Folge, 1918. Русск, перев. Вып. VIII. Психолог. и психоаналит. библиотека. 26 См. "Metapsychologische Eradnzung zur Traumlehre", Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, Vierte Folge, 1918. Русск. перев. Вып. III. Психолог. и психоаналит. библиотека. 27 W. Trotter, "Instincts of the Herd in Peace and War". London, 1916. 28 См. мою работу: "Jenseit des Lustprinzips" 1920. 29 См. лекции по введению в психоанализ, лекция 25, "Страх". Психологич. и психоаналит. библ. Вып. II. Госиздат 1922.

Москва -Ленинград. 30 Тотем и табу. Психологич. и психоаналит. библиотека. Вып. VI. Госиздат. 1924. Москва -Ленинград. 31 Das Unheimliche. Imago, V, 1919. 32 См. Тотем и табу. Психологич. и психоаналит. библиотека. Вып. VI, Госиздат 1923, Москва -Ленинград. См. также цитирован. там источники. 33 Ferenczi. "Introjektion und Ubertragung. Jahrbuch der Psychoanalyse", I, 1909. 34 "Jahrbuch der Psychoanalyse", VI, 1914. -Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, 4 Folge. Русск, перев. Вып. VIII психологич. и психоаналит. библиотеки. 35 "Печаль и меланхолия". Психолог. и психоаналит. библиотека. Вып. III, Госиздат 1923. Москва -Ленинград. 36 Тотем и табу. Психологич. и психоаналит. библиотека. Вып. VI. Госиздат, 1924. Москва -Ленинград. 37 Ср. Abraham, Ansätze zur psychoanalytischen Erforschung und Behandlung des manisch-depressiven Irreseins etc. 1912, in "Klinische Beiträge zur Psychoanalyse". 1921. 38 Перевод Л. Мея. 39 Ср. Hans Sachs v. Gemeinsame Tagtraume, Autoreferat eines Vortrags auf dem VI psychoanalytischen Kongress im Haag, 1920. "Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse", VI, 1920. 40 "Об унижении любовной жизни". Психолог. и психо-аналит. библиотека, вып. III; Госиздат, 1924. Москва -Ленинград. 41 См. Тотем и табу, конец II главы: Табу и амбивалентность. 42 См. Теорию полового влечения. Психологич. и психоаналит. библиотека. Вып. VIII, стр. 107. Госиздат, 1924 г.

Зигмунд Фрейд. О сновидении

Сост., научн.ред. М.Г.Ярошевский OCR: Anatoly Anfinogenov

I

Во времена, которые мы могли бы назвать преднаучными, люди не затруднялись в объяснении сновидения. Вспоминая его по пробуждении, они смотрели на него как на хорошее или дурное предзнаменование со стороны высших божественных или демонических сил. С расцветом естественнонаучного мышления вся эта остроумная мифология превратилась в психологию, и в настоящее время лишь весьма немногие из образованных людей сомневаются в том, что сновидение является продуктом психической деятельности самого видящего сон.

Но с отпадением мифологической гипотезы сновидение стало нуждаться в объяснении. Условия возникновения сновидений, отношение последних к душевной жизни во время бодрствования, зависимость их от внешних раздражений во время сна, многие чуждые бодрствующему сознанию странности содержания сновидения, несовпадение между его образами и связанными с ними аффектами, наконец, быстрая смена картин в сновидении и способ их смещения, искажения и даже выпадения из памяти наяву == все эти и другие проблемы уже много сотен лет ждут удовлетворительного решения. На первом плане стоит вопрос о значении сновидения == вопрос, имеющий двоякий смысл: во-первых, дело идет о выяснении психического значения сновидения, связи его с другими душевными процессами и его биологической функции; во-вторых, желательно знать, возможно ли толковать сновидение и имеет ли каждый элемент его содержания какойнибудь "смысл", как мы привыкли это находить в других психических актах.

В оценке сновидения можно заметить три направления. Одно из них, которое является как бы отзвуком господствовавшей прежде переоценки сновидения, находит себе выражение у некоторых философов, которые кладут в основу сновидения особенное состояние душевной деятельности, рассматриваемое ими даже как более высокая ступень в развитии духа; так, например, Шуберт утверждает, будто сновидение является освобождением духа от гнета внешней природы, освобождением души из оков чувственного мира. Другие мыслители не идут так далеко, но твердо держатся того мнения, что сновидения по существу своему проистекают от психических возбуждений и тех душевных сил, которые в течение дня не могут свободно проявляться (фантазия во сне == Шернер, Фолькельт). Многие наблюдатели приписывают сновидению способность к особо усиленной деятельности == по крайней мере в некоторых сферах, например в области памяти.

В противоположность этому мнению, большинство авторов-врачей придерживается того взгляда, что сновидение едва ли заслуживает названия психического проявления; по их мнению, побудителями сновидения являются исключительно чувственные и телесные раздражения, либо приходящие к спящему извне, либо случайно возникающие в нем самом; содержание сна, следовательно, имеет не больше смысла и значения, чем, например, звуки, вызываемые десятью пальцами несведущего в музыке человека, когда они пробегают по клавишам инструмента. Сновидение, согласно этому воззрению, нужно рассматривать как "телесный, во всех случаях бесполезный и во многих--болезненный процесс" (Винц). Все особенности сновидений объясняются бессвязной и вызванной физиологическими раздражениями работой отдельных органов или отдельных групп клеток погруженного в сон мозга.

Мало считаясь с этим мнением науки и не интересуясь вопросом об источниках сновидения, народная молва, по-видимому, твердо верит в то, что сон все-таки имеет смысл предзнаменования, сущность которого может быть раскрыта посредством какого-либо толкования. Применяемый с этой целью метод толкования заключается в том, что вспоминаемое содержание сновидения замещается другим содержанием == либо по частям на основании твердо установленного ключа, либо все содержание сновидения целиком заменяется каким-либо другим целым, по отношению к которому первое является символом. Серьезные люди обыкновенно смеются над этими стараниями: "сны == это пена морская".

II

К своему великому изумлению, я однажды сделал открытие, что ближе к истине стоит не взгляд врачей, а взгляд профанов, наполовину окутанный еще предрассудками. Дело в том, то я пришел к новым выводам относительно сновидения, после того как применил к последнему новый метод психологического исследования, оказавший уже мне большую услугу при решении вопросов о разного рода фобиях, навязчивых и бредовых идеях и пр. Многие исследователи-врачи справедливо указывали на многообразные аналогии между различными проявлениями душевной жизни во время сна и различными состояниями при психических заболеваниях наяву; так, что мне уже заранее представлялось бесполезным применить к

объяснению сновидения тот способ исследования, который оказал услуги при анализе психопатических явлений. Навязчивые идеи и идеи страха так же чужды нормальному сознанию, как сновидения == бодрствующему; происхождение тех и других для нашего сознания одинаково непонятно. Что касается представлений, то выяснять их источник и способ возникновения побуждал нас практический интерес; опыт показал, что выяснение скрытых от сознания путей, связывающих болезненные идеи с остальным содержанием сознания, дает возможность овладеть навязчивыми идеями и равносильно устранению их. Таким образом, примененный мною к объяснению сновидений способ берет свое начало в психотерапии.

Описать его легко, но пользоваться им можно лишь после известного навыка. Когда хотят применить этот способ к другому лицу, например к страдающему страхом больному, то последнему предлагают обыкновенно сосредоточить все внимание на своей болезненной идее, но не размышлять о ней, как он это часто делает, а стараться выяснить себе и сообщать тотчас врачу все без исключения мысли, которые ему приходят в голову по поводу данной идеи. Если больной станет утверждать, что его внимание ничего не может уловить, то необходимо энергично заявить, что такого рода отсутствие круга представлений совершенно невозможно. Действительно, вскоре у больного начинает всплывать ряд идей, за которыми следуют новые идеи; однако больной, производящий самонаблюдение, при этом обыкновенно заявляет, что выплывающие у него идеи бессмысленны или не важны, не относятся к делу и пришли ему в голову совершенно случайно, без всякой связи с данной задачей. Уже теперь можно заметить, что именно эта критика со стороны больного была причиной того, что данные идеи не высказывались и даже не сознавались им. Поэтому если удастся заставить больного отказаться от всякой критики по поводу приходящих в голову мыслей и продолжать отмечать мысленные ряды, выплывающие при напряженном внимании, то можно получить достаточный психический материал, который явно примыкает к взятой в качестве задачи болезненной идее, обнаруживает связь последней с другими идеями и дает возможность при дальнейшем исследовании заместить болезненную идею какой-либо новой, вполне гармонирующей с остальным содержанием психики.

Здесь я не могу подробно останавливаться на лежащих в основе этого опыта предпосылках и на выводах, которые можно сделать из его постоянных успехов; можно только указать, что всегда возможно получить достаточный для исчезновения болезненной идеи материал, если обращать внимание именно на "нежелаемые" ассоциации, "мешающие мышлению" и отстраняемые обыкновенно самокритикой больного, как бесполезный хлам. Когда желают применить этот метод к самому себе, необходимо при исследовании немедленно записывать все приходящие случайно в голову и непонятные сначала мысли.

Теперь посмотрим, к каким результатам приводит использование изложенного метода при исследовании сновидений. Для этого пригоден любой пример. Однако по определенным мотивам я возьму свое собственное сновидение, краткое по содержанию и в воспоминании представляющееся мне неясным и бессмысленным; содержание его, записанное мною немедленно по пробуждении, следующее:

"Общество за столом или табльдотом(*)... Едят шпинат... Г-жа Е. Л. сидит рядом со мною, вся повернувшись ко мне, и дружески кладет руку мне на колено. Я, отстраняясь, удаляю ее

руку. Тогда она говорит: "А у вас всегда были такие красивые глаза..." После этого я неясно различаю как бы два глаза на рисунке или как бы контур стеклышка от очков..." Это == все сновидение или по крайней мере все, что я могу о нем вспомнить. Оно кажется мне неясным и бессмысленным, а больше всего странным. Г-жа ==Е. Л.== женщина, с которой я был просто знаком и, насколько я сознаю, близких отношений никогда не желал; я уже давно не видел ее и не думаю, чтобы в последние дни о ней шла речь. Сновидение мое не сопровождалось никакими эмоциями; размышление о нем не делает мне его более понятным.

Теперь я без определенного намерения и без всякой критики буду отмечать приходящие мне в голову мысли, выплывающие при самонаблюдении; для этого полезно разложить сновидение на элементы и отыскивать примыкающие к каждому из них мысли.

Общество за столом или табльдотом.С этим связывается воспоминание о небольшом переживании, имевшем место вчера вечером. Я ушел из маленького общества в сопровождении друга, который предложил взять карету и отвезти меня домой. "Я,== сказал он,== предпочитаю карету с таксометром; это так занимательно: всегда имеешь перед собой что-то, на что можно глядеть". Когда мы сели в карету и кучер устанавливал таксометр, так что стали видны первые шестьдесят геллеров, я продолжил его шутку: "Мы только сели и уже должны ему шестьдесят геллеров". Карета с таксометром напоминает мне всегда табльдот; она делает меня скупым и эгоистичным, ибо непрестанно говорит о моем долге; мне все кажется, что долг слишком быстро растет, и я опасаясь, как бы мне не хватило денег, подобно тому как за табльдотом я не могу отделаться от смешного опасения, будто я получу слишком мало, если не буду заботиться о своей выгоде. В отдаленной связи с этим я продекламировал: "Вы сами жизнь даете нам; бедного вы делаете должником".

(* *Табльдот == общий обеденный стол по общему меню в пансионатах, в гостиницах, на курортах.==*
Примеч. ред. перевода.

Другая возникшая у меня мысль по поводу табльдота: несколько недель тому назад за общим столом в гостинице одного тирольского горного курорта я сердился на свою жену за то, что она, по моему мнению, была недостаточно официальна с некоторыми соседями, с которыми я не хотел иметь ничего общего. Я просил ее интере соваться больше мною, чем посторонними. Это == все равно, как будто меня обошли за табльдотом. Теперь мне приходит в голову противоположность между поведением моей жены за столом и поведением в моем сновидении г-жи Е. Л., которая вся повернулась ко мне.

Далее: я замечаю, что сновидение является воспроизведением небольшой сцены, происшедшей между мной и моей женой еще до женитьбы, во время моего ухаживания за ней. Нежное пожатие руки под скатертью послужило ответом на мое письмо с серьезным предложением. Но в сновидении жена моя замещена чуждой мне г-жой Е. Л.

Г-жа Е. Л.==дочь одного господина, которому я был должен. Не могу при этом не заметить, что здесь обнаруживается неожиданная связь между элементами сновидения и приходящими мне в голову мыслями. Если следовать за цепью ассоциаций, которые вытекают из какого-либо элемента содержания сновидения, то можно скоро прийти к другому элементу этого же содержания. Мысли, приходящие в голову по поводу сновидения, восстанавливают те

связи, которые в самом сновидении не видны.

Когда кто-либо полагает, что другие станут заботиться о нем без всякой пользы для себя, разве не предполагают обыкновенно задать такому простаку иронический вопрос: "Что же вы думаете, что то или иное делается ради ваших прекрасных глаз?" С этой точки зрения слова г-жи Е. Л. в сновидении == "у вас всегда были такие прекрасные глаза" == означают не что иное, как == "люди вам всегда оказывали услуги; вы все даром получали". Конечно, в действительности всегда было наоборот: за все то хорошее, что мне делали другие, я платил дорого; но, по-видимому, на меня все-таки произвело впечатление то обстоятельство, что мне вчера даром досталась карета, в которой мой друг отвез меня домой.

Кроме этого, приятель, у которого мы вчера были в гостях, часто заставлял меня оставаться перед ним в долгу; лишь недавно я не воспользовался случаем отплатить ему. Между прочим, у него имеется единственный подарок от меня == античная чаша с нарисованными по краям ее глазами для защиты от "дурного глаза". Кстати, приятель этот == глазной врач; в этот же вечер я спрашивал его о пациентке, которую направил к нему для подбора очков.

Я замечаю, что почти все отрывки сновидения приведены в новую связь. Однако вполне естественно было бы спросить, почему в сновидении на столе фигурирует именно шпинат? Дело в том, что шпинат напоминает мне маленькую сцену, происшедшую недавно за нашим семейным столом, когда мой ребенок == как раз тот, у которого действительно красивые глаза,==отказывался есть шпинат. В детстве я точно так же вел себя: шпинат долгое время был мне противен, пока мой вкус не изменился и зелень эта сделалась моим любимым блюдом; воспоминание о последнем сближает, следовательно, мои вкусы в детстве с вкусами моего ребенка. "Будь доволен, что у тебя есть шпинат,== сказала мать маленькому гурману,== есть дети, которые были бы очень рады и этому кушанью". Это течение мыслей напоминает мне об обязанностях родителей по отношению к детям, и в этой связи слова Гете: "Вы сами жизнь даете нам; бедного вы делаете должником" == приобретают новый смысл.

Здесь я останавлиюсь, чтобы рассмотреть полученные до сих пор результаты анализа сновидения. Следуя за ассоциациями, выплывающими непосредственно за отдельными вырванными из общей связи элементами сновидения, я пришел к ряду мыслей и воспоминаний, которые обнаруживают значимые переживания моей душевной жизни. Этот добытый посредством анализа сновидения материал находится в тесной связи с содержанием сновидения, но связь эта все-таки такова, что я никогда не мог бы получить этот новый материал из самого содержания сновидения. Сновидение не сопровождалось никакими эмоциями, было бессвязно и непонятно; однако, когда всплывают скрытые в сновидении мысли, я испытываю сильные и вполне обоснованные эмоции. Мысли сами соединяются в логически связанные ряды, & центре которых повторно появляются некоторые представления; в нашем примере такими не выступающими в самом сновидении представлениями являются: противоположности своекорыстное == бескорыстное и быть должным == делать даром. В этой полученной из анализа ткани я мог бы крепче стянуть нити и показать, что последние сходятся в одном общем узле; но соображения не научного, а частного характера не позволяют мне произвести эту работу публично: дело в том, что я вынужден был бы тогда сообщать многое из

того, что должно остаться моей тайной, так как при анализе своего сновидения я уяснил себе такие факты, в которых неохотно признаюсь самому себе. Но почему в таком случае я не изберу для анализа другое сновидение, чтобы анализ его мог скорее убедить в точности смысла и правильности связи полученного из него материала? На это можно ответить, что каждое сновидение, которым я займусь, неизбежно приведет меня к тем же неохотно сообщаемым фактам и побудит к такому же умалчиванию. Этого затруднения я не избежал бы также и в том случае, если бы стал анализировать сновидение другого лица; разве только обстоятельства позволили бы отбросить всякие умалчивания без вреда для доверяющегося мне лица.

Уже теперь приходит в голову идея, что сновидение является как бы заместителем того богатого чувствами и содержанием хода мыслей, к которому мы пришли после анализа. Я еще не знаю процесса, путем которого из этих мыслей возникло данное сновидение, но я вижу, что неправильно рассматривать это сновидение как чисто телесное, психически незначимое явление, возникшее будто бы благодаря изолированной деятельности отдельных групп клеток спящего мозга.

Кроме того, я замечаю еще две вещи: во-первых, содержание сновидения гораздо короче тех мыслей, заместителем которых я его считаю, и, во-вторых, анализ обнаружил в качестве побудителя сновидения ничтожный случай, имевший место накануне вечером.

Я, конечно, не стал бы делать так далеко идущих выводов, если бы в моем распоряжении был анализ только одного сновидения;

но опыт показал мне, что, следуя без критики за ассоциациями, я при анализе любого сновидения прихожу к такому же ряду мыслей, связанных между собой по смыслу и правильным образом. Вот почему не следует думать, что обнаруженная при первом анализе связь может оказаться случайным совпадением. Теперь я считаю себя вправе зафиксировать свою новую точку зрения в определенных терминах. Сновидение, как оно вспоминается мне, я противопоставляю полученному при анализе материалу и называю первое (т. е. сновидение) явным содержанием сновидения, а второй (т. е. материал) == пока без дальнейшего разграничения == скрытым содержанием сновидения. Теперь нам предстоит разрешить две новые задачи: 1) каков тот психический процесс, который превратил скрытое содержание сновидения в явное, знакомое мне по оставленному в памяти следу, и 2) каков тот или те мотивы, которые вызвали такое превращение? Процесс переработки скрытого содержания сновидения в явное я буду называть работой сновидения; противоположная этому работа, ведущая к обратному превращению, знакома уже нам как работа анализа. Остальные проблемы сновидения == вопрос о побудителях сновидений, о происхождении их материала, о смысле и функции сновидений, о причинах забывания последних == все это я буду обсуждать при анализе не явного, а вновь обнаруженного скрытого содержания сновидения.

Так как все встречающиеся в литературе противоречивые и неправильные взгляды на сновидения можно объяснить незнакомством авторов со скрытым содержанием сновидения, которое может быть вскрыто только путем анализа, то я впредь самым тщательным образом буду избегать смешения явного сновидения со скрытыми его мыслями.

III

Превращение скрытых мыслей сновидения в явное его содержание заслуживает нашего полного внимания как первый пример перехода одного способа выражения психического материала в другой: из способа выражения, понятного нам без всяких объяснений, в такой способ, который становится понятным лишь с трудом и при наличии определенных указаний. Принимая во внимание отношение скрытого содержания сновидения к явному, можно разделить сновидения на три категории. Во-первых, мы различаем сновидения вполне осмысленные, понятные, т. е. допускающие без дальнейших затруднений объяснение их с точки зрения нашей нормальной душевной жизни. Таких сновидений много; они по большей части кратки и в общем кажутся нам не заслуживающими особого внимания, так как в них отсутствует все то, что могло бы пробудить наше удивление и показаться нам странным. Между прочим, существование таких сновидений является сильным аргументом против учения, которое объясняет возникновение сновидений изолированной деятельностью отдельных групп мозговых клеток: в этих сновидениях мы не находим никаких признаков пониженной или расстроенной психической деятельности; тем не менее мы никогда не сомневаемся в том, что имеем дело со сновидениями, и не смешиваем их с продуктами бодрствующего сознания. Другую группу образуют сновидения, которые, будучи связными и ясными по смыслу, все-таки кажутся нам странными, потому что мы не можем связать их смысл с нашей душевной жизнью. С таким случаем мы имеем дело, когда нам, например, снится, будто какой-то близкий родственник умер от чумы, между тем как у нас нет никаких оснований ожидать, опасаться или предполагать это; мы тогда спрашиваем себя с удивлением, откуда пришла нам в голову такая идея? Наконец, к третьей группе относятся сновидения, лишенные смысла и непонятные, т.е. представляющиеся нам бессвязными, спутанными и бессмысленными. Подавляющее большинство продуктов нашего сновидения обнаруживает такой именно характер, которым объясняются и презрительное отношение к сновидениям, и врачебная теория о сужении душевной деятельности во сне; тем более, что в длинных и сложных построениях сновидений всегда усматриваются ясные признаки бессвязности.

Противопоставление явного и скрытого содержания сновидения, очевидно, имеет значение только для сновидений второй и еще более третьей категории; здесь мы встречаемся с загадками, которые исчезают лишь после замещения явного сновидения скрытыми его мыслями, и потому для приведенного выше анализа мы избрали в качестве примера такое именно спутанное и непонятное сновидение. Однако, против всякого ожидания, мы столкнулись с мотивами, которые помешали нам вполне ознакомиться со скрытыми мыслями сновидения; вследствие же повторения подобных случаев и при других анализах мы пришли к предположению, что между непонятным и спутанным характером сновидения, с одной стороны, и затруднениями при сообщении скрытых мыслей сновидения == с другой, имеется какая-то интимная и закономерная связь. Прежде чем исследовать природу этой связи, полезно будет ознакомиться с более понятными сновидениями первой категории, в которых явное и скрытое содержание совпадают, т.е. которые обходятся без работы сновидения.

Исследование этих сновидений полезно еще с другой точки зрения. Сновидения детей всегда имеют такой именно характер, т. е. осмысленный и нестранный; между прочим, это

обстоятельство является новым аргументом против объяснения сновидения расстроенной деятельностью мозга во время сна, ибо == почему у взрослого такое понижение психических функций нужно считать характерным Для сонного состояния, а у ребенка не нужно? И мы вправе ожидать, что выяснение психических процессов у ребенка, у которого они значительно упрощены, окажется необходимой предварительной ра ботой для ознакомления с психологией взрослого. Итак, я приведу несколько сновидений детей.

Девочку 19 месяцев от роду целый день держат на диете, так как ее утром рвало и, по словам няни, она повредила себе земляничкой. Ночью после этого голодного дня няня слышала, как девочка во сне называла свое имя и при этом прибавляла: "земляника, малина, яичко, каша". Ей, следовательно, снится, будто она ест, и из своего меню она указывает как раз на то, что в ближайшем будущем, по ее мнению, ей мало будут давать. Подобным же образом 22-месячному мальчику, который за день перед тем подарил своему дяде корзинку свежих вишен, отдавая из них только несколько штук, снится запрещенный плод; он пробуждается с радостным известием: "Герман съел все вишни". Девочка 3 1/4 года совершила днем по озеру прогулку, которая показалась ей недостаточно продолжительной, и девочка при высаживании плакала. На другое утро она рассказала, что каталась ночью по озеру, т.е. продолжила прерванную прогулку. Мальчик 5 1/4 года остался недоволен прогулкой пешком в окрестности горы Дахштейн; как только показывалась новая гора, он осведомлялся, не Дахштейн ли это, а затем отказался продолжить путь к водопаду. Его поведение приписывали усталости, но оно нашло лучшее объяснение, когда мальчик на следующее утро сообщил свой сон, будто он поднялся на гору Дахштейн. Очевидно, он полагал, что прогулка имеет целью подъем на Дахштейн, и потому был огорчен, когда ему не удалось увидеть желанную гору. Во сне он получил то, чего ему не дал день. Подобный же сон видела шестилетняя девочка, отец которой прервал прогулку с нею, не дойдя до намеченной цели ввиду позднего времени. На обратном пути она обратила внимание на путевой столб, указывающий дорогу к другому месту прогулок, и отец пообещал повести ее туда в другой раз. На следующее утро она встретила отца с известием о том, что ей снилось, будто она с отцом в том и другом месте.

Во всех этих детских сновидениях бросается в глаза одна общая черта: все они исполняют желания, которые зародились днем и остались неудовлетворенными; эти сновидения являются простыми и незамаскированными исполнениями желаний.

Не чем иным, как исполнением желания, является и следующий на первый взгляд не совсем понятный детский сон. Девочка, около четырех лет от роду, заболевшая детским параличом, была привезена из деревни в город; здесь она переночевала у тетки в большой == для нее, конечно, чересчур большой == кровати. На следующее утро она рассказала свой сон, будто кровать была ей слишком мал а, так что ей не хватало места. Это сновидение легко объяснить с точки зрения исполнения желаний, если вспомнить, что дети часто выражают желание "быть б о л ь ш и м". Величина кровати слишком подчеркивала маленькой гостье ее собственную величину; поэтому она во сне исправила неприятное ей соотношение и сделалась такой большой, что большая кровать оказалась для нее слишком маленькой.

Если даже содержание детских сновидений усложняется и утончается, все-таки в них легко увидеть исполнение желаний. Восемилетнему мальчику снилось, будто он с Ахиллесом

ехал на колеснице, которой правил Диомед. Как оказалось, он за день перед тем увлекся чтением сказаний о греческих героях: легко доказать, что он взял этих героев за образец, сожалел, что не жил в их время.

Из этого небольшого числа сновидений выясняется второе характерное свойство детских сновидений: их связь с жизнью в течение дня. Исполняемые в сновидениях желания оставались от предыдущего дня, причем наяву они сопровождались интенсивными эмоциями. Несущественное и безразличное или то, что кажется таковым ребенку, не находит себе места в сновидениях.

Среди взрослых можно также собрать много примеров подобных сновидений детского типа, но они, как мы упоминали, большей частью кратки. Так, например, многим лицам при жажде ночью снится, будто они пьют; здесь сновидение стремится устранить раздражение и продлить сон. У других бывают часто такие "удобные" сновидения перед пробуждением, когда приближается время вставать; им тогда снится, что они уже встали, находятся около умывальника или уже в училище, конторе и прочее, где они должны быть в определенное время. В ночь перед поездкой куда-либо нередко снится, будто мы уже приехали к месту назначения; перед поездкой в театр или в общество сновидение нередко предвосхищает == как бы вследствие нетерпения == ожидаемое удовольствие. В других случаях сновидения выражают исполнение желаний не в столь прямой форме; тогда, чтобы распознать скрытое желание, необходимо установить какую-нибудь связь или сделать какой-нибудь вывод, т. е. необходимо начать работу толкования. Так, например, в случае, когда муж сообщает мне сновидение его молодой жены, будто у нее наступили месячные, надо не упускать из виду, что каждая молодая женщина при прекращении месячных подозревает о беременности. Ввиду этого сновидение содержит указание на беременность и его смысл в том, что оно исполняет желание не забеременеть. В необычных и экстремальных условиях сновидения такого инфантильного характера особенно часты. Руководитель одной полярной экспедиции сообщает, например, что его команде во время зимовки во льдах с однообразным питанием и скудным рационом регулярно, как детям, снились сны о великолепных обедах, кучах табаку и о том, что они дома.

Весьма нередко из длинного, сложного и в общем случае спутанного сновидения выделяется особенно ясно один отрывок, в котором легко можно узнать исполнение желания, но который в то же время спаян с другим непонятным материалом. При попытке анализировать самые, по-видимому, прозрачные сновидения взрослых приходится часто с удивлением констатировать, что они редко бывают такими простыми, как детские сны, и что за исполнением желания в них кроется еще другой смысл.

Решение загадок сновидений было бы, конечно, простым и удовлетворительным, если бы работа анализа давала нам возможность сводить также бессмысленные и спутанные сновидения взрослых к инфантильному типу исполнения какого-либо интенсивно ощущаемого желания дня. Внешние признаки, конечно, не указывают на подобную возможность: сновидения взрослых по большей части наполнены самым безразличным и посторонним материалом, который отнюдь не указывает на исполнение желаний.

Прежде чем расстаться с детскими сновидениями == этими незамаскированными

исполнениями желаний, нам хотелось бы указать еще на одно давно замеченное главное, характерное свойство, которое именно в этой группе обнаруживается в самом чистом виде. Дело в том, что каждое из этих сновидений можно заменить одним пожеланием: "ах, если бы прогулка по озеру еще продлилась" == "если бы я был уже умыт и одет" == "мне бы следовало припрятать вишни вместо того, чтобы давать их дяде". Но сновидение содержит в себе больше, чем одно пожелание: последнее является во сне уже исполненным, причем это исполнение представляется как бы реальным и совершающимся на глазах; материал сновидения состоит преимущественно, хотя и не исключительно, из ситуаций и по большей части из зрительных образов. Таким образом, в этой группе можно обнаружить своего рода частичную переработку, которую следует считать работой сновидения: мысли, выражающие пожелание на будущее, замещены картиной, протекающей в настоящем.

IV

Мы склонны допустить, что и в спутанных сновидениях имеет место подобное преобразование в ситуацию, хотя и нельзя знать, содержатся ли в них пожелания. Сообщенный вначале пример сновидения, в анализ которого мы несколько углубились, дает нам == по крайней мере в двух случаях == повод предполагать нечто подобное. При анализе я встречаюсь с тем фактом, что жена моя за столом интересуется другими, причиняя мне этим неприятность; в сновидении же содержится прямо противоположная картина: женщина, замещающая мою жену, вся поворачивается ко мне. Не дает ли неприятное переживание лучший повод к проявлению желания, чтобы дело обстояло наоборот? Это и происходит во сне. В такой же связи находится неприятная при анализе мысль, что мне ничего не доставалось даром, со словами женщины в сновидении: "У вас ведь всегда были такие красивые глаза". Таким образом, противоречия между явным и скрытым содержанием сновидения могут быть частью сведены к исполнению желаний.

Гораздо более бросается в глаза другой результат работы сновидения, который ведет к возникновению бессвязных сновидений. Если сравнить на любом примере количество образов в сновидении с числом скрытых его мыслей, добытых путем анализа и лишь едва прослеживающихся в самом сновидении, то нельзя сомневаться в том, что работа сновидения производит прекрасную концентрацию или сгущение. Вначале трудно составить себе представление о масштабе этого сгущения, но оно производит тем большее впечатление, чем глубже удастся проникнуть в анализ сновидения. Тогда нельзя найти ни одного элемента сновидения, от которого бы ассоциативные нити не расходились по трем или более направлениям, ни одной ситуации, которая бы не была составлена из трех или более впечатлений и переживаний. Так, например, мне приснилось однажды нечто вроде бассейна, в котором по всем направлениям плавали купающиеся; в одном месте на краю бассейна стоял человек, наклонившись к одному купающемуся, как бы с намерением вытащить его. Ситуация была составлена из воспоминания об одном переживании в период полового созревания и из двух картин, одну из которых я видел незадолго перед сновидением. Картины эти изображали "Испуг в купальне" из швиндовского цикла "Прекрасная Мелузина" (см. разбегающихся купальщиц) и "Проточные воды" какого-то итальянского художника; маленькое же

переживание заключалось в том, что мне пришлось однажды увидеть, как учитель плавания в купальне помогал выйти из воды одной даме, которая замешкалась до наступления назначенного для мужчин времени.

Ситуация в избранном для анализа примере вызывает у меня при анализе небольшой ряд воспоминаний, каждое из которых внесло кое-что в содержание сновидения. Прежде всего это == маленькая сценка из периода моего ухаживания, о которой я уже говорил; имевшее тогда место рукопожатие под столом внесло в сновидение подробность "под столом", о которой я вспомнил позднее. О "поворачивании" ко мне тогда, конечно, не было речи; но из анализа я знаю, что этот элемент является исполнением желания в силу контраста и относится к поведению моей жены за табльдотом. За этим недавним воспоминанием скрывается подобная же, но более важная сцена после нашей помолвки, которая привела даже к ссоре на целый день. Доверчивость и опускание руки на колено относится к совсем иной связи воспоминаний и к совершенно другим лицам; этот элемент сновидения становится, в свою очередь, исходным пунктом двух новых отдельных рядов воспоминаний и т. д.

Скрытые мысли сновидения, соединяющиеся для представления ситуации в сновидении, должны, конечно, заранее быть годными для этой цели: во всех составных частях должны быть налицо один или несколько общих элементов. Сновидение производит такую же работу, как Фрэнсис Гальтон при производстве своих фамильных фотографий: сновидение как бы накладывает друг на друга различные составные части; поэтому в общей картине на первый план отчетливо выступают общие элементы, а контрастирующие детали почти взаимно уничтожаются. Такой процесс объясняет отчасти также и своеобразную спутанность многочисленных элементов сновидения. Исходя из этого, необходимо при толковании сновидений придерживаться следующего правила: если при анализе можно какую-нибудь неопределенность разрешить каким-либо "или == ил и", то при толковании нужно заменить эту альтернативу посредством "и", сделав каждый член ее исходным пунктом для независимого ряда вновь всплывающих мыслей.

Если между скрытыми мыслями сновидения нет общих частей и, то работа сновидения стремится создать их, чтобы сделать возможным общее изложение. Лучший способ сблизить две скрытые мысли, не имеющие ничего общего, заключается в изменении словесного выражения одной из них, соответственно которому изменяется и выражение другой мысли. Это такой же процесс, как и стихосложение, при котором созвучие заменяет искомую общую часть. Большая часть работы сновидения заключается в создании подобных == часто очень остроумных, но часто также и натянутых == связующих мыслей; последние, исходя из общей картины сновидения, простираются до скрытых его мыслей, которые бывают различны по форме и содержанию и выплывают лишь при анализе сновидения. Точно так же и при анализе взятого нами сновидения мы встречаемся с подобным случаем внешнего изменения мысли для согласования ее с другой, по существу "чуждой ей мыслью. Так, при продолжении анализа я наталкиваюсь на следующую мысль: я хотел бы разок также получить что-нибудь даром. Но эта фраза непригодна для общего содержания сновидения и потому заменена другой формой: я хотел бы насладиться чем-нибудь без расходов (Kosten). Последнее слово вторым своим значением [в немецком языке] (пробовать) годится уже для круга идей при табльдоте и может

быть применено к фигурирующему в сновидении шпинату. Когда подают на стол какое-нибудь блюдо, от которого дети отказываются, то мать пытается, конечно, сначала ласково уговорить детей: попробуйте хоть немного. Конечно, нам может показаться странным, что работа сновидения так ловко пользуется двойным смыслом слов; но опыт показал, что это == самое обыкновенное явление.

Сгущением образов в сновидении объясняется появление некоторых элементов, свойственных только ему и не находимых в нашем сознании наяву. Таковы составные и смешанные лица и странные смешанные образы, которые можно сравнить с созданными народной фантазией на Востоке причудливыми животными; последние, однако, имеют в нашем представлении определенную застывшую форму, между тем как сновидение постоянно создает новые сложные образы в неисчерпаемом богатстве. Каждый знаком с такими созданиями по своим собственным сновидениям. Способы их образования весьма различны. Я могу создать составной образ лица, либо наделяя его чертами двух разных лиц, либо давая ему облик одного, а имя другого, либо представляя себе визуально одно лицо и ставя его в положение, в котором находилось другое. Во всех этих случаях соединение различных лиц в одного их представителя в сновидении вполне осмысленно: оно имеет в виду сопоставление оригиналов с известной точки зрения, которая может быть упомянута и в самом сновидении. Но обыкновенно только путем анализа можно отыскать эти общие черты слитых в одно лиц, а образование таких лиц в сновидении лишь намекает на эти общие черты.

Таким же многообразным путем и по тем же причинам возникают неизмеримо богатые по содержанию композиции сновидения, примеров которых я не стану приводить. Они перестанут казаться странными, если не сопоставлять их с объектами восприятия наяву, а иметь в виду, что они представляют собой результат сгущения образов сновидения и выделяют в сокращенном виде общие черты скомбинированных таким образом объектов. Но эта общность и в данном случае выясняется по большей части только путем анализа; работа сновидения как бы говорит: все эти явления имеют какой-то общий X. Разложение этих композиций путем анализа часто ведет кратчайшим путем к истолкованию сновидения. Так, мне снилось однажды, что я сижу на одной скамье с одним из своих прежних университетских учителей, причем скамья эта начинает быстро двигаться среди других скамей. Эта картина является комбинацией аудитории с Trottoir roulant (*), дальнейшее развитие мысли я не прослеживаю. В другой раз во сне я сижу в вагоне и держу на коленях какой-то предмет, имеющий форму шляпы-цилиндра и сделанный из прозрачного стекла. По поводу этой картины мне тотчас приходит в голову пословица: со шляпой в руке можно пройти по всей стране (**). Стекланный цилиндр напоминает косвенно ауэровскую горелку (***), и я тут же узнаю, что хотел бы изобрести что-нибудь, что помогло бы мне сделаться таким же богатым и независимым, как мой земляк д-р Ауэр фон Вельсбах: тогда я мог бы путешествовать вместо того, чтобы сидеть в Вене. В сновидении я путешествую со своим изобретением == стеклянной шляпой-цилиндром, которая, впрочем, еще не вошла в употребление. Особенно охотно работа сновидения соединяет в одной комбинации два противоречащих друг другу представления. Так, например, одна женщина видит во сне у себя в руках высокий цветочный стебель, как у ангела на картинах благовещения девы Марии (ее называют == непорочная дева Мария); но стебель покрыт большими белыми цветами, похожими на камелии (противоположность непорочности == дама с камелиями).

(*) *Trottoir roulant* == движущийся тротуар. == Примеч. ред. перевода.

(**) Дословный перевод немецкой пословицы. По смыслу примерно соответствует русской: "На добрый привет == добрый ответ". == Примеч. ред. перевода.

(***) *Auэровская горелка* == одна из типов газовых горелок, используемых в начале века для освещения. == Примеч. ред. перевода.

Большую часть того, что мы узнали относительно происхождения образов во сне, можно выразить в следующей формуле: каждый элемент сновидения в избытке определяется скрытыми мыслями сновидения и обязан своим происхождением не одному элементу этих мыслей, а целому ряду их; однако последние не тесно связаны между собой, а относятся к различным областям переплетения мыслей. В содержании сновидения каждый элемент является по существу выражением всего этого разнообразного материала. Помимо того, анализ вскрывает еще и другую сторону сложного соотношения между содержанием сновидения и скрытыми его мыслями: подобно тому, как от каждого элемента сновидения идут нити ко многим скрытым мыслям, так и каждая скрытая мысль сновидения выражается обыкновенно не одним, а несколькими элементами сновидения; ассоциативные нити не идут просто от скрытых мыслей к содержанию сновидения, а многократно скрещиваются и переплетаются.

Наряду с превращением мыслей в ситуацию ("драматизацией") наиболее важным и своеобразным признаком работы сновидения является сгущение. Но до сих пор нам еще ничего не известно о мотивах, побуждающих нас к такому сгущению содержания.

V

В сложных и спутанных сновидениях, которыми мы теперь заняты, нельзя объяснить все несходство между содержанием сновидения и скрытыми его мыслями только сгущением и драматизацией. Имеются доказательства влияния еще и третьего фактора, который заслуживает тщательного исследования.

Когда мне удастся путем анализа докопаться до скрытых мыслей сновидения, то я прежде всего замечаю, что явное содержание сновидения состоит совсем из другого материала, чем скрытое. Конечно, это == только внешняя разница, исчезающая при внимательном исследовании, ибо в результате все содержание сновидения можно найти в скрытых мыслях и почти все эти мысли находят себе выражение в содержании сновидения. Но из этой разницы все-таки кое-что остается еще после анализа. То, что в сновидении выступало отчетливо на первый план как существенное, должно после анализа удовлетвориться весьма подчиненной ролью среди других скрытых мыслей сновидения; наоборот, те из последних, которые по свидетельству моих чувств имеют право на самое большое внимание в сновидении, либо совсем отсутствуют, либо выражены отдаленными намеками в неясных частях его. Это явление я могу описать еще следующим образом: во время работы сновидения психический акцент смещается с мыслей и представлений, которыми они обладают по праву, к другим, не имеющим, по моему суждению, никакого права на такое выделение; ни один процесс не помогает так сильно, как этот, скрыть смысл сновидения и сделать непонятной связь между

содержанием сновидения и скрытыми его мыслями. Во время этого процесса, который я назову смещением в сновидении, наблюдается также замещение психического напряжения, значимости и аффективной наполненности мыслей живостью образов. Наиболее ясное в содержании сновидения кажется обыкновенно самым важным, между тем как раз в неясной части сна часто можно обнаружить самую непосредственную связь с наиболее существенной скрытой мыслью сновидения.

То, что я назвал смещением в сновидении, можно было бы назвать также переоценкой психических ценностей. Для полной оценки данного явления необходимо еще указать на то, что эта работа смещения, или переоценки, весьма неодинакова в различных сновидениях: бывают сновидения, образовавшиеся почти без всякого смещения и являющиеся в то же время вполне осмысленными и понятными, каковы, например, незамаскированные исполнения желаний в сновидении; в других сновидениях, наоборот, ни одна из скрытых мыслей не сохранила своей собственной психической ценности и все существенное скрытых мыслей замещено второстепенным. Между этими двумя формами наблюдается целый ряд постепенных переходов: чем темнее и спутаннее сновидение, тем большее участие в его создании можно приписать процессу смещения.

Избранный нами для анализа пример обнаруживает такое смещение, в силу которого содержание сновидения и скрытых его мыслей имеет центры в разных пунктах: в сновидении на первый план выступает ситуация, будто какая-то женщина делает мне авансы; в скрытых же мыслях центр тяжести покоится на желании отведать разок бескорыстную любовь, "которая ничего не стоит"; последняя мысль скрывается только за разговорами о красивых глазах и отдаленным намеком в слове "шпинат".

Исправляя путем анализа произведенное в сновидении смещение, мы приходим к совершенно неоспоримым выводам относительно двух спорных проблем сновидения, именно: относительно побудителей сновидения и связи последнего с бодрствованием. Есть сновидения, которые сразу обнаруживают свою связь с дневными переживаниями; в других же нельзя отыскать этой связи. Однако анализ доказывает, что каждое сновидение без исключения связано с каким-либо впечатлением последних дней или, вернее, последнего дня перед сновидением. Впечатление, играющее роль побудителя сновидения, может быть так значительно, что наяву нас не удивляет интерес к нему; в этом случае мы справедливо считаем сновидение продолжением важных интересов дня. Но обыкновенно, если содержание сновидения имеет какое-либо отношение к дневному впечатлению, последнее бывает так ничтожно и так легко забывается, что мы лишь с трудом припоминаем его. Сновидение, будучи даже связным и понятным, как будто интересуется самыми безразличными мелочами, которые наяву не могли бы вызвать никакого интереса. Пренебрежение к сновидению в значительной степени объясняется тем, что оно оказывает такое предпочтение безразличному и неважному.

Но анализ разрушает внешнюю видимость, с которой связана эта низкая оценка сновидения. Там, где сновидение выставляет на первый план в качестве побудителя безразличное впечатление, анализ обыкновенно обнаруживает значительное и справедливо волнующее переживание, которое в сновидении входит в обширные ассоциативные связи с безразличным переживанием и замещается им. Там, где сновидение занято лишенными

значения и интереса представлениями, анализ вскрывает многочисленные связи, соединяющие это неважное с весьма значимым. Когда мы в содержании сновидения находим безразличное впечатление вместо волнующего и безразличный материал вместо интересного, то это нужно рассматривать как результат работы смещения.

Придерживаясь теперь взглядов, выработанных нами при замещении явного содержания сновидения скрытым, нужно на вопрос о побудителях сновидения и о связи последнего с повседневной жизнью ответить следующим образом: сновидение никогда не интересуется тем, что не могло бы привлечь нашего внимания днем, и мелочи, не волнующие нас днем, не в состоянии преследовать нас и во сне.

Каков же побудитель сновидения в избранном нами для анализа примере? Это == незначительное переживание, заключающееся в том, что приятель дал мне возможность проехаться даром в карете. Картина за табльдотом в сновидении содержит намек на этот незначительный факт, ибо в разговоре с приятелем я привел карету с таксометром в параллель с табльдотом. Но я могу также указать и на важное переживание, которое замещено во сне этим незначительным: несколько дней перед тем я истратил много денег на одного дорогого мне члена моей семьи. И вот скрытые мысли сновидения как бы говорят: было бы несколько не удивительно, если бы то лицо отблагодарило меня == любовь его не была бы бесплатной. Бесплатная же любовь, по-видимому, стоит среди моих скрытых мыслей на первом плане. И то обстоятельство, что я с указанным родственником незадолго перед тем несколько раз ездил в карете, приводит к тому, что поездка с моим приятелем напоминает мне об отношениях к первому. Для того чтобы какое-нибудь незначительное переживание могло сделаться побудителем сновидения, необходимо еще одно условие, не нужное для действительного источника сновидения: это переживание должно быть всегда недавним, т. е. относиться ко дню перед сновидением.

Я не могу оставить вопроса о смещении сновидений, не упомянув еще об одном удивительном явлении, которое наблюдается при образовании сновидения под влиянием сгущения и смещения. При рассмотрении сгущения мы уже имели возможность познакомиться с таким случаем, когда два скрытых за сновидением представления, имея что-либо общее между собой или какую-нибудь точку соприкосновения, замещаются в сновидении смешанным представлением, в котором более ясная суть соответствует общим, а неясные подробности == частным чертам обоих представлений. Если к этому сгущению присоединяется еще и смещение, то образуется не смешанное представление, а некое общее среднее, которое относится к отдельным элементам так, как в параллелограмме сил составляющие относятся к равнодействующей. Так, например, в одном из моих сновидений речь идет о впрыскивании пропилена. При анализе я прежде всего нахожу в качестве побудителя сновидения незначительное переживание, в котором некоторую роль играет амилен (химический препарат). Пока я еще не могу объяснить смешения амилена с пропиленом. Но к кругу идей того же сновидения относится еще воспоминание о первом посещении Мюнхена, где на меня произвели сильное впечатление Пропилеи. Дальнейший анализ позволяет высказать предположение, что смещение с амилена на пропилен было обусловлено влиянием второго круга идей на первый. Пропилен является, так сказать, средним представлением между амиленом и Пропилеям и, и

слово это попадает в содержание сновидения в качестве компромисса путем одновременного сгущения и смещения.

При взгляде на эту работу смещения еще настоятельнее, чем при сгущении, чувствуется потребность найти мотивы такой загадочной работы сновидения.

VI

Если то обстоятельство, что мы в содержании сновидения не находим или не узнаем скрытых его мыслей и не догадываемся даже о причинах такого искажения, обуславливается главным образом работой смещения, то другая, более легкая переработка скрытых мыслей приводит нас к обнаружению новой, но уже вполне понятной деятельности работы сновидения. Ближайшие скрытые мысли, обнаруживаемые путем анализа, часто поражают нас своей необычностью: они являются нам не в рациональных словесных формах, которыми наше мышление обыкновенно пользуется, а скорее выражаются символически, посредством сравнений и метафор, как в образном поэтическом языке. Нетрудно найти причину такого рода условности при выражении скрытых мыслей. Сновидение по большей части состоит из зрительных картин (ситуаций); поэтому скрытые мысли должны прежде всего подвергнуться некоторым изменениям, чтобы сделаться годными для такого способа выражения. Если мы представим себе, например, задачу, заключающуюся в том, чтобы заменить фразу из какой-нибудь политической передовицы или из речи в судебном зале рядом картинных изображений, то мы легко поймем, какие изменения вынуждена производить работа сновидения в целях образного представления содержания сновидения.

Среди психического материала скрытых мыслей обыкновенно встречаются воспоминания о глубоких переживаниях == нередко из раннего детства, запечатлевшихся как ситуации по большей части со зрительным содержанием. Этот элемент скрытых мыслей, действуя как бы в качестве кристаллизационного центра на концентрацию и распределение материала скрытых мыслей, оказывает, где только возможно, определяющее влияние на формирование сновидения. Ситуация сновидения является часто не чем иным, как видоизмененным и усложненным повторением указанного глубокого переживания: сновидение лишь очень редко дает точную и без всяких примесей репродукцию действительных сцен.

Но сновидение не состоит исключительно из ситуаций, а содержит также отдельные остатки зрительных образов, речей и даже неизмененных мыслей. Небесполезно, пожалуй, просмотреть теперь вкратце изобразительные средства, которыми располагает работа сновидения для своеобразного выражения скрытых мыслей.

Обнаруживающиеся путем анализа скрытые мысли представляют психический комплекс самого запутанного строения. Части его находятся в самых разнообразных логических отношениях друг к другу: они могут стоять на первом и на последнем плане; могут быть условиями, отступлениями, пояснениями, доказательствами и возражениями; почти всегда рядом с одним направлением мыслей присутствует противоречащее ему обратное течение. Этому материалу свойственны все характерные черты знакомого нам мышления наяву; но чтобы получить сновидение из этого психического материала, необходимо подвергнуть его

сгущающей прессовке, внутреннему раздроблению, смещению, которое одновременно создает новые видимости, и, наконец, избирательному воздействию со стороны наиболее годных для образования ситуаций составных частей. С учетом генезиса этого материала такой процесс заслуживает название "регрессии". При переработке психический материал теряет, конечно, скреплявшие его логические связи: работа сновидения как бы берет на себя только обработку фактического содержания скрытых мыслей; так что при толковании сновидения необходимо восстановить связь, уничтоженную работой сновидения.

Таким образом, средства выражения работы сновидения можно назвать жалкими по сравнению со средствами нашего мышления. Однако сновидение вовсе не должно отказываться от передачи логических отношений между скрытыми мыслями: очень часто ему удается заменить эти отношения характерными продуктами собственного творчества.

Сновидение прежде всего обнаруживает непреложную связь между всеми частями скрытых мыслей тем, что соединяет весь этот материал в одну ситуацию: оно выражает логическую связь сближением во времени и пространстве, подобно художнику, соединяющему на картине, изображающей Парнас, всех поэтов, которые, конечно, никогда не находились вместе на одной вершине горы, но в понятии, несомненно, образуют одну семью. Работа сновидения применяет этот способ выражения и в частности, так что если в сновидении два элемента находятся рядом, это говорит за особенно тесную связь между скрытыми за ними мыслями. Здесь нужно еще заметить, что сновидения одной ночи обнаруживают при анализе свое происхождение от одного и того же круга идей.

Причинная зависимость в сновидении либо вовсе не выражается, либо замещается последовательностью во времени двух неодинаково длинных частей сновидения. Часто это замещение бывает обратным, т. е. начало сновидения соответствует следствию, а конец == предпосылке. Прямое превращение во сне одного предмета в другой указывает, повидимому, на отношение причины к следствию.

Сновидение никогда не выражает альтернативу "или == или", а содержит оба члена ее, как равнозначные, в одной и той же связи. И я упоминал, что при воспроизведении сновидения альтернативу "или == или" нужно передавать словом "и".

Противоречащие друг другу представления выражаются во сне преимущественно одним и тем же элементом (*). Слова "нет", повидимому, не существует для сновидения. Противоположность между двумя мыслями и инверсия выражается в сновидении в высшей степени странно, именно: одна часть сновидения как бы последовательно превращается в свою противоположность. Ниже мы познакомимся еще с другим способом выражения противоречия. Столь частое в сновидении ощущение затрудненного движения выражает противоречие между импульсами, т. е. волевой конфликт.

Весьма пригодным для механизма создания сновидения оказывается только одно логическое отношение == отношение подобия, общности, согласования. Работа сновидения пользуется этими случаями как опорными пунктами для сгущения сновидения и соединяет в новое единство все, что обнаруживает такое согласование.

(*). *Примечательно, что известные лингвисты утверждают: древнейшие языки человечества отражают*

совершенно противоположные крайности одним и тем же словом (сильный == слабый, внутри == снаружи и т. д.; "противоположный смысл первоначальных слов").

Всех высказанных нами замечаний, конечно, недостаточно для правильной оценки всей суммы средств, которыми располагает работа сновидения для выражения логических отношений между скрытыми мыслями сновидения. В этом отношении разные сновидения бывают обработаны более тонко или более небрежно: неодинаково старательно придерживаются имеющегося текста и неодинаково пользуются вспомогательными средствами работы сновидения; в этом случае сновидения кажутся темными, спутанными и бессвязными. Когда сон очевидно нелеп и содержит очевидное противоречие, это происходит преднамеренно: своим с виду небрежным отношением ко всем логическим требованиям сновидение указывает на какую-то скрытую мысль; нелепость в сновидении означает противоречие, насмешку и издевку в скрытых мыслях. Так как это объяснение является самым сильным возражением против того понимания сновидения, которое приписывает происхождение сновидения диссоциированной и лишенной критики душевной деятельности, то я хочу подкрепить свое объяснение примером.

Мне снится: один мой знакомый М. подвергся в одной статье нападкам со стороны не больше и не меньше как. самого Гете; нападки эти, по нашему общему мнению, были незаслуженны. М. был, конечно, уничтожен ими; он горько жалуется на это в одном обществе за столом, но говорит, что его уважение к Гете от этого несколько не пострадало. Я стараюсь затем несколько выяснить себе обстоятельства времени, которые кажутся мне неправдоподобными: Гете умер в 1832 году, следовательно, его нападки на М. должны были произойти раньше; М. должен был быть тогда совсем молодым человеком; мне представляется вероятным, что ему было 18 лет. Но я не знаю точно, какой у нас теперь год, и таким образом все вычисление затемняется. Впрочем, эти нападки содержатся в известной статье Гете "Природа".

Бессмысленность этого сновидения покажется еще ярче, если я сообщу, что М. == молодой делец, которому чужды всякие поэтические и литературные интересы. Но, приступив к анализу этого сновидения, я сумею доказать, что за этой бессмысленностью кроется определенная система. Сновидение черпает свой материал из трех источников:

1. М., с которым я познакомился в одном обществе за столом, обратился ко мне однажды с просьбой обследовать его старшего брата, обнаруживавшего признаки душевного расстройства. При разговоре с больным случилась неприятная сцена, заключающаяся в том, что больной без всякого повода стал нападать на брата и намекать на его юношеские похождения. Я спросил больного о дне его рождения (дата смерти во сне) и заставил его производить различные вычисления, чтобы обнаружить у него ослабление памяти.

2. Одна медицинская газета, на обложке которой стояло также и мое имя, поместила прямо-таки "уничтожающую" критику одного совсем молодого референта по поводу книги моего друга Ф. из Берлина. По этому поводу я говорил с редактором, который, правда, выразил

свое сожаление, но отказался поместить возражение. После этого я прекратил отношения с газетой и в своем письменном отказе выразил редактору надежду, что наши личные отношения от этого случая не пострадают. Данный случай, собственно, и является источником сновидения. Отрицательный прием, оказанный работе моего друга, произвел на меня глубокое впечатление: эта работа, по моему мнению, содержала фундаментальное биологическое открытие, которое лишь теперь == спустя 4 года == начинает оцениваться специалистами.

3. Одна больная рассказала мне недавно историю болезни своего брата, который впал в помешательство с криком "Natur, Natur" (*). Врачи думали, что восклицание это относится к чтению прекрасной статьи Гете и что оно указывает на переутомление больного от занятий. Я сказал, что мне представляется более вероятным, что восклицание "природа" нужно понимать в том половом смысле, который известен и необразованным. И тот факт, что несчастный больной впоследствии изуродовал себе половые органы, во всяком случае подкрепил мое предположение. Когда произошел первый припадок, этому больному было 18 лет.

(*) *Natur* == досл. природа, натура. В южнонемецком также (эвфемизм) == срам, половые органы. ==
Примеч. ред. перевода.

В сновидении прежде всего за моим Я скрывается мой так плохо встреченный критиком друг ("я стараюсь несколько выяснить себе обстоятельства времени"). Книга моего друга посвящена именно исследованию некоторых вопросов о длительности жизни; между прочим, автор говорит также о продолжительности жизни Гете, которая равна очень значительному в биологии числу дней. Однако мое Я уподобляется затем паралитику ("я не знаю точно, какой у нас теперь год"). Таким образом, сновидение представляет моего друга паралитиком, изобилуя при этом нелепостями. Скрытые же мысли гласят иронически: "Конечно, он == сумасшедший дурак, а вы == гении и больше всех понимаете; а не вернее ли будет обратное". Эта инверсия широко использована в содержании сновидения; так, например, Гете нападает на молодого человека; это, конечно, нелепо, ибо в наше время всякий молодой человек легко может критиковать великого Гете.

Я мог бы сказать, что каждое сновидение исходит только из эгоистических побуждений. Мое Я во сне не только замещает моего друга, но изображает также и меня самого; я отождествляю себя с ним: судьба его открытия представляется мне образцом того, как будет принято мое собственное открытие; когда я выступлю со своей теорией, подчеркивающей в этиологии психоневрозов влияние половой сферы (ср. намеки на больного с возгласом "природа"), то меня ожидает такая же критика, и я уже теперь также смеюсь над ней. Вскрывая далее свои скрытые мысли, я постоянно нахожу насмешку и издевку как коррелят нелепостей в сновидении. Случайная находка в Венеции надтреснутого черепа овцы, как известно, навела Гете на мысль о так называемой позвоночной теории черепа (*). Мой друг хвалится, что, будучи студентом, он поднял целую бурю для устранения одного старого профессора, который, имея в прошлом заслуги (между прочим, и в указанной выше области сравнительной анатомии), сделался затем вследствие старческого слабоумия неспособным к преподаванию. Поднятая им (другом) агитация помогла предотвратить беду, создавшуюся в силу того, что в немецких университетах не положен возрастной предел академическому преподаванию. Но возраст не гарантирует от глупости. Несколько лет я служил в одной больнице при старшем

враче, который, будучи давно уже дряхлым и с десяток лет заведомо слабоумным, продолжал занимать свою ответственную должность. Здесь мне вспоминается находка Гете в Венеции. Молодые коллеги по больнице применили как-то к этому старику популярную в то время песенку: "Ни один Гете этого не воспел, ни один Шиллер этого не описал" и т. д.

(Теория происхождения черепа из видоизмененных разросшихся и сросшихся между собой позвонков. == Примеч. ред. перевода.*

VII

Мы не закончили еще оценки работы сновидения. Кроме сгущения, смещения и наглядной переработки психического материала необходимо приписать работе сновидения еще другого рода функцию, заметную, впрочем, не во всех сновидениях. Я не стану подробно описывать эту часть работы сновидения, но хочу лишь указать, что о ее сущности можно составить себе представление, если предположить == может быть, не совсем верно == что работа сновидения действует иногда на сновидение уже после его образования. Она заключается в том, чтобы расположить составные элементы сновидения в такой порядок, при котором они находились бы между собой в связи и сливались бы в одно цельное сновидение. Таким образом, сновидение приобретает нечто вроде фасада, который, конечно, не во всех пунктах прикрывает его содержание, и при этом первое предварительное толкование, которому способствуют вставки и легкие изменения. Но такая обработка сновидения становится возможной лишь благодаря тому, что работа сновидения при этом ничем не смущается и вообще обнаруживает резкое непонимание скрытых мыслей; поэтому, когда мы приступаем к анализу сновидения, нам прежде всего необходимо отбросить эти попытки толкования.

В этой части цель работы сновидения становится особенно прозрачной: это == стремление сделать сновидение более понятным. Это обстоятельство указывает также и на характер такой переработки; последняя относится к соответственному содержанию сновидения, так же как наша нормальная деятельность == к содержанию любого восприятия: она прилагает к нему известные готовые представления и уже при самом восприятии в целях понятности располагает элементы последнего в определенном порядке; однако такая переработка рискует исказить восприятие, и действительно, если не удастся связать его с чем-либо известным, она приводит к самым странным недоразумениям. Ведь известно, что мы не в состоянии смотреть на ряд чуждых нам знаков или слушать незнакомые слова без того, чтобы не видоизменять их с целью сделать понятными и связать с чем-либо знакомым для нас.

Сновидения, подвергшиеся такой обработке со стороны такой психической деятельности, полностью аналогичной мышлению в бодрствующем состоянии, можно назвать хорошо сочиненными. В других сновидениях эта деятельность совершенно отсутствует; в них даже не делается попытки упорядочить и истолковать их, так что по пробуждении мы, чувствуя себя тождественными с этой последней частью работы сновидения, говорим, что оно было "совершенно спутанным". Однако сновидение, представляющее беспорядочную кучу бессвязных отрывков, имеет для анализа такую же ценность, как и сновидение, хорошо сделанное и имеющее приглаженный внешний вид; в первом случае нам не приходится тратить

усилий на разрушение того, что создано последней функцией работы сновидения. Не следует, однако, заблуждаться и считать, что этот фасад сновидения не представляет из себя ничего иного, как просто невразумительную и довольно произвольную переработку содержания сновидения сознательной инстанцией нашей душевной жизни. Нередко для создания фасада сновидения используются фантазии-желания, которые находят себе воплощение в мыслях сновидения и по типу аналогичны известным нам из бодрствования так называемым "снам наяву". Желания-фантазии, которые анализ открывает в ночных сновидениях, зачастую выступают как повторения и переработки сцен в детстве; фасад сновидения открывает нам собственное ядро сновидения, непосредственно подвергшееся искажению во многих сновидениях путем смешения с другим материалом. В работе сновидения невозможно более открыть других типов деятельности, кроме четырех вышеупомянутых.

Если твердо придерживаться того положения, что "работа сновидения" означает переработку скрытых мыслей в содержание сновидения, то нужно сказать, что работа сновидения вообще ничего не создает, не проявляет своей собственной фантазии, не рассуждает, не умозаключает и что вообще функции ее заключаются только в сгущении материала, смещении его и наглядном его представлении, к которым присоединяется иногда еще последний непостоянный элемент == истолковывающей переработки. В содержании сновидения встречаются, правда, и такие элементы, которые можно было бы принять за продукт высшей психической деятельности; но анализ всегда обнаруживает, что эти интеллектуальные операции имели место уже в скрытых мыслях, откуда сновидение их лишь заимствует. Логическое заключение в сновидении есть не что иное, как повторение заключения из скрытых мыслей. Оно бывает неопровержимым, если переходит в сновидение без изменения; оно становится бессмысленным, если работа сновидения переносит его на другой материал. Вычисление во сне указывает на таковое же в скрытых мыслях; но тогда как в последнем случае вычисление всегда правильно, во сне оно может в силу сгущения элементов и смещения на другой материал дать самый нелепый результат. Даже встречающиеся в сновидении речи не сочинены вновь; они оказываются составленными из отрывков речей, произнесенных или слышанных раньше и воспроизведенных теперь в скрытых мыслях; при этом слова воспроизводятся самым точным образом, повод же к их произнесению игнорируется и смысл жестоко извращается. Быть может, не излишне подкрепить последние указания примерами.

1. Невинно звучащее и хорошо сочиненное сновидение одной пациентки гласит:

Она идет на рынок со своей кухаркой, которая несет корзину. Мясник в ответ на ее требование чего-то говорит: "Этого уже н е т",== и хочет дать ей что-нибудь другое с замечанием: "Это тоже хорошо". Она отказывается и идет к зеленщице. Последняя предлагает ей пучок какойто странной зелени черного цвета. Она говорит: "Этого я не знаю (kenne) и не возьму".

Слова "этого уже нет" находятся в связи с историей ее лечения. Я сам за несколько дней до того объяснял пациентке, что воспоминания раннего детства уже не существуют как таковые, а заменяются метафорами и сновидениями; значит, в ее сновидении в качестве

мясника фигурирую я.

Другие слова: "этого я не знаю"--были произнесены при совершенно других условиях. За день до сновидения она крикнула своей кухарке, которая, впрочем, тоже фигурирует в сновидении: "Ведите себя прилично, этого я не признаю (kenne)" (т. е. такого поведения не признаю и не понимаю). Более невинная часть этой фразы попала, в силу смещения, в сновидение; в скрытых же мыслях главную роль играла другая часть фразы; дело в том, что в данном случае работа сновидения изменила крайне наивно и до полной неузнаваемости созданную воображением большой ситуацию, где я веду себя в некотором роде неприлично по отношению к ней. А эта воображаемая ситуация, в свою очередь, является лишь "новым изданием" переживания пациентки, имевшего когда-то место в действительности.

2. Вот другой как будто лишенный всякого значения сон, в котором встречаются числа. Г-же А. снится, будто ей нужно уплатить за что-то: дочь ее берет у нее из кошелька 3 фл. 65 кр., но мать говорит ей: "Что ты делаешь? Это ведь стоит только 21 крейцер".

Видевшая сон была иногородней; она поместила своего ребенка в какое-то воспитательное заведение в Вене и могла продолжать лечение у меня до тех пор, пока в Вене оставалась ее дочь. В день накануне сновидения заведующая заведением советовала матери оставить ребенка еще на год; в этом случае она продлила бы и свое лечение на год. Числа в сновидении приобретают значение, если вспомнить, что "время-деньги". Один год равен 365 дням, в крейцерах 365 кр. или 3 фл. 65 кр.; 21 крейцер соответствует трем неделям, которые оставались со дня сновидения до конца учения и, следовательно, до конца лечения. Повидимому, именно денежные соображения заставили эту даму отклонить предложение заведующей, и в силу этих же соображений в сновидении фигурирует небольшая денежная сумма.

3. Молодая, но находящаяся уже несколько лет в замужестве дама узнает, что ее знакомая сверстница Элиза Л. помолвлена. По этому поводу ей приснилось следующее:

Она со своим мужем сидит в театре, и одна сторона партера совершенно пуста. Муж рассказывает ей, что Элиза Л. и жених ее также хотели пойти, но могли достать только плохие места, три места за 1 фл. 50 кр., а таких они не хотели взять. Она думает, что в этом не было бы беды.

Здесь нас интересует, как эти числа возникли из материала скрытых мыслей и каково испытанное ими превращение. Откуда возникли эти 1 фл. 50 кр.? По незначительному поводу предыдущего дня: ее невестка получила в подарок от своего мужа 150 фл. и поторопилась растратить их, купив себе на эту сумму какое-то украшение. Заметим, что 150 фл. в 100 раз больше, чем 1 фл. 50 кр. Для цифры "три", относящейся к театральным билетам, имеется лишь та связь, что невестка Элизы Л. ровно на три месяца моложе этой дамы, видевшей сон. Ситуация в сновидении является воспроизведением небольшого случая, которым муж ее часто дразнил: она однажды очень торопилась достать заблаговременно билеты на одно представление; когда же она явилась в театр, одна сторона партера была почти пуста; ей,

следовательно, незачем было так торопиться. Не оставим, наконец, без внимания и ту нелепость в сновидении, что два лица хотят взять три билета в театр. Скрытые мысли здесь таковы: "Это ведь было бессмысленно выходить так рано замуж; мне незачем было так торопиться. На примере Элизы Л. я вижу, что всегда могла бы найти мужа и даже в сто раз лучшего (мужа, сокровище--Schatz), если бы только подождала. За свои деньги (приданое) я могла бы купить трех таких мужей".

VIII

Познакомившись в предыдущем изложении с работой сновидения, читатель, пожалуй, будет склонен рассматривать ее как совершенно особенный процесс, не имеющий, насколько известно, подобного себе; на работу сновидения как бы переходит то странное ощущение, которое обыкновенно вызывается у нас продуктом этой работы, т. е. сновидением. Но в действительности работа сновидения впервые знакомит нас лишь с одним из целого ряда психических процессов, на почве которых возникают истерические симптомы, навязчивый страх, навязчивые и бредовые идеи. Сгущение и прежде всего смещение являются всегда характерными чертами также и для этих процессов; наоборот, наглядное представление остается своеобразной чертой работы сновидения. Если это объяснение ставит сновидение рядом с созданиями больной психики, то тем важнее для нас узнать существенные условия возникновения таких процессов, как сновидение. Читатель, вероятно, будет удивлен, когда услышит, что к этим обязательным условиям не относятся ни состояние сна, ни болезнь; целый ряд явлений повседневной жизни здоровых людей == забывчивость, обмолвки, промахи и известный род заблуждений == обязан своим возникновением такому же психическому механизму, как и сновидение.

Среди отдельных функций работы сновидения более всего поразительно смещение, являющееся центральным пунктом всей проблемы. При исследовании в проса мы узнаем, что явление смещения обуславливается чисто психологическими моментами: оно является чемто вроде мотивировки. Чтобы обнаружить последнюю, необходимо дать оценку тем фактам, с которыми мы неизбежно сталкиваемся при анализе сновидения. Так, при анализе первого сновидения я вынужден был прервать изложение скрытых мыслей ввиду того, что среди них, как я признался, были такие, которые я по важным соображениям предпочитаю скрыть от посторонних. К этому я добавил, что если вместо данного сновидения взять для анализа какое-нибудь другое, это делу не поможет: в каждом сновидении с темным или спутанным содержанием я натолкнусь на скрытые его мысли, требующие сохранения тайны. Но если я продолжаю анализ для себя самого и не принимаю во внимание других, для которых ведь и не предназначено такое личное переживание, как сновидение, то я добиваюсь, наконец, до таких мыслей, которые ошеломляют меня, которых я в себе не знал и которые мне не только чужды, но и неприятны; я готов энергично оспаривать их, но протекающая в анализе ассоциация идей непреодолимо навязывает мне их. Это общее положение вещей я могу объяснить только тем, что мысли эти действительно содержались в моей душевной жизни и обладали известной психической интенсивностью или энергией, но находились в своеобразном психологическом состоянии, в силу которого не могли сделаться сознательными. Я называю это особенное

состояние в вытеснении. Ияне могу не видеть причинной связи между неясностью сновидения и вытеснением некоторых скрытых мыслей, т. е. неспособностью их достигнуть сферы сознания; а отсюда я заключаю, что сновидение должно быть неясным для того, чтобы не выдать запретных скрытых мыслей. Таким образом, я прихожу к представлению об искажении сновидения, которое является продуктом работы сновидения и имеет своей целью замаскировать, т. е. скрыть, что-нибудь.

Я попытаюсь теперь на примере избранного мною для анализа сновидения спросить себя, какова же та скрытая мысль, которая 'проявилась в этом сновидении в искаженном виде и которая, будучи не искажена, вызвала бы с моей стороны самое резкое возражение. Я вспоминаю, что даровая поездка в карете напомнила мне о дорогом обошедшихся мне в последнее время поездках в карете с одним членом моей семьи; далее, что толкование сновидения привело меня к мысли == "мне хотелось бы испытать разок любовь, которая мне ничего не стоит", и, наконец, что я незадолго перед сновидением истратил на это самое лицо большую сумму денег. В этой связи я не могу отделаться от мысли, что мне жаль этих денег. И только когда я признаюсь в этом чувстве, приобретает смысл то обстоятельство, что я во сне хочу любви, не требующей от меня никаких расходов. И все-таки я вправе искренно сказать себе, что при решении затратить ту сумму я не колебался ни одного мгновения; сожаление об этом, т. е. обратное побуждение, не достигло моего сознания; по каким причинам не достигло, это во всяком случае другой вопрос, ведущий далеко в сторону, и известный мне ответ на него принадлежит к другой связи идей.

Подвергая анализу не свое собственное, а сновидение другого лица, я приду к тем же выводам, хотя соображения, на которых будут основываться мои выводы, будут иными. Если я имею дело со сновидением здорового человека, то у меня нет иного средства заставить его признать обнаруженные и неосознанные им скрытые мысли, как указать на общую связь всех скрытых мыслей сновидения. Если же я имею дело с нервнобольным, например истериком, то признание вытесненной мысли является для него обязательным ввиду связи этой последней с симптомами его болезни и ввиду улучшения, наступающего у него при замене симптомов болезни неосознанными мыслями. Например, у больной, которой принадлежит последнее сновидение с тремя билетами за 1 фл. 50 кр., анализ должен допустить, что она не ценит своего мужа, жалеет о браке с ним и охотно заменила бы его другим; она, конечно, утверждает, что любит его и что ее сознание ничего не знает об этой низкой оценке мужа (в 100 раз лучшего!); но все симптомы ее болезни приводят к такому же заключению, как и это сновидение. И после того как у больной были разбужены вытесненные воспоминания о том времени, когда она сознательно не любила своего мужа, болезненные симптомы исчезли, а с ними исчезло и ее сопротивление против вышеупомянутого толкования сновидения.

IX

Приняв понятие вытеснения и приведя факт искажения сновидения в связь с вытесненным психическим материалом, мы в состоянии указать в общих чертах на полученные из анализа сновидений главные результаты. Относительно понятных и осмысленных сновидений мы

узнали, что они являются незамаскированными исполнениями желаний, т. е. что ситуация сновидения представляет исполненным какое-нибудь вполне заслуживающее внимания желание, знакомое сознанию и оставшееся невыполненным наяву. В неясных и спутанных сновидениях анализ обнаруживает нечто вполне аналогичное: ситуация сновидения опять изображает исполненным какое-нибудь желание, выплывающее всегда из скрытых мыслей; но представлено оно в неузнаваемом виде, так что только анализ в состоянии вскрыть его. При этом желание либо само вытеснено и чуждо сознанию, либо самым тесным образом связано с вытесненными мыслями и выражается ими. Итак, формула этих сновидений такова: они суть замаскированные исполнения вытесненных желаний. Любопытно отметить по этому поводу справедливость народного воззрения, рассматривающего сновидение как предсказание будущего. В действительности в сновидении проявляется не то будущее, которое наступит, а то, наступление которого мы желали бы; народный дух и здесь поступает так, как он привык поступать в других случаях: он верит в то, чего желает.

С точки зрения исполнения желаний сновидения бывают трех родов. Во-первых, сновидения, представляющие невытесненное желание в незамаскированном виде: таковы сновидения инфантильного типа, реже встречающиеся у взрослых. Во-вторых, сновидения, выражающие вытесненные желания в замаскированном виде: таково, пожалуй, огромное большинство всех наших сновидений, для понимания которых необходим анализ. В-третьих, сновидения, выражающие вытесненные желания, но без или с недостаточной маскировкой их. Эти сновидения постоянно сопровождаются страхом, прерывающим сон; страх выступает здесь вместо искажения сновидения; в сновидениях же второй категории страх устраняется работой сновидения. Можно без особых затруднений доказать, что представление, вызывающее теперь у нас во сне страх, было когда-то нашим желанием, а затем было вытеснено.

Существуют также ясные сновидения со страшным содержанием, которые, однако, не вызывают страха во мне; поэтому их не следует причислять к сновидениям третьей категории. Такие сновидения служили всегда доказательством того мнения, что сновидения лишены всякого значения и психической ценности. Однако анализ одного примера покажет, что в таких случаях мы имеем дело с хорошо замаскированными исполнениями вытесненных желаний, т. е. со сновидениями второй категории; этот же пример может служить прекрасной иллюстрацией пригодности работы смещения для маскировки желаний. Девушка во сне видит единственного ребенка своей сестры мертвым при той же обстановке, при которой она несколько лет назад видела мертвым первого ребенка. При этом девушка не испытывает никакой жалости, но, конечно, протестует против того понимания, будто смерть ребенка соответствует ее желанию. Этого и не требуется: дело в том, что у гроба первого ребенка сестры она в последний раз видела и говорила с любимым человеком; если бы умер второй ребенок, то, вероятно, она опять встретила бы в доме сестры с этим человеком. И вот она жаждет этой встречи, но протестует против такого чувства. В самый день сновидения она взяла билет на лекцию, объявленную все еще любимым ею человеком; ее сновидение есть просто "нетерпеливое" сновидение, как это обыкновенно бывает перед путешествием, посещением театра и другими ожидаемыми удовольствиями; чтобы скрыть это стремление, ситуация применена к случаю, который менее всего подходит для радостных чувств, но который оказал ей однажды услугу. Следует обратить внимание еще на то обстоятельство, что эмоции во сне соответствуют не получившемуся

содержанию сновидения, а действительному, хотя и скрытому; ситуация в сновидении предвосхищает давно желаемое свидание и не дает никакого повода для тяжелых чувств.

Х

Так как философам до сих пор не приходилось еще заниматься вопросом о психологии вытеснения, то позволительно в связи с неизвестной сущностью этого явления составить себе наглядное представление о процессе образования сновидения. Несмотря на сложность принятой нами схемы, мы все-таки не можем удовлетвориться более простой схемой. По нашему мнению, в душевном аппарате человека имеются две мыслеобразующие инстанции, из которых вторая обладает тем преимуществом, что ее продукты находят доступ в сферу сознания открытым; деятельность же первой инстанции бессознательна и достигает сознания только через посредство второй. На границе обеих инстанций, на месте перехода от первой ко второй, находится цензура, которая пропускает лишь угодное ей, а остальное задерживает. И вот то, что отклонено цензурой, находится, по нашему определению, в состоянии вытеснения. При известных условиях, одним из которых является сновидение, соотношение сил между обеими инстанциями изменяется таким образом, что вытесненное не может уже быть вполне задержано; во сне это происходит как бы вследствие ослабления цензуры, в силу которого вытесненное приобретает возможность проложить себе дорогу в сферу сознания. Но так как цензура при этом никогда не упраздняется, а лишь ослабляется, то она довольствуется такими изменениями сновидения, которые смягчают неприятные ей обстоятельства; то, что в таком случае становится осознаваемым, есть компромисс между намерениями одной инстанции и требованиями другой. Вытеснение, ослабление цензуры, образование компромисса == такова основная схема возникновения как сновидения, так и всяких психопатических представлений; при образовании компромисса как в том, так и в другом случае наблюдаются явления сгущения и смещения и возникают поверхностные ассоциации, знакомые уже нам по работе сновидения.

Нет нужды скрывать, что известную роль в созданном нами объяснении сыграл элемент демонизма при работе сновидения. У нас действительно возникло впечатление, что образование неясных сновидений происходит так, как будто одно лицо, находящееся в зависимости от другого, желает сказать то, что последнему неприятно слушать; путем такого уподобления мы создали понятие об искажении сновидения и о цензуре и затем постарались перевести свое впечатление на язык несколько грубой, но зато наглядной психологической теории. К чему бы ни свелись наши первая и вторая инстанции при дальнейшем исследовании, мы все же ждем подтверждения нашего предположения, что вторая инстанция распоряжается доступом к сознанию и может не допустить к нему первую инстанцию.

По пробуждении цензура быстро восстанавливает свою прежнюю силу и тогда может отобрать все, что было завоевано у нее в период ее слабости. Что забывание сновидения == по крайней мере отчасти == требует именно такого объяснения, это явствует из опыта, подтвержденного бесчисленное количество раз. При пересказе сновидения, при анализе его нередко случается, что отрывок, считавшийся забытым, вдруг вновь выплывает в памяти; этот извлеченный из забвения отрывок дает обыкновенно наилучший и ближайший путь к

истолкованию сновидения; вероятно, в силу этого обстоятельства данный отрывок и был подавлен, т. е. забыт.

XI

Истолковав сновидение как образное представление исполнения желания и объяснив неясность его цензурными изменениями в вытесненном материале, нам уже нетрудно сделать вывод о функции сновидения. В противоположность обычным разговорам о том, что сновидения мешают спать, мы должны считать сновидения хранителем сна. По отношению к детскому сну это утверждение, пожалуй, не встретит возражений.

Наступление сна или соответственного изменения психики во сне, в чем бы оно ни состояло, обуславливается решением уснуть, которое навязывается ребенку или принимается им добровольно вследствие усталости; при этом сон наступает лишь при устранении внешних раздражителей, могущих поставить перед психикой вместо сна иные задачи. Нам известно, какие средства служат для устранения внешних раздражений; но необходимо указать также на средства, которыми мы располагаем для подавления раздражения внутренних (душевных), также мешающих нам уснуть. Возьмем мать, усыпляющую своего ребенка; последний беспрестанно выражает какое-нибудь желание: ему хочется еще раз поцеловаться, он хочет еще играть; желания эти частью удовлетворяются, частью авторитетно откладываются на следующий день; ясно, что возникающие желания и потребности мешают уснуть. Кому не знакома забавная история (Болдуина Гроллера) о скверном мальчугане, который, проснувшись ночью, орет на всю спальню: "Хочу носорога!" Спокойный ребенок вместо того, чтобы орать, в идеал бы восне, будто он играет с носорогом. Так как сновидение, представляющее желание исполненным, принимается во сне доверчиво, то оно таким образом устраняет желание, и продолжение сна становится возможным.

Нельзя не признать, что сновидение принимается доверчиво потому, что является нам в виде зрительного восприятия; ребенок же не обладает еще способностью, развивающейся позднее, отличать галлюцинации или фантазию от действительности.

Взрослый человек умеет различать это; он понимает также бесполезность хотения и путем продолжительного упражнения научается откладывать свои желания до того момента, когда они вследствие изменения внешних условий смогут быть удовлетворены окольным путем. Соответственно этому у взрослого во сне редко встречается исполнение желания прямым психическим путем; возможно даже, что оно вообще не встречается; а все, что кажется нам созданным по образцу детского сновидения, требует гораздо более сложного объяснения. Зато у взрослого человека == и, пожалуй, у всех без исключения людей с нормальным рассудком == развивается дифференциация психического материала, отсутствующая у ребенка; появляется психическая инстанция, которая, будучи научена жизненным опытом, строго господствует над душевными движениями, оказывая на них задерживающее влияние и обладая по отношению к сознанию и произвольным движениям наиболее сильными психическими средствами. При этом часть детских эмоций, как бесполезная в жизни, подавляется новой инстанцией, так что все вытекающие из этих эмоций мысли находятся в состоянии вытеснения.

Когда же эта инстанция, в которой мы узнаем свое нормальное Я, принимает решение уснуть, то в силу психофизиологических условий сна она, по-видимому, бывает вынуждена ослабить энергию, с которой обыкновенно задерживает днем вытесненные мысли. Это ослабление само по себе незначительно: хотя в подавленной детской душе и теснятся эмоции, они в силу состояния сна все-таки с трудом находят себе дорогу к сознанию и совсем не находят ее к двигательной сфере. Однако опасность, угрожающая с этой стороны спокойному продолжению сна, должна быть устранена. По этому поводу необходимо указать, что даже в глубоком сне известное количество свободного внимания должно быть обращено на те возбуждения, ввиду которых пробуждение представляется более целесообразным, чем продолжение сна. Иначе нельзя было бы объяснить того обстоятельства, что нас всегда можно разбудить раздражениями определенного качества, как на это указывал уже старый физиолог Бурдах; например, мать просыпается от плача своего ребенка, мельник == от остановки своей мельницы, большинство людей == от тихого обращения к ним по имени. Вот это бодрствующее во сне внимание обращено также и на внутренние возбуждения, исходящие из вытесненного, и образует вместе с ними сновидение, удовлетворяющее в качестве компромисса одновременно обе инстанции. Это сновидение, изображая подавленное или вытесненное желание исполненным, как бы психически исчерпывает его; в то же время, делая возможным продолжение сна, оно удовлетворяет и другую инстанцию. Наше Я охотно ведет себя при этом как дитя; оно верит сновидению, как бы говоря: "да, да, ты прав, но дай мне поспать". То обстоятельство, что мы по пробуждении так низко ценим сновидение ввиду спутанности и кажущейся нелогичности его, обуславливается, вероятно, также и тем, что аналогичную оценку дает нашим возникающим из вытесненных побуждений эмоциям спящее Я, которое в своей оценке опирается на моторное бессилие этих нарушителей сна. Мы даже во сне сознаем иногда эту низкую оценку, именно: когда сновидение по своему содержанию слишком уж выходит за пределы цензуры, мы думаем: "Это ведь только сон", == и продолжаем спать.

Против такого понимания не может служить возражением то обстоятельство, что и по отношению к сновидению существуют предельные случаи, когда оно не в состоянии уже исполнять своей функции == охраны сна и, как это бывает при страшных сновидениях, берет на себя другую функцию == своевременно прервать сон. Сновидение поступает при этом подобно добросовестному сторожу, который сначала исполняет свои обязанности, устраняя всякий шум, могущий разбудить граждан; когда же причина шума представляется ему важной и сам он не в силах справиться с нею, тогда он видит свою обязанность в том, чтобы самому разбудить граждан.

Эта функция сновидения становится особенно очевидной в тех случаях, когда до спящего субъекта доходят какие-либо внешние раздражения. То обстоятельство, что раздражения внешних органов чувств во время сна оказывают влияние на содержание сновидения, всем давно известно, может быть доказано экспериментально и является мало пригодным, но слишком высоко оцененным результатом врачебных исследований сновидения. Но с этим фактом связана другая неразрешимая до сих пор загадка: внешнее раздражение, действуя в эксперименте на спящего, появляется в сновидении не в своем настоящем виде, а подвергается одному из многочисленных толкований, выбор между которыми, как кажется, предоставлен психическому произволу. Психического произвола, конечно же, не существует; спящий может

реагировать различным образом: он либо просыпается, либо ему удается продолжать сон. В последнем случае он может воспользоваться сновидением, чтобы устранить внешнее раздражение, и притом опятьтаки различным образом: он может, например, устранить раздражение, видя во сне такую ситуацию, которая совершенно не вяжется с данным раздражением. Так, например, одному господину с болезненным абсцессом в промежности снилось, будто он едет верхом на лошади; причем согревающий компресс, который должен был смягчить боль, был принят им во сне за седло; таким образом он справился с мешавшим ему спать раздражением. Чаще же бывает так, что внешнее раздражение подвергается толкованию, в силу которого оно входит в связь с вытесненным и ждущим своего исполнения желанием, теряет поэтому свой реальный характер и рассматривается как часть психического материала. Так, например, одному лицу снится, что он написал комедию, воплощающую известную идею; комедия ставится в театре; прошел первый акт, встреченный бурными одобрениями; страшно аплодируют... Видящему сон здесь удалось продолжать спать, несмотря на шум; по пробуждении он не слышал уже шума, но справедливо решил, что, должно быть, где-то вблизи выбивали ковер или постель. Сновидение, возникающее непосредственно перед пробуждением от сильного шума, всегда представляет собой попытку посредством толкования отделаться от мешающего спать раздражения и таким образом продлить сон еще на некоторое время.

XII

Я не утверждаю, что осветил здесь все проблемы сновидения или исчерпал все убедительные доводы в пользу затронутых мною вопросов. Кто интересуется всей литературой о сновидении, пусть обратится к книге Санте де Санктиса о сновидении (*); а кто желает познакомиться с более подробным обоснованием высказанных здесь мною взглядов, пусть прочтет мою работу "Толкование сновидений". Здесь я укажу еще лишь на то, в каком направлении должна продолжаться разработка моих взглядов на сущность работы сновидения. Если задачей толкования сновидения я считаю замещение сновидения скрытыми его мыслями, т. е. распутывание того, что соткано работой сновидения, то, с одной стороны, я выставляю ряд новых психологических задач, касающихся как механизма работы сновидения, так и сущности и условий возникновения так называемого вытеснения; с другой стороны, я признаю существование скрытых мыслей как психического материала высшего порядка, обладающего всеми признаками высшей умственной деятельности, но не проникающего в сферу сознания до тех пор, пока сновидение не исказит его. Я вынужден предполагать существование таких скрытых мыслей у каждого человека, ибо почти все люди == даже самые нормальные == способны видеть сны. С вопросом о бессознательности скрытых мыслей и об отношении их к сознанию и к вытеснению связаны другие важные для психологии вопросы, но решение последних должно быть отложено до того времени, когда удастся путем анализа выяснить происхождение других созданий больной психики, именно: истерических симптомов и навязчивых идей.

(*) *Sante de Sanctis. I sogni. Torino, 1899.*